

И 304
332

I

801-93
8909-5

95

МАТЕРИАЛЫ КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ
СТАРОЙ ЧУВАШСКОЙ ВѢРЫ.

СОБРАНЫ
ВЪ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТНОСТЯХЪ
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ

В. МАГНИТСКИМЪ, ^X

Членомъ-сотрудникомъ Казанскаго Общества Археологіи,
Исторіи и Этнографіи.

Изданіе Комиссіи Миссіонерскаго противонусульманскаго Сборника при Ка-
занской Духовной Академіи.

КАЗАНЬ

Типографія Императорскаго Университета

1881.

Къ событіямъ, вызывающимъ у Чувашъ проявленія религиозныхъ вѣрованій, относятся: во 1-хъ починъ и окончаніе земледѣльческихъ и другихъ хозяйственныхъ предпріятій; во 2-хъ болѣзни и смерть людей и домашняго скота; въ 3-хъ родины; и въ 4-хъ женитьба. Въ этомъ порядкѣ я и буду излагать собранные мною „Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры“, предпославъ имъ объясненіе значенія: „киреметъ“ и „йомзя“; при чемъ, въ виду сходства многихъ чувашскихъ вѣрованій и обрядовъ съ таковыми же—Татарь, Черемись и частію Русскихъ, для сравненія буду приводить болѣе или менѣе подробныя описанія ихъ у тѣхъ и у другихъ, и указывать извѣстные мнѣ источники для того.

Предлагаемые „Матеріалы“ собраны были мной частію путемъ непосредственныхъ разспросовъ Чувашъ и другихъ лицъ въ восточной половинѣ Чебоксарскаго уѣзда, болѣе же извлечены изъ рукописей, обязательно составленныхъ для меня учителями—чувашиами: Чебоксарскаго уѣзда: деревни Масловой (Кивьял) Андреемъ Егоровымъ, — Чешламы Михайломъ Ивановымъ Орловымъ, — Малой Карачевой (Сядырга) Кузьмой Изотовымъ Мухинымъ и Ядринскаго уѣзда, деревни Тухур Тага, Мало - Шатминскаго прихода, Григорьемъ Филипповымъ (нынѣ священникъ села Старыхъ Шигалей, Цивильскаго уѣзда).

Настоящій трудъ былъ оконченъ мной, за исключеніемъ перевода части чувашскаго текста, въ началѣ 1877 года и представленъ чрезъ руководителя Казанскаго Миссіонерскаго Приюта, покойнаго Н. И. Золот-

ницкаго на бывший въ томъ году въ Казани IV Археологическій Съѣздъ. Изъ Съѣзда рукопись перешла въ вѣдѣніе открывшагося послѣ него при Казанскомъ Университетѣ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, Совѣтомъ коего въ 1879 г. была предназначена къ помѣщенію въ предположенномъ Обществомъ для изданія Сборникъ трудовъ членовъ, и для редакціи передана тому же Н. И. Золотницкому; но за смертію его, 14 мая 1880 года, въ декабрѣ найдена въ посмертныхъ его бумагахъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она ему была переслана въ 1877 году. Это обстоятельство, недостаточное мое знакомство съ чувашскимъ говоромъ и совершенное незнаніе языковъ татарскаго и арабскаго, необходимое при изученіи быта Чувашъ, вынудили меня просить Совѣтъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи передать „Матеріалы для изданія въ Коммиссію по изданію Миссіонерскаго Противомусульманскаго Сборника при Казанской Духовной Академіи: На средства этой Коммиссіи они и издаются.

Въ заключеніе предисловія считаю долгомъ выразить признательнѣйшую благодарность, какъ названнымъ выше сотрудникамъ моимъ, такъ въ особенности преждевременно скончавшемуся Н. И. Золотницкому. Покойнымъ Н. И. Золотницкимъ сдѣланъ для меня переводъ значительной части вошедшихъ въ „Матеріалы“ чувашскихъ молитвъ и объяснено значеніе отдѣльных старинныхъ чувашскихъ словъ, кромѣ того я щедро пользовался отъ него совѣтами и указаніемъ источниковъ, благодаря чему рукопись разрослась до непредвидѣнныхъ размѣровъ. Членомъ Коммиссіи по изданію Миссіонерскаго Противомусульманскаго Сборника и Руководителемъ Миссіонерскаго Пріюта, протоіереемъ Е. А. Маловымъ редактирована вся рукопись снова; имъ же, при посредствѣ Чувашъ: проживающаго въ Миссіонерскомъ Пріютѣ крестьянина околodka Толбай Касы, Богатыревскаго прихода. Ядринскаго уѣзда, Никиты Ефимова и приглашавшагося въ М. Пріютъ

крестьянина села Абашъ, Чебоксарскаго уѣзда, Василья Якимова, сдѣланъ переводъ на русскій языкъ тѣхъ чувашскихъ молитвословій, кои доставлены были безъ перевода собирателями и остались непереверденными покойнымъ Н. И. Золотницкимъ; объяснены нѣкоторыя слова въ чувашскихъ текстахъ по аналогіи съ словами татарскаго, арабскаго и еврейскаго языковъ. Наконецъ, со словъ названныхъ Чувашъ, Никиты Ефимова и Василія Якимова сдѣлано значительное количество пояснительныхъ вставокъ и даже цѣльныхъ описаній, равнымъ образомъ пополнились эти „Матеріалы оставшимися послѣ Н. Ив. Золотницкаго свидѣніями, заключавшимися въ нѣкоторыхъ письмахъ къ нему учителей—Чувашъ.

В. Магнитскій.

Казань. 1881 г.

4 марта.

I.

Впреть.

„Какъ иногда въ устахъ нѣкоторыхъ миссіонеровъ все шаманскія воззрѣнія инородцевъ вмѣстѣ съ молитвенными обращеніями и жертвенными приношеніями верховному Божееству и служебнымъ духамъ, обобщаются подъ названіемъ „служенія дьяволу“; такъ и въ сочиненіяхъ авторовъ, описывающихъ бытъ Чувашъ и Черемисъ, тоже самое именуется „поклоненіемъ киремети“; а въ болѣе подробныхъ изслѣдованіяхъ религіознаго состоянія Чувашъ безразлично употребляются или переимѣниваются слова: „боги, духи, киремети, и ирихи“ и т. п. Это зависитъ частью отъ неимѣнія лингвистическихъ познаній⁽¹⁾, частью отъ недостаточнаго знакомства съ основаніями „черной вѣры“, а всего болѣе отъ путаницы въ религіозныхъ понятіяхъ самихъ Чувашъ, — путаницы, свойственной всякому вѣрованію, не имѣющему методически—научнаго основанія. А насколько эти понятія перепутаны и сбивчивы—можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Слово киреметь, сопоставляемое съ арабскими—хурмет—не прикосновенное, священное и керамет—чудо, дѣлаемое святыми, у Чувашъ составляетъ имя „вышняго существа въ царствѣ злыхъ духовъ“—убитаго людьми и за то озлобленнаго на нихъ, старшаго сына верховнаго Бога (кромѣ этого у Чувашъ много другихъ легендарныхъ сказаній о происхожденіи киремети); этимъ же именемъ, съ прибавленіемъ мѣстныхъ и качественныхъ эпитетовъ, называется и все неисчислимое злобное потомство Киремети, обитающее въ деревьяхъ и оврагахъ; тоже названіе въ переносномъ значеніи „духа“ употребляется въ обращеніи къ добрымъ духамъ—*ири киреметьсэм!*—„добрыс кире-

(1) Замѣчательно въ этомъ отношеніи выраженіе одного миссіонера: „я крещеный черемисинъ еще покланяется *своему Юмъ!*“ а черемисское слово Юма, Юмо по-русски значить: Богъ.

мети“: наконецъ этимъ же самымъ словомъ называются и самыя „мѣста поклоненія и жертвоприношеній“ киреметямъ“ (1).

Попытка самихъ Чувашъ и Черемисъ объяснить значеніе и происхожденіе „Киремети“ безъ помощи науки, породила у нихъ множество легендъ, изъ коихъ извѣстны напр. слѣдующія: Во время сильной грозы одна чувашка въ деревнѣ *Масловой* сидѣла у себя въ избѣ и, глядя въ окно на тучу, увидѣла, что впередъ тучи идетъ человекъ. Человекъ этотъ неожиданно взшелъ къ чувашкѣ въ избу и попросилъ ее спрятать его подъ лавку и объ этомъ, если кто будетъ спрашивать, никому не сказывать. Чувашка согласилась, спрятала приходшаго къ ней человека и опять сѣла у окна. Вскорѣ послѣ того, входитъ къ ней еще человекъ и спрашиваетъ, не видала ли она, шедшаго передъ тучей человека? Чувашка отвѣтила: нѣтъ! и въ свою очередь спросила шедшаго: кого онъ ищетъ, и кто онъ самъ? На это ищущій отвѣтилъ: „Эшь Тора! ширедэп Киремедѣ“—я Богъ! Ищу Киреметь. Услыхавъ такой отвѣтъ, чувашка еще болѣе начала увѣрять спрашивавшаго, что она никого не видала. Ай, Тор, Тор, чинах сьок, эшь корман! Ай, Господи, Господи, право нѣтъ, я не видала! Богъ повѣрилъ и ушелъ. По уходѣ Бога, Киреметь изъ подъ лавки вышла и сказала чувашкѣ: ты меня спасла отъ смерти, теперъ накорми меня! Чувашка спросила: чѣмъ же я тебя накормлю? Масляной кашей! Чувашка сварила кашу. Киреметь поѣла и опять легла спать подъ лавку. На другой день Киреметь велѣла сварить чувашкѣ утку. Чувашка не послушалась. Киреметь за это на чувашку осердилась, избила ее до полусмерти и скрылась. Чувашка отъ побой киремети захворала. Вернувшійся домой мужъ чувашки, распросивъ ее, что съ нею случилось, вскорѣ снова ушелъ въ другую деревню въ работники. По уходѣ мужа, къ чувашкѣ

(1) О жертвенныхъ приношеніяхъ чувашъ. Каз. Губ. Вѣд. 1875 г. № 100.

снова пришла Киреметь и говоритъ ей; свари лучше утку, — выздоровѣешь, а не то умрешь. Чувашка, какъ встала съ постели, заколола утку, сварила ее и накормила Киреметь. Поѣвши, Киреметь опять куда-то ушла, а чувашка начала поправляться — выздоравливать. Киреметь пришла въ третій разъ къ ней и съѣла гуся, въ 4-й — барана, въ 5-й — быка, въ 6 — лошадь. Уходя отъ чувашки въ послѣдній разъ, киреметь сказала ей, если она еще когда заболѣетъ, то сварила-бы кашу, а если отъ этого не будетъ лучше, то утку, гуся, барана, быка, лошадь, и что съ этого времени чувашка будетъ ей, Киремети, помощницей — будетъ йомзить (радовать, ворожить), когда будутъ люди хворать; а про себя киреметь сказала чувашкѣ, что она будетъ жить на всякой высокой горѣ, въ оврагахъ, лѣсахъ...

По уходѣ Киремети, выздоровѣвшая чувашка стала всѣмъ говорить, что она знаетъ, отъ чего люди хвораютъ и отъ чего могутъ выздоравливать. Съ этого же времени и стали ходить къ ней за совѣтами; за эти совѣты чувашка стала получать со всѣхъ по денежкѣ (перь окся). Въ своихъ совѣтахъ она рекомендовала, кому въ честь Киремети, сварить кашу, кому утку, гуся, и т. д. до лошади. Въ настоящее время (по словамъ А. Егорова, доставившаго мнѣ настоящую легенду) Чувашки нерѣдко ругаютъ своихъ женъ такой бранью: „Эзер шойтана сагайнэ...“ „Это вы сохранили шайпыдарза: йолны Тор-ран, дыв тана, спрятавши его отъ сагайнчэнь тохсан кпуду...“ Богамъ въ подполье; / когда низерзэ баны; / сявынбаронь вышелъ изъ подполья — Киреметь полны; агаль ла, вы, сваривши кашу, Киреметь полас съок.“ (ему) дали; отъ этого явились...“ „Ф... шешонто...“ „Каша сварилась киреметь; иначе? — киремети не было бы!“ Подобная легенда шпро Киреметьъ разсказывается и Черемисами: „Одна черемиска пошла на озеро мыть бѣлье.“ Въ ея отсутствіе, приходитъ къ ней въ домъ киреметь, въ видѣ черемисина, и заваливается на полати. Воротясь домой, и увидѣвши киреметь, хозяйка

начала гнать ее вонъ. Но она нейдетъ.... Она взяла палку и начала ее бить. Та схватила хозяйку за шею и стала душить, и при этомъ объявила, что она до тѣхъ поръ не уйдетъ изъ дому, пока она не накормитъ ее блинами. Дѣлать нечего... Черемиска приготовила блины. Но киреметь наѣвшись, опять залѣзла на полати. И на другой день опять объявила ей, что она уйдетъ, если она зарѣжетъ для нее и ожаритъ пѣтуха. Но киреметь поступила опять по вчерашнему, и ушла изъ дому только догда, когда она заколола для нее лошадь⁽¹⁾.

По другой легендѣ, рассказанной мнѣ ямщикомъ-чувашиномъ изъ деревни Осинкиной (Миныйшь), карачевского прихода, виновникомъ происхожденія Киремети былъ богатый некрещенный чувашинъ, захватившій себѣ множество разныхъ земельныхъ угодій и тѣмъ до крайности стѣснившій другихъ. Когда выведенный изъ терпѣнія мѣръ сталъ богачу на это жаловаться, то богачъ, чтобы удержать землю за собой, схитрилъ такимъ образомъ: на всѣхъ четырехъ углахъ своихъ владѣній вырылъ по погребу, посадилъ въ три изъ нихъ по сыну, а въ четвертый-работника и затѣмъ закрылъ ихъ такъ, чтобы посторонніе не могли примѣтить присутствія ихъ. Послѣ того, приведши народъ (мѣръ) на свои земельныя владѣнія, началъ спрашивать землю, чья она? На это изъ--подъ земли явственно послышалось имя завладѣвшаго земель богача.

Мѣръ богачу повѣрилъ. Впослѣдствіи оказалось, что сыновья богача съ работникомъ въ погребахъ по-

---

(1) Нѣсколько словъ о вліяніи черемискаго общества на живущихъ въ немъ русскихъ крестьянъ въ религіозномъ отношеніи—Ф. Земляницкаго. Извѣс. по Казан. Еварх. 1874 г. № 7 ѓ. Сравни. Темная сила въ воображеніи луговаго черемисца. Нѣсколько словъ по поводу языческихъ суевѣрій крещеныхъ черемисъ Царевококшайскаго уѣзда. Изв. по Казан. Еварх. 1874 г. №№ 8 и 23. Черемисы малмыжскаго уѣзда. Вят. губ.. считают киреметь пришедшею къ нимъ огъ татаръ. См. Четыре дня у черемисъ во время сюрена. Сиб. 1879 г. С. К. Кузнецова. Стр. 48. Такъ же П. М. Софійскаго: О киреметяхъ крещеныхъ татаръ Казанскаго края. Изв. по Казан. Еварх. 1877 г. № 24.'

мерли, въ наказаніе отцовской жадности; а на то мѣсто, гдѣ это случилось, народъ сталъ ходить молиться въ благодарность за смерть сыновей богача. Имя богача разсказчикъ называетъ *Мыгитъ* (¹). Въ деревнѣ Масловоѣ, по словамъ А. Егорова, богачъ называется—Сорымъ; мѣсто жительства его было въ Ядринскомъ уѣздѣ. Легенда о Сорминской киремети, разсказанная мнѣ А. Егоровымъ за долго до приведенной, была доставлена въ редакцію Казан. Губерн. Вѣдомостей и тамъ напечатана (²); но, оказывается, неполно. По доставленнымъ мнѣ А. Егоровымъ вновь свидѣніямъ, у Сорыма была жена. Узнавъ, что дѣти ея, вслѣдствіе наказанной жадности мужа, умерли, она на мужа осердилась и потребовала у него развода. Мужъ согласился и выдѣлилъ женѣ половину имѣнія съ тѣмъ, чтобы она на эти средства выстроила себѣ домъ на могилѣ младшаго сына, а въ мужья къ себѣ взяла, кого полюбитъ; самъ же, женившись на другой, поселился на могилѣ старшаго сына.

Тождественная съ послѣдней легендой, разсказывается легенда горными Черемисами въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ (³), гдѣ богачъ называется *Макаромъ*.—

Двѣ легенды о происхожденіи Киремети напечатаны въ Каз. Епарх. Изв. по рукописи Священника села Усытья, Ядринскаго уѣзда, А. Земляницкаго—одна со словъ отставнаго солдата другая простаго чувашина, которыя я здѣсь и приведу кетати.—

1) Киреметь—это бѣглый баринъ. Вишь ты, разсказываетъ солдатъ Священнику,—у Бога былъ этотъ баринъ начальникомъ, но вздумалъ воспротивиться Ему и бѣжалъ отъ Него. Богъ послалъ разыскивать его. Три года искали бѣглеца и—нашли. Стали его судить въ судѣ Божіемъ. Судьи присудили его посадить въ

(¹) Въ Ядринскомъ уѣздѣ богачъ называется *Хыдыль*.

(²) Чувашская легенда о происхожденіи Сорминской Киремети. Казан. Губ. Вѣд. 1870 г. № 87.

(³) Вѣстѣы Молярова. См. Извѣст. по Казан. Епарх. 1873 г. Стр. 254—254. Сравни. Невидим. міръ... Черемисъ. Н. Золотницкаго. Казань. 1877 г. стр. 15.

торьму на весь вѣкъ. Богъ нашелъ такое наказаніе тяжелымъ, и говоритъ судьямъ: „слушай, ребята, пусть будетъ всякій овражекъ и дѣсокъ его мѣстомъ, и что принесутъ ему—деньги—ли, овцу—ли, тѣмъ и живеть. Какъ присуждено, такъ и сдѣлано. Баринъ поселился въ оврагъ и сталъ вредить людямъ; люди начали ему приносить деньги и животныхъ. Это родоначальникъ всѣхъ киреметей. Потому онъ женился и народилъ дѣтей, и развелось племя его до безконечности. Потому-то киреметей теперь и много, и каждый потомокъ этаго бѣлаго барина имѣетъ свой особый оврагъ или дѣсь и Чуваши, чтобы задобрить этихъ потомковъ, приносятъ имъ жертвы.“

2) У одного мужика было три сына, старшій изъ нихъ захотѣлъ жиниться и началъ упрашивать отца, чтобы онъ женилъ его. Отецъ былъ человекъ не глупый и не рѣшился женить сына, не спросясь Бога. И вотъ, онъ пошелъ къ Богу. Но Богъ не позволилъ ему женить сына до слѣдующаго года. Отецъ объявилъ волю Божию своему сыну, но тотъ не повѣрилъ старику, и послалъ къ Богу въ другой разъ. Богъ сказалъ опять, тоже. Сынъ въ третій разъ посылаетъ отца къ Богу. Богъ разгнѣвался и сказалъ старику: „ну, если сынъ хочетъ жениться, то въ оврагѣ есть ему пѣвѣста.“ И въ это время черти утащили сына этаго старика въ оврагъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ невидимъ для человѣческаго глаза.—Теперь хоть опъ и женатъ, но вѣтъ ему нечего. И вотъ онъ самъ приходитъ къ Богу и проситъ, чтобы онъ далъ ему пищу, и Богъ назначилъ ему въ пищу кровь животныхъ, которая будутъ закалаемы. Долго онъ питался такою пищею; но однажды какой-то мужикъ, зарѣзавъ корову, слилъ кровь въ посуду и съѣлъ ее самъ. Разгнѣванный этимъ сынъ старика приходитъ къ Богу съ жалобою, что отнимаютъ у него пищу. Богъ сначала возразилъ ему: „зачѣмъ же ты отдаешь ее, подьямъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „радъ бы не давалъ, да насильно отнимаютъ.“ Богъ на это сказалъ: „ну, такъ и бытъ, Я отдаю и душу

и жизнь животных, и кто тебѣ не будетъ приносить жертвъ. Потому ты можешь дѣлать всякое зло.“ Вотъ отсюда и выпала киреметь, а отъ нея произошли дѣти, и, чтобы задобрить ихъ, Чуваши и приносятъ имъ жертвы“⁽¹⁾.

Изъ нижеслѣдующаго преданія объ основателяхъ деревень: Буяновой (Подгорная, Пуян-касы) и Киткеевой (Сугут-бось), Янтиковского прихода, Архангельско-Янтиковской волости, Цивильскаго Уѣзда, между прочимъ видно, что мѣста жительства киреметей въ старину обгораживались.

Одинъ богатый черемисинъ, осердившись на отца и мать, убѣжалъ изъ дому, причѣмъ захватилъ съ собою много денегъ, на которыхъ, по переѣздѣ черезъ Волгу, купилъ козу и подку: Встрѣтившись съ нимъ въ горной сторонѣ, чувашинъ заманилъ его съ собою по рѣкамъ Святгъ и Кубнъ на рѣчку Сугутку, на берегу которой черемисинъ остался и основалъ селеніе, получившее въ послѣдствіи названіе Пуян-касы (Буянова)-деревни богатаго отъ того, что чувашинъ видѣлъ у черемисина дорогой много денегъ⁽²⁾. А чувашинъ ушелъ отъ него версты на двѣ выше по рѣчкѣ Сугуткѣ, гдѣ основалось селеніе Сугут-бось (Вершина Сугутки), иначе — Киткеева⁽³⁾. У основателя деревни Кит-

(1) Легенды Чувашъ о Киремети. Изв. по Казан. Епарх. 1869 г. № 3.
(2) Въ Алексѣевскомъ приходѣ, Чебоксарскаго уѣзда, есть черемисская деревня Яльчики (Деушева), основателемъ которой считается чувашинъ Деушъ изъ села Яльчикъ. См. Археологическія достопримѣчательности, во 2 стани чебоксарскаго уѣзда. Казан. Губ. Вѣд. 1874 г.

(3) Подъ этими названіями селенія имѣть ни въ изслѣдованіяхъ П. П. Вечеслава: Экономическій бытъ крестьянъ; Казан. губ.; Цивильск. уѣз. Труды Казан. губ. стат. комит. Вып. 1-й и 2-й 1871 г. стр. 23; Естественное приращеніе сельскаго населенія Казанской губерніи по приходамъ, съ обозначеніемъ племяннаго его состава и отношеній между полями. — Томъ 1-й. Казань 1875 г., ни въ изданіи Казанскаго окружнаго суда: Свѣдѣнія о числѣ деревень, отъ селеній и посадковъ до губернскаго, уѣзднаго и заштатныхъ городовъ Казанской губерніи. Казань 1876 г., хотя оно действительно существуетъ. Кромѣ пропусковъ, въ обоихъ изданіяхъ, названія ивородческихъ селеній до крайности искажены.

кеевой впослѣдствіи родился сынъ Иванъ, прозванный Коштанъ Иванъ. Этотъ послѣдній, между прочимъ, на горѣ близъ своей деревни обнесъ оградой, въ сажень вышиною, площадь въ три десятины длиною и шириною. внутри которой поставилъ столъ, скамьи и стулъ подъ названіемъ „Киреметь поганъ“ (стулъ, сѣдалище киремети). и сталъ сюда созывать народъ для жертвоприношеній, разъ въ годъ, въ пятницу. За недѣлю и раньше до наступленія годичной пятницы, Коштанъ Иванъ, называвшій самого себя киреметью, ходя по деревнѣ, объявлялъ:

„Киреметь алык озьлатъ эрне-гон. Сыра-ба, эрекпэ, яшка, сьукур-па, окся-ба бырыр! Хирь-арым-зам пирь, сорбан, сьипь изэ-бырыр! тага-пүдэкъ хор, квагал изэ-бырыр; пыл. пыл сыры изэ-бырыр! сяк ябала-зэм изэ быман сын, мава анұп-келэр“!

„Дверь киремети отворяется въ пятницу. Съ пивомъ, виномъ, янкой (со щами), хлѣбомъ, и деньгами приходите! Женскій полъ, взявши холстъ, полотницы, нитки, приходите! взявши съ собой бѣрана, гуся, утку приходите! меду, медоваго пива взявши приходите! Если кто не принесетъ этихъ вещей, на меня не гнѣвайтесь“.

Приносившіе перечисленные вещи, ставя ихъ на столъ, произносили:

Сьырлах киреметь! санын алык озэлны; сирэ кильдэм; ырлых, сьылых нар! яшка, сьукур-ба, сыра-ба кильдем. Сьырлах чук!

Киреметь помилуй! когда твоя дверь отворилась, тогда я пришелъ; дай добра и здоровья. Я пришелъ со щами, хлѣбомъ, и пивомъ. Чукъ (духъ жертвы) помилуй!

По сборѣ всей деревни, Коштанъ Иванъ читалъ молитву:

Е энъдэ перь киреметь сырлах! Сяк халыга анбрах! ырлых, сывлых, пар! Вылига, акны тырра, килэ—сырта, ачизэнэ, мола перегеть пар! Папа сырди анпалырдыр: ильны сырди ая ыксылдыр! Кам мана хизеплеть, она хизэплэ, кам мана хизэплэмее, она анхизэплэ! Сырлах, анбрах чук! Амин.

Теперь единая киреметь помилуй! Этого народа не оставь! дай добра-здоровья! Скоту, посеянному хлѣбу, домамъ, дѣтямъ, деньгамъ благодатьдай! Откуда дается, пусть будетъ не замѣтно; гдѣ берется тамъ пусть не убываетъ. Кто меня почитаетъ, того почти, а кто меня не почитетъ, тому отомти. Чукъ помилуй, не оставь. Аминь.

Трижды поклонъ. Послѣ молитвы начинался обѣдъ и пьянство. Все, оставшееся отъ обѣда, доставалось въ пользу Копитана Ивана. Захваченная имъ подѣ киреметь земля до 1867 года находилась во владѣннн его родственниковъ, а въ этомъ году она у нихъ отобрана мѣромъ, раздѣлена и распахана.

Въ Цивильскомъ уѣздѣ, по сообщенію чувашина села Абапъ чебоксарскаго уѣзда, Василія Якимова на шихазанскомъ тракту находится деревня „Сорымъ“; въ ней чувашн. ѣдущіе въ Шихазаны, всегда ночуютъ; по имени деревни „Сорымъ“ есть „Киреметь“, которая считается самою главною киреметью „Сорымъ Киреметь“ (1). Въ честь этой киремети въ Чебоксарскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ почти въ каждой деревнѣ собирается, особо назначенными въ каждой деревнѣ сборщиками, хлѣбъ (мукою), солодъ, крупа, хмѣль, всевозможные продукты и деньги, потомъ изъ собраннаго матеріала зарятъ пиво, покупается водка, медъ и лакомства, собирается въ назначенный день въ каждой деревнѣ и селѣ сборище, и дѣлаютъ празднество въ честь „Сорымъ Киремети“ (2); которую просятъ въ это время, чтобы

(1) Главное моленье „Сорымъ Киремети“ бываетъ черезъ два или три года.

(2) Корневой чувашско-русскій Словарь П. Ив. Золотницкаго. Казань 1875 г. стр. 62.

она не допустила града, несвоевременныхъ для хлѣба дождей и вообще способствовала урожаю всѣхъ плодовъ и хранила бы всѣхъ ихъ отъ разныхъ напастей. Это празднество дѣлается, кромѣ общаго, и семейнымъ образомъ, смотря по состоянію. Бѣдныя семейства покупаютъ калача—(хлѣба), вина и меду; вино мѣшаютъ съ медомъ и по домашнему должны, въ каждомъ семействѣ, приносить моленіе отдѣльно отъ бывшаго моленія общаго.—

Между г. Чебоксарами и селомъ Ишаками протекаетъ рѣка „Ершу“, на которой стоитъ деревня „Моська-Кассы“ (1). Вблизи этой деревни есть дѣсь подъ горою и родникъ, гдѣ считается мѣстопребываніе „Киремети“. Въ этой киремети пускаются живыя утки, куры, разныя куры, жѣстянки блестящія, иногда и молодые козлята, и для этого ловятся вмѣсто домашней птицы маленькія птички „Оницы“; убиваются и бросаются въ родникъ; также бросаются серебряныя монеты и кромѣ того пускается рыба „Шука“, хотя не живая, и если не случится кому либо купить большой „щуки“, то добиваются купить хотя одну голову большой щуки и эта голова бросается также въ этотъ родникъ. (Если сосѣди имѣютъ между собою вражду, то одинъ изъ нихъ старается у своего противника оторвать кусочекъ отъ какойнибудь вещи и, завязавъ въ оторванный кусочекъ камень, бросаетъ въ родникъ, дабы Киреметь мстила тому лицу и наводила на него болѣзни и корчи. Шука же пускается, по ихъ убѣжденію, для того, что она можетъ вытащить всѣ враждебно оторванные кусочки отъ вещей и брошенные съ камнемъ въ воду, чѣмъ прекращаются наводимые кереметью скорьби. Этому Чувашъ научаютъ ворожецы, и если кто болѣетъ или съ кѣмъ случается какое либо несчастье, то ворожецъ объясняетъ, что это наведено сосѣдомъ враждующимъ).

(1) У кого не живуть дѣти, тотъ даетъ имя новорожденному Моська—черная собака. Если-де дѣти не живуть съ псами въ честь людей, то пусть-де живуть въ честь собаки, говорятъ Чувашъ.

Мѣсто жительства киремети считается священнымъ, и Чуваши подходят къ нему съ трепетомъ (боязнію) (1). Даже далѣе чѣмъ за версту считается все мѣсто священной принадлежностью киремети. гдѣ и можно находить восковыя свѣчи, монеты, холсты и полотеныя привязанныя къ деревьямъ въ даръ киремети.

Еще извѣстно мѣсто вблизи села Абашева по рѣкѣ „Шинеръ“ подъ названіемъ „Шинеръ Киреметь“. Это мѣсто считается мѣстомъ сына Волгя: собирается къ этому мѣсту народъ изъ разныхъ обществъ и на этомъ мѣстѣ рѣжутъ 3-хъ годовалаго жеребца, варятъ его и бьютъ во имя киремети, что производится въ лѣсу въ оврагѣ ночью; и съѣсъ также приносятся разныя жертвы и бросаются вѣщи также, какъ и „киремети Сорымъ“. Недалеко отъ села Абашева, въ верстѣ, въ лѣсу на горѣ находятся большіе камни—роль горна. Здѣсь-то и находится Шинеръ Киреметь въ честь сына Волгя. Около этихъ камней находится зола, монеты и др. признаки жертвоприношеній (2).

Иомзя (Иомызь).

Религія, извѣстная подъ именемъ черной вѣры, послѣдователями которой считаются почти все инородцы восточнаго края Европейской Россіи Сибири и даже жители острововъ Тихаго океана, называется иначе шаманизмомъ или Шаманствомъ. Шаманствомъ именуется она по названію жрецовъ ея у Тунгузовъ—шаманъ, которое собственно значитъ „призыватель или заклинатель духовъ“. У Алтайцевъ—шаманъ-камъ, шаманка-камъ кадытъ Слово камъ тождественно съ чувашъ

(1) Бросаются сюда всевозможные подарки киремети, не включая и хлѣба, только хлѣбъ большею частію дѣлается пряничками—органакъ въ разныхъ формахъ животныхъ, (лошади дѣлаются съ вызолоченными головами, а птицы съ вызолоченными крыльями). Торговъ этими выдѣланными изъ хлѣба товарами производится вездѣ на базарахъ въ селахъ и городахъ, и охотно чувашами эти вещи разбираются.

(2) Объ этихъ трехъ киреметяхъ сообщалъ чувашинъ Василій Якимовъ.

скимъ йомызь. йомзе. йомзя по измѣненію тюркскаго звука *к* въ чувашскій *й*; причеиъ чувашское окончаніе *сь* или *зе*, *зя* соотвѣтствуетъ татарскому и алтайскому—*чи*, киргизскому *ши* и означаетъ лицо производящее и вообще занимающееся чѣиъ нибудь. Можно думать, что и черемисскій мопан (мужанъ). по перестановкѣ звуковъ *ш* и *м*, образовалось изъ слова „шаманъ“ (1).

Изъ нижеслѣдующаго списка йомзей. проживающихъ въ предѣлахъ Тюрлеминскаго. Аттиковского и другихъ сосѣднихъ приходахъ. составленнаго А. Егоровымъ. видно, какія профессіи влекутъ за собой у Чувашъ званіе йомзи. Тюрлеминскаго прихода, деревень: 1) Масловой (Кив-ял):

1) Татьяна аппа—тетушка Татьяна главная вирүссе (заговорщица—дующая во время наговоровъ); ора. ала хозилзан лардаган (изломанныя руки ноги выправляющая); вар пузаган (на животъ горшки накидывающая) (2); ужутма. сивэтьмэ билеген (возбуждать любовь и охлаждать любовь умбюющая); ача эрек исьмэ браггарган, (молодыхъ людей отъ пьянства отвращающая), пабка (бабка).

2) Вазюха аппа—тетушка Василиса—вар пузаган уста—мастерица портить животъ—производить выкидышь; тогатмыш—колдунья.

3) Устиня аппа—тетушка Устинья вар пузаган; кось пыгаган—по глазамъ узнающая судьбу челоуька.

4) Наталья Михайловна—йомзя.

5) Улук инге—тетушка Елена вирүссе.

6) Наталья Максимовна—йые чилги билеген—знающая языкъ (т. е. заговоръ) противъ домоваго, или противъ разслабленія, паралича.

7) Онисья Ѳедорова—вирүссе.

8) Настук аппа—тетушка Настасья старая дѣва—вирүссе.

---

(1) Сибирскіе шаманы и чувашскіе йомзи. IV прилож. къ Слов. г. Золотницкаго. Стр. 162.

(2) Съ цѣлю произвести выкидышь.

9) Акулина Тимофеева, иначе—Кинэр вурры карчыге, кинерская старуха. Прозвище это она получила отъ того, что, приглашенная въ деревню Кинери какимъ-то русскимъ, не съумѣла ничего сдѣлать, за что и была избита.

10) Иванъ Григорьичъ Аванскій } коновалы и
11) Григорій Васильевъ } вируссе.

Кстати. Въ Масловой. по словамъ А. Егорова. Чуваши вѣрятъ, если истереть въ порошокъ мизгиря (паука репмень) и дать въ винѣ выпить пьяницѣ—последнѣй пить перестанетъ. —

Тамъ-же чувашаи говорятъ, что въ винныхъ бочкахъ на днѣ водятся черви—(эрек хѳрчи винный червь); черви эти, когда остатки изъ бочки (черге тѳби), выливаются на дворъ, одни ползутъ обратно въ кабакъ, другіе отъ кабака; и вотъ, если наловить первыхъ и дать человеку не пьющему,—онъ сдѣлается горькимъ пьяницей и не будетъ выходить изъ кабака, а если дать вторыхъ, то и пьяница сдѣлается трезвымъ. Эрекъ хѳрчи остаются и въ недопитыхъ въ кабакѣ стаканчикахъ вина; поэтому, чтобы остатками этими кабатчикъ впоследствии кого не напилъ и не приучилъ къ пьянству, чувашаи недопитое вино изъ стаканчиковъ выплескиваютъ на полъ.

2) деревни Семенчиной (Шинчасъ):

12) Ольдѳк -- Авдотья Ивановна } вар пу-
13) Някка маткѣ (жена Някки) } заган.
Пелагея Яковлева }

14) Устѳк—Устинья Алексеева—вируссе, пабка, ача тудараган (облегчающая роды).

15) Поклак (¹) маткѣ — (жена Поклака) Прасковья Андреева—пабка, вируссе.

16) Архипъ Андреевъ (сохыр слѣпой) молли—законщикъ, корга килли параган, (назначалюцій имена духовъ

(¹) Поклакъ—человекъ, у котораго рука съ отмороженными пальцами, или съ уродливыми пальцами.

при раздачѣ ковна). ой чуге тудараган, распорядитель при полевой жертвѣ, усла сын иргезэ знающій порядокъ при жертвахъ.

3) деревни Рѣшетниковой (Ватнер):

17) Мались—Марфа Захарова—едвали не болѣе (популярна между Русскими, чѣмъ Чувашиами; лечитъ между прочимъ отъ чьянства и для этого сънаступлѣніемъ лѣта, по приглашенію Казанскихъ купцовъ, безпрестанно отъ Козловки до Казани развѣзжаетъ на пародахъ; по рассказамъ, въ эти повѣздки одѣвается въ русское платье.

18) Марья Максимова—вирүссе, вар пузаган.

19) Устинья Миронова, вирүссе.

4) деревни Туганашевой:

20) Марья Сергѣева—жена брата Мались пабка.

21) (Метрезэк кинэ) сноха Митрія пабка.

5) деревни Уразметевой (Моргарь):

22) Овдотья Алексѣева, вирүссе, пабка.

23) Огафья Павлова—вар пузаган.

Аттиковского прихода. 6) села Аттикова (Шурмас).

24) Татьяна Иванова, вар пузаган, пабка.

25) Егоръ Ивановъ,—мужъ Ивановой—вирүссе.

26) Дарья Петрова, вирүссе, вар пузаган.

27) Марья Алексѣева, вирүссе.

28) Устинья Яковлева, пабка.

29) Огафья Ѳедорова, вирүссе.

30) Максимъ Ларіоновъ—мужъ Ѳедоровой—йомзяка.

7) деревни Юмашевой:

31) Петръ Кондратьевъ бра-озал корассына билдеген—узнающій счастье и несчастье по виду.

32) Кузьма Петровъ ала тымар тыдаган уста, знающій значеніе ручнаго пульса.

8) Села Ковалеи:

33) Огани аппа, тетушка Агафья вар пузаган.

34) Степанъ Егоровъ ала тымар тытса билеген, минь малашне ыра-озал корассыне—знающій, что впередь будетъ, добро и зло.

9) деревни Старыхъ Шимкусь (Топкиль):

35) Тевэрби Тюхтеёва вируссе, пабка.

36) Марья Иванова (дѣвка) вар пузаган, пабка.

10) Старой Муратовой (Киве Виренэр):

37) Калюк Екатерина Алексѣева, дочь Масловой Натальи Максимовой, вируссе.

38) Дарья Васильева вар пузаган, главная бабка.

11) деревни Кызыль-яр:

39) Марфа Максимова вар пузаган; пабка.

40) Марья Ильина вируссе, вар пузаган, пабка.

41) Овдотья Павлова вар пузаган.

42) Анна Григорьева пабка.

43) Онисимъ Лукинъ ала тымар тытса билеген, минь малашне ыра-озал корассыне.

Званія йомзи, вирусси и т. д. и необходимы для того знанія приобретаются чувашами большею частью наследственно; но, по словамъ А. Егорова, можно сдѣлаться тѣмъ или другимъ дѣятелемъ и самостоятельно, а иногда даже помимо собственнаго желанія; стоитъ, наприм., предугадать послѣдствія какогонибудь обыкновеннаго явленія и у отгадчика отъ просьбы разрѣшить вновь встрѣтившіяся неразгаданныя обстоятельства, объяснить, наприм., причину болѣзни и т. д. не будетъ отбой. При этомъ соблазниться профессіей йомзи нетрудно, потому, что, кромѣ полученія матеріальныхъ выгодъ, йомзи въ деревнѣ предпочитаютъ всѣмъ ос-

тальнымъ смертнымъ, и ихъ всѣ боятся; придутъ, напр. въ гости йомзя и первый богачъ въ деревнѣ, йомзя усаживается хозяиномъ за столъ прежде богача. Иначе, впрочемъ, йомзя не преминетъ для поддержанія авторитета тутъ же обидѣться и, не вкусивъ по просьбѣ хозяина ничего, тотчасъ же уйти съ угрозой: !:

Чим-га! хувах пырын   Погоди же, самъ при-
ман патна; эбах кирлэ   дешь ко мнѣ; я попадоб-
болып пояндан маларах!   лось прежде богача!—

Этого Чуваши страшно боятся. Лица добросовѣстные и зажиточные и тѣ даже званіемъ йомзи не соблазняются; бѣдняки—же, лѣнтяи и т. д., чтобы добиться этаго званія, измышляютъ разныя мудренныя сповиданія и при встрѣчахъ съ извѣстными имъ лицами, разсказываютъ имъ ихъ съ выводомъ такихъ послѣдствій, которыя у слушателя неизбѣжно должны случиться. Обыкновенно къ пособію йомзей Чуваши обращаются въ случаѣ болѣзней, причемъ являютъ къ нимъ съ такой рѣчью:

Эс мана, йомысь, пых-сам, эпъ сан патна ап-траза кильдэм. Анбрах мана! Епле болинде ырату!

Ты мнѣ, йомзя, поворожи; я пришелъ къ тебѣ, находясь въ крайней нуждѣ. Не оставь меня! Какъ нибудь (чѣмъ можешь), помоги (сдѣлай добро)!

и въ то же время, развязавъ кошну, кладутъ на столъ деньги. Ждущій только этаго, йомзя въ Масловой безотговорочно достаетъ откуда нибудь съ полки ⁽¹⁾ йомысь сукры—употребляющуюся для ворожбы хлѣбную корку, величиною въ мѣдную копѣйку, привязанную на нитку четверти полторы длиною, садится съ ней на стулъ и, опершись локтемъ руки, въ коей йомысь сукры,—на колѣнку, начинаетъ смотрѣть на опущен-

(1) Записки Александры Фуксъ о Чувашахъ и Черемисахъ Казанской губерніи. Казань 1840 г. Стр. 99.

ную надъ доскою отвѣсно корку, результатомъ чего всегда выходитъ: принести, находящейся въ такомъ— то мѣстѣ, киремети въ жертву гуся или утку, сходить въ село Ишаки и т. д. и т. д. (1). Искусство гадать такимъ способомъ называется по чувашски: шай тытма, т. е. держать (привязанный къ ниткѣ вощаной или хлѣбный) шарикъ. Въ 1841 году за это искусство чувашка Наталья Петрова села Хочашева ядринскаго уѣзда по рѣшенію суда, была заключена на покаяніе въ Казанскій женскій монастырь (2). Что-бы не попасть въ затруднительное положеніе йомзи назначаютъ иногда такія условія, выполнить которыя только и можно съ отчаяннымъ рискомъ: напр. поставить свѣчку на крестикѣ церкви и т. д. (3); причемъ йомзи не прочь попользоваться свѣдѣніями, добытыми тайнымъ способомъ (4). Болѣе подробныя свѣдѣнія, объ обстановкѣ, при которой йомзи даютъ совѣты для излеченія больныхъ, см. въ статьѣ: Приготовление умирающаго къ смерти у крещенныхъ Чувашъ Казанской губерніи, Н. Остроумова (5).

Въ Масловой йомзи сказываютъ нѣчто въ родѣ поученій; такъ, напр. они проповѣдуютъ, что кого Богъ при посѣщеніи своемъ застанетъ за работой, тому скажетъ: изьинченъ савындыр! Отъ трудовъ да насладится! Ссорящимся скажетъ: вурзиньченъ савындыр! Да насладится отъ мести! Спящему: ыйгиньченъ савындыр да насладится сномъ!

(1) Миссіонеръ 1879 г. № 30, картины для чувашъ, стр. 261.

(2) Казанскій Богородицкій дѣвичъ монастырь. Священ. Е. Д. Малова. Казань. 1879. Стр. 123 и 124.

(3) Русск. Вѣд. 1869 г. № 141: Буквально этого никогда не исполняютъ, а только свѣчку перекидываютъ черезъ церковь.

(4) Очеркъ Юрид. быта чувашъ... Казан. Губ. Вѣд. 1868 г. № 87.

(5) Извѣст. по Казан. Епарх. 1876 г. № 13

Легенда объ изобрѣтеніи земледѣлія.

Въ деревнѣ Масловой (Кив-яль) разсказывается Чувашиами слѣдующая легенда объ изобрѣтеніи земледѣлія. Послѣ сотворенія міра, Богъ созвалъ всѣхъ звѣрей и птицъ и велѣлъ имъ придумать способъ обработки земли. Всѣ звѣри и птицы собрались, только опоздалъ ежъ (чирип). За нимъ послали мышъ (кожак кайыкьнэ). Входя въ собраніе, ежъ запнулся и упалъ. Собраніе надъэтимъ размѣялось. Ежъ обидѣлся и ушелъ назадъ. Между тѣмъ, способъ обработки земли зналъ онъ только одинъ; поэтому, въ погоню за нимъ, послали свинью послушать, что онъ будетъ говорить. Свинья, вернувшись въ собраніе, разсказала: „надо мной—говорилъ ежъ—смѣются, а сами ничего не знаютъ! Для обработки земли нужно имѣть: соху (сога бозе), борону (сѣурэ), телѣгу (ораба); вспахавши и взборонивши землю, нужно сѣять, а когда выростетъ хлѣбъ, серпомъ жать надо; обмоловивши, слѣдуетъ везти хлѣбъ на мельницу молоть, потомъ слѣдуетъ печь хлѣбъ, и такъ поступать надо во всю жизнь“⁽¹⁾.

За то, что свинья къ ежу ходила долго, собраніе сдѣлало ей выговоръ. Съ тѣхъ поръ, осерженный на мышей, ежъ поѣдаетъ мышей, а свинья—ёжей, хворыхъ ягнятъ и даже человѣческіе трупы; кромѣ того, она, проклятая Богомъ, въ три года разъ только видитъ солнце.

Ага-дуй . (Сабан).

Агадуй (ага—плугъ, косуля, дуй или той—пиръ, сватьяба, праздникъ)—праздникъ весенней пашни. Въ чебоксарскомъ уѣздѣ онъ празднуется только въ 2-хъ сосѣднихъ деревняхъ—Семенчиной (Шынчас) и Масловой (Кив-яль) Тюрлеминскаго прихода, и въ Цивиль-

(1) Разсказъ свиньи объ ежѣ переведенъ съ чувашскаго языка.

скомъ уѣздѣ, въ деревняхъ—Старыхъ и Новыхъ Щелканахъ сосѣднаго Ковалинскаго прихода. Въ деревнѣ Семенчиной агадуй, какъ и у татаръ, называется Сабань. Въ деревнѣ Масловой агадуй празднуется, по словамъ А. Егорова, необыкновенно шумно и торжественно: до дня празднованія, въ каждомъ домѣ варится пива ведеръ до 60-ти, покупается вина ведеръ до двухъ и болѣе и красятся куриныя яйца. Празднованіе, начинаясь въ 20-хъ числахъ Апрѣля, въ разныхъ домахъ въ разные дни, смотря потому, кто, когда успеетъ приготовиться, продолжается цѣлую недѣлю. Приготовившійся къ празднику въ извѣстный день, созываетъ всѣхъ своихъ родственниковъ, сосѣдей и моллу, по приходѣ коихъ выставляются на столъ пиво, вино и обычные яства.

Лишь только все приведется въ надлежащій порядокъ, молла спрашиваетъ хозяина:

Сра юсне (пиво поспѣло)?

Хоз: Юсне, юсне! отвѣчаетъ хозяинъ.

Мол: Сымарда хиретны (яицы выкрашены)?

Хоз: Хиретны, хиретны, бабай!

Добившись послѣдняго отвѣта, молла всхлопываетъ ладошами и протяжно выкликаетъ! сьи—мар—да; сьи—мар—да..... Въ это время хозяйка дома вноситъ въ избу чашку, наполненную выкрашенными яйцами и раздаетъ по одному всѣмъ гостямъ.

Какъ только раздача яицъ кончится, молла выкликаетъ: Ой, падьян, падьян. (1)

Хозяйка наливаетъ большую чашку пива и подноситъ ее всѣмъ гостямъ.

Вслѣдивъ моментъ, когда чашка дойдетъ до послѣдняго гостя, молла выкликаетъ:

Ой, чергэ, чергэ, чергэ...

Первую чарку воды (чергэ) хозяинъ подаетъ моллѣ съ просьбой помолиться, и тотъ, вставъ на ноги, во все услышаніе читаетъ:

(1) باديانъ бадья, большая деревянная чашка.

„Эй бисьмэллэ (!)! Перь
Тора анбрах! ыра сьирь
йиш сьирлах! Хозя пичь-
кэ посьларе сырэ посьсяп-
машкын. Анбрагыр! Епле
болиньдэ осыр! Оя тох-
сан, ойра перегеть парыр,
кылэ кирээнъ кильдэ пе-
регеть парыр! Сяк хозя-
на кильнэ-сьортнэ, вылих-
нэ, ачизеэ анбрагыр! Ага-
дуйрай Агадуй осыр!
Чук сьырлах; сана юсси,
пире шербэть.

Эй бисьмиллэ! Боже
единый, не остав! Семей-
ство доброй земли поми-
луй! Хозяинъ бочку по-
чалъ, чтобы вамъ покло-
ниться. Не оставьте! Какъ
нибудь храните! Если на
поле выхатъ, въ полѣ
изобилія дайте; домой взой-
дешъ, дома изобилія дай-
те! Этого хозяина дома-
строения, скотину, дѣтей
не оставьте! Отъ Агадуй
до Агадуй храните! Чукъ
помилуй; тебѣ горькаго,
намъ сладкаго.—

Прочитавъ молитву, (молла бывшую у него въ ру-
кахъ чарку съ виномъ возвращаетъ обратно хозяину.
А онъ, выпивъ вино, первый, вновь налитую чарку по-
даетъ вторично моллѣ, которую онъ и выпиваетъ, а за-
тѣмъ вино подносится уже и остальнымъ гостямъ, —
чѣмъ и начинается пиръ на весь миръ.

По мѣрѣ выполнения описаннаго обряда, для зак-
люченія праздника, каждая родственная группа выхо-
дитъ въ озимовое поле, неся туда пиво, вино, яйца,
ячменныя или пшеничныя калабашки и по палкѣ, дли-
ною въ аршинъ. Тамъ старшій родичъ предварительно
читаетъ молитву въ честь сьирь йиш т. е. семейства
духовъ земли, а затѣмъ молодежь начинаетъ кидать
въ поле яйца и палки, по положенію коихъ родичъ
предрекаетъ ей будущую ея судьбу. При этомъ, заки-
дывающій яйцо, старается, чтобы оно отъ паденія не
разбилось, что считается дурнымъ признакомъ, а отно-
сительно палки дурнымъ же признакомъ считается, когда

(¹) Очевидно, подобное начало молитвъ заимствовано отъ Мухамме-
данъ. Арабскія слова «бисмилляги» означаютъ «во имя Бога». Суры, или
главы Корана начинаются этими словами.

она джжетъ, въ такомъ направленіи, въ какомъ, хоронятъ покойниковъ.

Въ полѣ, послѣ гаданій и выпивки, начинаются пѣсни, плачь и драки (1).

Послѣ Агадуя, по словамъ А. Егорова, у бѣдняковъ не остается не только сѣмянъ для предстоящаго сѣва, но ни зерна и на ѣду, почему они волей неволей закладываютъ въ послѣдствіи богачамъ женины хошпу (2), и въ страду долгъ отработываютъ жнитвомъ. Справлять Агадуи для каждаго чувашина обязательно, иначе отъ сельскаго общества въ послѣдствіи не будетъ и житья.

Сабань.

У татаръ деревни Янгильдиной (Карамышево), сосѣдней съ двумя названными чувашскими деревнями, Сабань (Сабан—туйи) не имѣетъ религіознаго характера, а есть не болѣе, какъ простой народный праздникъ, сохранившійся отъ старыхъ временъ. Подобно Агадуи сабань исполняется въ концѣ Апрѣля, передъ вешней папней, въ числа неопредѣленныя. О времени исполненія сабана татарская молодежь каждый разъ совѣщается, по выходѣ утромъ изъ мечети. Въ ненастные весны сабана иногда и вовсе не бываетъ. Послѣ того, какъ будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ—быть или не быть Сабану и въ какой день, кто—либо изъ любителей увеселеній отправляется по деревнѣ *собираетъ полотенцы* съ красными концами *со встѣхъ женившихся въ теченіи года*, послѣ бывшаго Сабана. Случается, иные изъ женившихся на устройствѣ Сабана ничего не даютъ, потому что сабань считается ими простой забавой, хотя-де объ немъ и говорится въ татарскихъ книгахъ. Вотъ что довелось мнѣ видѣть въ Янгильдиной на Сабань 19 Апрѣля 1874 года.

(1) Въ 1865 г. близъ деревни Семенчиной совершилось убійство

(2) Головной уборъ и нѣкоторые другіе варяды. XIV приложение къ Словарю И. И. Золотницкаго. Стр. 236.

Часовъ въ 12-ть, въ поле, къ мельницамъ, стала стекаться публика; какъ только собралось народа достаточное количество, явилось трое верховыхъ наѣздниковъ, сосредоточившихъ на себѣ все вниманіе зрителей, раздѣлившихся на три группы—мужскую и женскую изъ татаръ и чувашскую. Въ то время, какъ наѣзники шагомъ ѣхали къ мѣсту, съ котораго должна была начаться скачка, распорядитель Сабана развѣшивалъ на жердь собранныя полотенцы и затѣмъ, съ общаго согласія, обозначилъ, воткнутыми въ землю прутками, линію, на которой наѣзники должны были остановиться. Вслѣдъ за наѣзниками, точно также верхомъ, отправился „правильщикъ“, долженствовавшій наѣзниковъ передъ скачкой установить въ рядъ и подать сигналъ къ началу скачки. Послѣдняя въ деревнѣ Карамышевой, по обычаю, начинается отъ Казанско-Нижегородскаго Почтоваго тракта, по идущей съ него, въ деревню дорогѣ. Липь только всадники стали появляться на горизонтѣ, слѣдившая за ихъ появленіемъ публика заволновалась и начала предугадывать, кто первый прискачетъ къ предѣльной линіи—главный интересъ праздника. Назначенное для скачки пространство было не менѣе 3-хъ верстъ. По приѣздѣ перваго наѣзника, распорядитель Сабана тотчасъ же опустил шесть, съ привязанными къ нему полотенцами и выдалъ изъ нихъ удалыцу—три. Пока отдыхали лошади наѣзниковъ, были приглашены желающіе перегоняться на собственныхъ ногахъ. На это вызвались два скорохода, для легкости бѣга снявшіе съ себя верхнее платье и оставшіеся въ однихъ рубашкахъ, заткнутыхъ за штаны, съ босыми ногами. Первому скороходу было выдано одно полотенце съ того же шеста, который въ честь ихъ былъ вновь приподнятъ. Далѣе началась борьба силачей. Для наблюденія за искусствомъ борцовъ мужская татарская публика, —женская во все время особнякомъ стояла вдали, —расположилась кругомъ въ первомъ ряду, сидя, во 2-мъ на колѣняхъ, въ послѣднемъ—стоя. Все искусство борцовъ состоитъ

въ томъ, чтобы, схватившись другъ съ другомъ сзади за кушаки и упершись плечами, приподнять противника на воздухъ и повалить его на землю, не безъ риска переломать ребра. Борцы за свое искусство никакой награды не получили. Послѣ борцевъ еще разъ проскакали описанное прострапство наѣздники и, по выдачѣ удалцу остальныхъ полотенцевъ, публика разошлась по домамъ.—

Въ Казани Сабанъ празднуется цѣлую недѣлю и, по своей торжественности, далеко не похожъ на описанный деревенскій (*).

У Черемисъ чувашскому Агадюю и татарскому Сабану соответствуетъ ага парэм (**).

Обряды передъ посѣвомъ.

Въ Масловой передъ посѣвомъ предварительно узнается отъ йомзи, кто въ семействѣ *телейла сын* — счастливый человекъ и кому изъ семейныхъ первому *вурлых кларма* т. е. вынести сѣмя. Обыкновенно такой счастливецъ, послѣ полуночи, до восхода солнца, долженъ вынести въ шапкѣ, или въ полѣ одежды, нѣсколько горстей хлѣбныхъ сѣмянъ, такъ чтобы никто не видалъ, и разсѣять ихъ на своемъ загонѣ. Какъ на безгрѣшныхъ, йомзя всегда указываетъ на кого либо изъ дѣтей. Кромѣ выбора счастливца, отъ йомзи узнается, какой счастливый день для начала посѣва. Счастливыми днями считаются: Воскресенье, Понедѣльникъ, Четвергъ и Суббота (**). Въ ожиданіи счастли-

(*) Сабанъ—И. В. Казан. Губ. Вѣд. 1874 г. № 48.

(**) Русскіе престопадные праздники и суевѣрные обряды И. Снегирева. Москва. 1837 г. Вып. IV. Стр. 85—87. Записки Александры Фуксъ о чувашахъ и черемисахъ Казанской губерніи. Казань. 1840 г. Стр. 193—201.

(*) По словамъ А. Егорова въ Масловой дни недѣли у Чувашъ характеризуются такъ:

Выразари-гоп (русскій недѣльный день; воскресенье)—приносить жертву Мелім Хузѣ.

ваго дня, посѣвъ иногда откладывается на цѣлую недѣлю. Въ назначенный йомзей день счастливецъ, указанный имъ, по приказанію главы семейства, отправляется на вспаханый загонъ и разбрасываетъ по нему три горсти назначенныхъ для посѣва сѣмянъ.—

Въ Черемисы деревни Визюргупъ, Казанскаго уѣзда, (разсказывали мнѣ русскіе крестьяне села Алексѣевского, проѣзжающіе чрезъ эту деревню въ Казань на базаръ), посѣвъ начинаютъ непременно всѣ въ одинъ условленный день; если къ этому дню у кого не будетъ еще готовыхъ для посѣва сѣмянъ,—тотъ высѣваетъ хоть одну чашку; а неуспѣвшій по чему либо сдѣлать и этого, не приступаетъ къ посѣву цѣлую недѣлю (1).

Ага путты.

Ага путты (ага — плугъ, косуля, пуду-каша) моленье кашей по случаю окончанія яроваго сѣва. Оно ис-

Тунды-гонъ (день рождвня, или перворожденный день, понедѣльникъ)—порать—т. е. день, который *идится* для всего.

Ытлари-гон (вторникъ)—утланать—верхомъ садится. У Черемисъ вторникъ—кушкужмо и значить верховой. На томъ основаніи, что чувашскія названія дней (кромя субботы) въ значеніи соответствуютъ черемисскимъ, Н. И. Золотницкій полагаетъ, что слово ытлари имѣтъ близкое отношеніе къ глаголу утлан—сѣсть' верхомъ. Словарь стр. 6. Арня.

Йон-гон (день крови, среда)—йонгать—сердится.—

Кисньярни-гон (младшій недѣльный день, канунъ недѣльнаго дня, Четвергъ)—аван—хорошій, исправный; кпльжеть—прилично, соответствен-но. Въ деревнѣ Ишалкпной, Чистопольскаго уѣзда, по четвергамъ совершаются поминки усопшихъ.—

Арня (эрне) гон (недѣльный день, пятница)—исьми йорамас, т. е. нво-дится; работать; тора хошман. Богъ яв приказалъ.—

Шмат-кон (субботній день, суббота)—шымалать—сглаживаетъ, Черемисское названіе субботы кукшакече—сухой день.

(1) Русскіе въ Бѣловолжскомъ приходѣ, особенно въ деревнѣ Кардевомъ починкѣ, передъ выходомъ, въ первый разъ на пашню, молодебу и т. д., помолившись Богу, закрываютъ печь заслонкой и послѣднюю подпираютъ лучинкой; если же печь уже топится, то лучинку кладутъ въ чело и при томъ такъ, какъ будто ей подпираютъ заслонку. Смысла обряда этого я доискаться не могъ.—

полняется Чувашиами повсемѣстно. Обрядъ моленья при этомъ слѣдующій.

Въ день окончанія посѣва въ домахъ варится каша (агà путты), яйца и пекутся калабашки. Семейные, откушавъ этихъ яствъ сами, остатки отправляютъ на загонъ производителю посѣва. Послѣдній, зарывъ въ землю яйцо, (въ деревнѣ Чешламѣ—крашеное), калабашку и часть капи, читаетъ молитву въ честь сьирь йиш, прося его, чтобы зерно уродилось величиною въ яйцо (въ деревнѣ Вурман Копки) и заканчиваетъ (въ деревнѣ Картлуй или Аманикѣ) словами: Упрà сыхла⁽¹⁾. Послѣ этого сѣятель принимается купать самъ, причемъ приглашаетъ съ сосѣднихъ загоновъ всѣхъ неуспѣвшихъ еще закончить пашню и посѣвъ, а на пути домой остатками яствъ угощаетъ попадающихся на встрѣчу. У кого есть пиво—устраивается вечеромъ небольшая попойка.

Татары въ деревнѣ Карамышевой, по случаю окончанія яроваго посѣва, варятъ *сабан буткасы* т. е. сабанную кашу.

Ой (уй) чуге.

Ой чуге (ой или уй-поле, чук-жертва)—полевое моленье объ урожаѣ. „Это весьма замѣчательный обрядъ, совершеніе котораго Чуваши и теперь не могутъ оставить, происходитъ такъ, говоритъ А. И. Доброхотовъ⁽²⁾, учитель изъ чувашъ Байтерьякорскаго училища, Тетюшскаго уѣзда:

„Во вторую половину іюня мѣсяца, предъ паровой пашней, вообще предъ началомъ страды, подъ открытымъ небомъ, въ полѣ, изстари на особо предназначенномъ мѣстѣ, около ключа, рѣки и озера, чува-

(¹) Т. е. Великая (богиня) сохрани! Сравни арабское *кюбра* كُوبرَى въ „Замѣткахъ къ вопросу о византійской противомусульманской, литературѣ“ О. А. Курганова и Г. С. Саблукова. Казань. 1878 г.

(²) Рѣчь г. Доброхотова доставлена была мнѣ Н. И. Золотницкимъ.

тами одинъ разъ въ году совершается общее жертвоприношеніе—„уй-чук“. — Для такого знаменательнаго жертвоприношенія, они двумя—тремя днями заранѣе дѣлають сходку, гдѣ, по общему голосованію стариковъ, идетъ сужденіе о томъ, сколько для предстоящаго „учѣга“ потребуется быковъ и овецъ, и сколько нужно капиталу на покупку сихъ животныхъ. Опредѣливъ сумму на сей предметъ, дѣлають тутъ же раскладку по душамъ, т. е. по сколько копѣекъ придется собирать денегъ съ души. Наканунѣ учѣга опять бываетъ сходка, гдѣ идетъ уже сужденіе о томъ, кого именно нужно послать къ предназначенному мѣсту для того, чтобы сдѣлать начало учѣга; потомъ наводятъ справку, куплены ли быки и овцы, и затѣмъ сходка расходится по дворамъ.

Вотъ, назначенный день наступилъ.—Чувашки пѣкутъ для учѣга лепешки.—Вотъ, уже пришёлъ и полдень. Значить, время ѣхать на учѣкъ. Немного погоды, вдругъ увидишь, что, вонъ, изъ села двое—трое мужиковъ, чувашь, прямо повели одного быка и пять—шесть овецъ къ Черному ключу; за ними, какъ бы въ погоню, другой чувашинъ туда же повезъ два—три пивныхъ котла на телѣгѣ; вонъ, съ того, другаго и третьяго конца села Чуваши, положивши въ свои телѣги: чашки, ложки, крупу, лепешки и нѣсколько беремь прутьевъ, дровъ, и, посадивъ своихъ дѣтей, всѣ выѣзжаютъ и ѣдутъ туда. Ну, теперь въ селѣ почти-что никого не осталось, кромѣ женщинъ съ маленькими дѣтьми и дряхлыхъ стариковъ со старухами. Но что дѣлается тамъ, конечно, никому не извѣстно, кромѣ уѣхавшихъ Чуваши. Ахъ, жалко! Пойдемте, ребята.—Развѣ это далеко всего только 1½ версты.—Мы только посмотримъ на церемонію учѣга, да опять назадъ... Они вѣдь насъ знаютъ, потому что мы ихъ собраты. Согласившись по общему совѣту, всѣ и отправляемся. Приходимъ туда—и видимъ полную картину учѣга. Два чувашенина, раскуривъ свои трубки съ табакомъ, сидятъ и подкладываютъ дрова подъ тотъ котелъ, въ

которомъ варится полбенная каша, а одинъ мѣшаетъ ее лопаточкою для того, чтобы она хорошо сварилась; человекѣкъ пять—шесть, пока каша варится въ котлѣ, разгуливаютъ по луку, смотря на картину природы; нѣкоторые, забравшись подъ свои телѣги, лежатъ, рассуждая о житейскихъ дѣлахъ и происшествіяхъ, случившихся гдѣ-либо въ окрестной деревнѣ, и проч. Вдругъ одинъ кашеваръ, изъ числа прочихъ, кричитъ, что каша поспѣла; идите скорѣе чѣклять ее. Исполнивъ извѣщеніе кашевара, всѣ, захвативъ каждый свои чашки и ложки, идутъ туда, гдѣ каша должна чѣкляться. —

Кашу, что въ котлѣ, съ крюка сняли и поставили на полъ; ближе къ чашкамъ (блюдамъ). Всѣ они, шапки свои положивъ подъ мышку, стоя предъ котломъ и обративъ взоры къ востоку, съ полнымъ усердіемъ чѣкляютъ кашу. По окончаніи молитвы, кашу, раздѣливъ по частямъ, ѣдятъ со скоромнымъ масломъ. Это еще не настоящій учѣкъ, а только приготовленіе къ оному. Спустя минутъ 10 или 15, все убравъ, будто ничего не бывало, они опять принимаются уже за настоящее приношеніе, которое заключается въ слѣдующемъ. Одинъ чувашинъ ведетъ быка прямо къ ключу, гдѣ, предъ заколомъ, старики—знатоки, стануть его поливать водой; еще привели туда же и остальные жертвы,—овецъ.

Ну, вотъ, одинъ старикъ, почерпнувъ изъ ключа въ ведро воды, подходитъ къ быку и льетъ ее прежде на голову, а потомъ на спину, говоря: „сяк ыра учѣкъ—жын эс сирлах“, ради этой благой жертвы, помилуй! Если же быкъ, вслѣдствіе одного ведра воды, при произношеніи вышеупомянутыхъ словъ, встрепенется, то, значитъ, что онъ, соглашаясь на всеобщую и милостивую просьбу предстоящихъ Чувашъ, рѣшился быть жертвою; въ противномъ же случаѣ на него льется воды до тѣхъ поръ, пока онъ не встрепенется.

Надъ остальными животными совершается тоже самое. Потомъ ихъ колятъ, и послѣ сего, вымывъ мясо и внутренность, прямо гладутъ въ котлы, гдѣ уже они

варятся. Черезъ нѣсколько времени, какъ сварятся мясо и внутренность, ихъ оттуда вынимаютъ и кладутъ въ заранѣе приготовленныя посуды; но въ мясной отваръ тотчасъ же запускается крупа для каши. На все это немало уходитъ времени: по крайней мѣрѣ 2-3 часа. Про между сего времени: одни сидятъ вокругъ котловъ; другіе снятъ, забравшись подъ телѣги; третьи, гдѣ нибудь подальше отъ очага, сидя и лежа, рассказываютъ сказки. Вотъ и каша сварилась. Опять пошла между ними суматоха: всѣ, какъ испуганныя галки и вороны, принялись за блюда, и ложки и лепешки, которыя и поставили въ ряды, словно на базарѣ для продажи. Къ общему столу подали въ одномъ котлѣ отваръ, въ двухъ котлахъ кашу, мясо и внутренность въ кадкахъ.

Вдругъ водворилась глубокая тишина: всѣ, оборотясь; лицомъ къ востоку, совершаютъ общее жертвоприношеніе—учукъ, съ произношеніемъ словъ:

„Эй, Тора! Эс Хувин меслетѣбе, ⁽¹⁾ пар пирѣ тѣра - пбла, сѣмырда пар; пирѣ хамра-да кірлых-сывлых пар. Эй, Тора! сирлах - анпрах. Сявын-жын эбирь пѣдем халых-ба сапа азынзѣ, хизеплезе-дѣ вугыр сѣрых-зем-дѣ пусса учук товѣтпыр. Эй, Тора! аминь сирлах, анпрах!“—

О, Господи! Ты, по Твоимъ великимъ щедротамъ, дай намъ хлѣба, для чего ниспосли къ намъ дождь. Дай намъ самимъ всякаго благодѣянія и здоровья. О, Господи помилуй не оставь! Для этого мы тебѣ, всенародно поминая и почитая, приносимъ въ жертву (закалая) быка и овецъ. О, Господи! аминь помилуй, не оставь!

Послѣ сего, прежде хлебаютъ отваръ, а потомъ ѣдятъ кашу и мясо. Такимъ образомъ оканчивается ихъ знаменательный учукъ. Для такого приношенія еже-

⁽¹⁾ Не отъ турецко-адербиджанскаго ли корня **بسلتمک** (бислатмакъ) быть вскормлену, утучнену?

годно истрачивается не менѣе 30, 40, 50 руб.; если же деревня большая, то не менѣе 100 руб. сер.

Въ Масловой лишь только жертвенное животное встряхнется, собравшіеся на чукъ всё разомъ произносятъ: съйрлахрѣ! Умилостивился! (Помиловалъ)! И кладутъ земной поклонъ. Изъ четвероногихъ животныхъ для ой чука выбирается девять штукъ и притомъ въ одинъ годъ, положимъ, одни бараны, на другой годъ ихъ выбирается только восемь штукъ да девятая кобыла и т. д.

Мясо жертвенныхъ животныхъ варится въ нѣсколькихъ котлахъ, изъ коихъ въ одномъ вытапливается вынудое изъ животныхъ сало, маслитъ кашу. 9 котловъ употребляются въ честь слѣдующихъ 9-ти духовъ:

1) Тора—Богъ.

2) Тор амыш—Мать Бога.

3) Пулѣхси (татар. бѣлеучи—раздѣлитель)—Податель, вѣстникъ ⁽¹⁾.

4) Пигамбар (персид. пейгам—вѣсть и бѣрдэн—нести)—Духъ, раздающій людямъ, по опредѣленію „Кебе“, душевныя качества и сообщающій йомзямъ пророческія видѣнія ⁽²⁾; начальникъ волковъ ⁽³⁾.

5) Херле сыр—Духъ оплодотворяющій землю. (Въ словѣ сыр звучитъ еврейское слово ^ס или ^ס (цуръ или поръ) камень, скала, утесъ; чуваш. херле, хирлэ—красный, съйр—крутой берегъ, красный яръ).

6) Съирь йыш—Семейство земли (Семейство духовъ, живущихъ на землѣ).

7) Съирь ашше—Отецъ земли.

---

(1) Корневой чув. рус. Словарь Н. И. Золотницкаго. Стр. 55 и 56

(2) Тамъ же, стр. 202 и 203.

(3) Чувашаи рассказываютъ: былъ одинъ человѣкъ и просилъ Бога обогатить его. Богъ исполнилъ его просьбу; у него было много скота и хлѣба. Потомъ человѣкъ просилъ Бога, чтобы онъ сдѣлалъ его равнымъ Себѣ. И это Богъ сдѣлалъ. Наконецъ человѣкъ запросилъ, чтобы Богъ сдѣлалъ его выше Себя. Богъ прогнѣвался, и богатство человѣка погибло: мука обратилась у него въ пыль, собаки—въ волковъ, лошади—въ дикихъ звѣрей, а самъ человѣкъ тотъ сдѣлался начальникомъ надъ звѣрьми.

8) Сьирь амыш—Мать земли.

9) Сьирь шыв ктэнь, т. е. хранитель земли и воды.

Жертвоприношеніемъ распоряжается *молла съ 8-ю помощниками*, избираемыми имъ изъ числа собравшихся на чукъ. Какъ только жертвенное мясо сварится, молла назначаетъ помощникамъ кому котораго изъ перечисленныхъ духовъ помянуть во время чтенія ниже слѣдующей молитвы, для слушанія коей публика становится передъ жертвенными котлами на колѣни, взявъ шапку подъ мышку, а на комъ таковой не случилось—голицу.

Е бисьмеллэ! Перь Тора⁽¹⁾ анбрахтыр! Сьырага бар! Уя тохсан—уйра перегеть пар; яла кирьзень, ялды перегеть пар; идэмэ кирьзень, идэмре перегеть пар; клэдэ кирзэнь, клэтьрэ перегеть пар! Амин ырлых пар! чук сана, юсси пирэ. Сьичче тўслэ тыр болыжин азнадып, витнедеп. Сьырага хур.

Во имя Бога! Боже единый не оставь (если можно)! Помилуй! По въѣздѣ въ полѣ, дай прибыль въ полѣ; по прибытіи въ деревню—дай прибыль въ деревнѣ; по въѣздѣ на токъ (на гумно)—на току дай прибыль; по входѣ въ клеть—дай прибыль въ клетки. Аминь (или вѣрный) дай милость! жертва тебѣ, горькое—намѣ. Вспоминаю, что хлѣбъ родился семи родовъ, я уповаю, что это твоя ко мнѣ милость⁽²⁾.

Передъ тѣмъ, какъ приниматься кушать жертвенное, посылаются въ деревню глашатаи приглашать не присутствовавшихъ на чукъ. Все недоѣденное послѣ

(¹) При этомъ помощники упоминаютъ каждый своего духа.

(²) Часто у Чувашъ встрѣчается въ молитвахъ слово Аминь не на концѣ, а въ срединѣ молитвы, что даетъ понять, что это слово «Аминь», не есть обыкновенное, заключительное слово молитвы, а лучше его слѣдуетъ понимать въ качествѣ свойства Божія: «вѣрный».

чука уносится домой и там поѣдается, какъ святыня.

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ по окончаніи ѣды каждый домохозяинъ оставляетъ на мѣстѣ уйчукъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, которыя никто не осмѣливается брать. Мѣста, на которыя сходятся тамъ Чуваши для моленья, считаются священными и, т. д. (1).

Ой чукъ, какъ слишкомъ публичный, всего чаще обращать на себя вниманіе со стороны духовенства и полиціи, и потому нынѣ оны совершаются не повсемѣстно.

Священникъ, села Тогаева, о. Оточевъ, передавалъ мнѣ, что оны въ первый—же годъ поступленія своего во священники въ упомянутое село въ концѣ 30-хъ годовъ, провѣдавъ о затѣянномъ „ой чукъ“ въ ближайшей къ силу деревнѣ Уй Пилемчи, немедленно отправился туда съ цѣлью воспрепятствовать прихожанамъ совершить языческій обрядъ; но встрѣтилъ съ ихъ стороны такой внушительный отпоръ, что не зная, какъ по добру—по здоровью возвратиться домой. На бѣду Чувашъ, вскорѣ заѣхалъ къ о. Оточеву Окружный Начальникъ, которому оны, какъ новость, и передалъ только что случившееся съ нимъ. Выслушавъ о. Оточева, Окружный Начальникъ, немедленно распорядился собрать всѣхъ участниковъ чука и, наказавши изъ нихъ отъ 9-ти десятого, собралъ съ нихъ приличную жертву и себѣ.

Лѣтъ пять тому назадъ, вздумали было устроить ой чуге Чуваши въ селѣ Бичуринѣ (Шинеръ-босъ) на берегу протекающей сквозь села рѣчки Шинерки, но, узнавшій о томъ одинъ изъ приходскихъ священниковъ, тотчасъ же донесъ, находящемуся въ томъ же селѣ, Воскресенскому Волостному Правленію—и замысль Чувашъ не осуществилась.

Мѣста, на которыхъ совершался ой чуге, въ былые годы, носятъ теперь названія чукъ сьирми, (оврагъ

(1) Этнографическій очеркъ быта и обычаевъ Чувашъ Уфимской губерніи Белебеевскаго уѣзда, Ив. Меньшова. III вып. записокъ оренбургскаго отдѣла Импер. Русск. географ. Общества.

чука) на примѣрь—при деревнѣ Липовой (Сьугалых), Бишевскаго прихода.

Старо-крещенные татары въ Мамадышскомъ уѣздѣ одновременно съ чувашскимъ ой (уй) чук совершаютъ Сыйыр курманы (жертвоприношеніе коровы) и Сарыкъ курманы (жертвоприношеніе овцы). (1)

Сьомыр чуге.

Сьомыр чуге (сьомыр — дождь, чук—жертва)—моленье о дождѣ. Это моленье въ разныхъ деревняхъ носитъ разныя названія; такъ, на примѣрь, въ деревнѣ Большой Карачевой онъ называется серзи чук—воробыная жертва; въ Мало—Шатминскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда, сьомарда чук—яичная жертва. Въ деревнѣ Масловой сьомыр чуге, по назначенію міра, подѣ руководствомъ моллы, устраивается мальчиками и парнями лѣтъ до 20-ти, которые предварительно гдѣ—нибудь въ оврагѣ вырываютъ прудъ и въ немъ, передѣ началомъ и по окончаніи чука, умываются и купаются; въ самый день чука собираютъ по деревнѣ: дрова, молоко, яйца, соль, крупу и масло, изъ чего у пруда въ котлахъ, какъ и вовемя ой чуге, варятъ жертвенныя яства. Читаемой во время сьомыр чука молитвы записать мнѣ не удалось; но, по рассказамъ, она таже, что и при ой чугѣ и что передѣ котлами, во время чтенія молитвы, кладется на землю по короваю хлѣба. Возвратившись въ деревню, совершители сьомыр чуге всѣхъ небывшихъ на немъ брызгаютъ и обливаютъ водой. Ко дню этаго чука, какъ и ой чуге, варится обычное пиво, а по совершеніи его—бываетъ обычное пьянство.

Въ Мало—Шатминскомъ приходѣ сьомарда чуге, какъ и въ Масловой, совершается также мальчиками, которые, кромѣ сбора по деревнѣ перечисленныхъ выше яствъ, ловятъ грачей, галокъ, скворцевъ, воробьевъ

(1) Религіозно-нравственное состояніе крещеныхъ татаръ Казанской губерніи Мамадышскаго уѣзда. М. Машанова. Казань. 1875 г. Стр. 22—23.

и другіхъ птицъ, за исключеніемъ ворона ⁽¹⁾ и голубей. Изъ яицъ и масла готовится яичница, а изъ наловленныхъ птицъ—жареное. Послѣ того, какъ эти кушанья изготоятся, къ мальчикамъ въ оврагъ приходятъ старики, которые, помолившись, разрѣшаютъ приготовленные кушанья ѣсть, и затѣмъ мальчики идутъ на рѣку или прудъ купаться. Въ старину о дождѣ, по словамъ г. Филиппова, молились Чуваши цѣлыми обществами заразъ и приносили въ жертву разныхъ крупныхъ домашнихъ животныхъ, отъ чего самый чукъ назывался Мун чуге — большой чукъ. Въ околodкѣ Тухур тага, по словамъ г. Филиппова, сьмарда чуге справляется въ Петровки. Точно такъ же сьомыр чуге совершается и въ Белебеевскомъ уѣздѣ. Въ описаніи г. Меньшова приводится слѣдующая молитва ⁽²⁾, читаемая во время сьомыр чуге.

Пирень чуге сьырлах
Тора! Тора сьомыр пар!
Эбир идатпер Сан—дан
порь, ачазам—бала.

Напъ чукъ помилуй
Боже! Боже дождя дай!
Мы просимъ у тебя со
всѣми дѣтьми.

Совершенно тожественный съ сьомыр чуге, татары—магометане деревни Янгильдиной (Карамышево) совершаютъ *джангыр буткасы*.

17 Іюня 1874 года, пріѣхавъ въ Карамышево, я неожиданно засталъ на улицѣ толпу ребятишекъ и взрослыхъ мужчинъ въ мокрыхъ рубашкахъ. Полюбопытствовавъ о причинѣ такого страннаго явленія; я въ отвѣтъ получилъ, что въ тотъ день варили кашу для испрошенія у Бога дождя (джангыр буткасы). Изъ распросовъ оказалось, что каша по этому случаю варится, какъ и у Чувашъ, ребятишками въ

(1) Въ Ядринскомъ уѣздѣ названіемъ Хора сьуган—черный воронъ—чуваши обзываютъ другъ друга и это считается почему-то крайне браннымъ.—

(2) Въ описаніи Г. Меньшова эта молитва напечатана съ ошибками, которыя здѣсь исправлены Г. Филипповымъ.

оврагъ изъ собранныхъ по деревнѣ крупъ, молока и масла. Когда каша сварится, тѣми же ребятами оповѣщаются старики, изъ коихъ кто нибудь по приходѣ читаетъ предварительно молитву, послѣ чего собравшіеся уже начинаютъ кашу ѣсть, а потомъ обливаются водой; недоѣденная каша разносится по домамъ.

Зная, что точно также совершается обрядъ испрошенія у Бога дождя Чувашиами, я полюбопытствовалъ узнать отъ татаръ, на чемъ основанъ ихъ татарскій обрядъ и, конечно, никакого отвѣта не получилъ, кромѣ того, что о джангыр буткасы въ татарскихъ книгахъ ничего не говорится.

Сьиньзэ.

„Сьиньзэ—недѣловая, пора, въ которую главнѣе всего запрещается заниматься земляными работами и вообще трогать и беспокоить землю. Въ этомъ отношеніи Сьиньзэ похоже на ту пору, когда, по повѣрью русскаго простонародья, бываетъ „земля-мати имянинница“—послѣ праздника Сопествія Св. Духа⁽¹⁾. Слово Сьиньзэ или Сьиньзя, у Чувашъ Тетюшскаго уѣзда Сьиньчэ—составилось изъ чувашскаго сьине, сьинь—новый и изъ татарскаго *jay*—лѣто (вм. чувашскаго сьу) и значить „новое лѣто“, встрѣча новаго лѣта. У крещеныхъ татаръ и Мещеряковъ, пора эта называется незык, нязек⁽²⁾. Начинается сьиньзэ у Чувашъ со времени появленія пшѣта на озимяхъ и кончается, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Чебоксарскаго уѣзда, передъ паровой пашней, начинающейся раньше или позже, смотря потому, имѣются ли, кромѣ паровой пашни, для скота пастбищныя мѣста, или нѣтъ. Въ Масловой,

(1) Этнографическая замѣтка П. В. Казан. Губ. Вѣд. 1872 г. № 94. Село Бѣловолжское (корресп.), *Ibid.* 1874 г. № 52.

(2) Чув-рус. Словарь Стр. 195. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сьиньзэ называется *Уязъ* (татарское *اويالو* бодрствованіе). См. Извѣстія по Казанской Епархіи 1879 г. статья, касающ. Чувашъ Священ. Н. Камелскаго.

по словамъ А. Егорова, Сынъзэ или каньлэ выгыт— время отдыха продолжается 12 дней, столько-же и въ Байтеряковскомъ приходѣ, въ теченіи коихъ, въ предупреденіе градобитія полей, Чувавамъ не дозволяется: 1) строить и перестраивать избъ; 2) рыть погреба— вообще копать землю; 3) возить навозъ (чѣмъ живущіе отдѣльно отъ Чувашъ Русскіе во время сынъзе исключительно и занимаются); 4) косить траву; 5) красить нитки; 6) мыть бѣлье; 7) по пятницамъ топить печку и варить яшкю—самое обыкновенное горячее кушанье у Чувашъ; 8) днемъ пѣть пѣсни и т. д. Въ случаѣ градобитій избличенные въ нарушеніи котораго либо изъ перечисленныхъ запрещеній, особенно первыхъ, пострадавшимъ отъ града обществомъ наказываются, какъ говорится, до полусмерти ⁽¹⁾, изъ за чего въ чувашскихъ мѣстностяхъ возникало и возникаетъ не мало уголовныхъ дѣлъ. О времени наступленія сынъзэ въ тюрлеминскомъ приходѣ жители селеній извѣщаются, по распоряженію міра (халых), особыми выборными, которые рано утромъ обходятъ всѣ дома и отбираютъ подозрительные предметы, могущіе послужить орудіемъ нарушенія запрещенныхъ дѣлъ во время сынъзэ.

Въ виду этихъ запрещеній, въ Байтеряковскомъ, напр. приходѣ, во время сынъзэ нѣкоторыя женщины и мужчины, нарядившись въ бѣлыя рубашки, выходятъ на улицу, гдѣ, сидя или лежа, рассказываютъ разныя суетвѣрныя сказки, или же передаютъ другъ другу какія либо новости и происшествія, случившіяся въ какой—нибудь деревнѣ; прочія же спятъ, забравшись куданибудь въ холодокъ около клѣти, забора и проч. Молодежь и дѣвушки играютъ въ хороводы.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ ближайшіе къ Волгѣ жители отправляются во время сынъзэ съ удочками на Волгу ловить рыбу и тамъ просиживаютъ цѣлыя дни.

У В. А. г. Сбоева о Сынъзэ говорится такъ: „изъ

(1) К. Голубинскій: Религіозныя вѣрованія чувашъ. См. Труды Киев. Дух. Акад. 1861 г. февраль; стр. 246. Сравни. Протоіерея В. П. Вишневаго: О религіозныхъ повѣрьяхъ чувашъ.

торжественныхъ жертвоприношеній два совершались въ полѣ: одно передъ яровою, другое передъ озимую пашней. Первое называлось ой чукъ—полевая жертва, второе—синьзя (недѣловая пора). То и другое совершалось въ полѣ... Ой чукъ и синьзя начинались *музыкой* и окончивались веселыми играми... (1). Разсказъ г. Сбоева, будто синьзя справлялось Чувашиами передъ озимой пашней (2), следовательно, въ самый разгаръ страды, невѣренъ уже потому, что синьзя обрекаетъ Чувашъ на полную бездѣтельность, а сидѣть сложа руки и смотрѣть, какъ созрѣвая, но еще не сжатая рожь, или ячмень сыплются,—по меньшей мѣрѣ ни съ чѣмъ несообразно. Въ действительности Чуваша, если ужъ начнутъ праздновать, то празднуютъ до одуренія, а примутся работать,—работаютъ безъ устали. Жнутъ Чуваша, по словамъ А. Егорова, безъ отдыха, также и сѣно косятъ—(въ трудолюбии не отказываетъ Чувашамъ и Г. Сбоевъ. Стр. 41—47), и въ это время не знаютъ, кромѣ пятницы, никакихъ праздниковъ. Станешь имъ говорить, пишетъ А. Егоровъ, что въ Воскресенье работать грѣхъ, а они:

Ись питьсэнъ, пирин кашнай кон прасникъ; Когда кончится работа, у насъ каждый день
охмага покколәнъ прас- праздникъ; а для дурака
никъ; прасникъ сра тузан каждый день праздникъ;
анчах полать, исьденә праздникъ бываетъ толь-
выгытра прасникъ исьок. ко, когда сварить пиво,
Эбирь вырысла прасникъ во время работы праздни-
пильме вырыс мар; эбирь ка нѣтъ. Знать намъ рус-
пабай—зем йыллыбе бор- скіе праздники—мы не

(1) Сбоевъ. Исслѣдованія объ инородцахъ Казанской губерніи. Казань. 1856 г. стр. 107; Фуксъ. Записки о чувашахъ стр. 18.

(2) Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ озимыя поля жнутъ посѣвъ ржи, и русскіе и чуваша пашутъ два раза (двоятъ)—въ концѣ юня и въ началѣ Августа; въ Ядвинскомъ—три (троятъ), еще въ срединѣ юля; первая пашня въ томъ и другомъ уѣздахъ называется наръ-парить, а послѣдняя—озимой; поэтому, мнѣ кажется, точнѣе сказать: передъ страдой, а еще ближе—во время цвѣта ржи.

натпыр.

Русскіе, мы по дѣловымъ
обычаямъ живемъ.

Синкса.

Тѣ запрещенія, какія налагаетъ на Чувашъ сынцъ-зѣ, извѣстны и *Черемисамъ*, причѣмъ время соблюденія ихъ называется у нихъ *синкса*. Сообщившій мнѣ, объ этомъ черемисинъ околodka Сухаго Врага (Кукшенэр), Алексѣевского прихода, Помарской волости, увѣрилъ меня, что Синкса у нихъ не соблюдается; между тѣмъ вскорѣ при мнѣ явилась въ Помарское Волостное Правленіе изъ деревни Абашай, сосѣдней съ упомянутой, Чебоксарская солдатка Пономарева и заявила Правленію жалобу на то, что „Черемисы, за отказъ дать имъ вина, въ нанятой ей квартирѣ для производства крашенья холста и нитокъ, опрокинули котлы съ краской на томъ основаніи, что по ихъ вѣрѣ, крашеньемъ въ это время заниматься нельзя (¹), и изломали землянку“. По этой жалобѣ 23 Юня 1873 года состоялось слѣдующее рѣшеніе Волостныхъ Судей—черемисъ. „Солдатка, безсрочно—отпускнаго рядоваго Василья Алексѣева Пономарева жена, Пелагея Тимоеева заявила, что крестьяне деревни Азяк—бѣлякъ (общее названіе двухъ упомянутыхъ околодковъ) Миронъ Дмитріевъ, Архипъ Семеновъ, Никифоръ Семеновъ, Леонтій Васильевъ, Мартынъ Захаровъ и Алексѣй Даниловъ, не позволяя ей красить, пролили краску на 10 руб., изломали землянку въ 10 руб., чрезъ что она понесла убытку, на 50 руб., а всего на 70 руб. сер., просить поступить съ виновными по закону. Отвѣтчики—крестьяне: Миронъ Дмитріевъ, Архипъ Семеновъ, Леонтій Васильевъ, Мартынъ Захаровъ и Алексѣй Даниловъ показали, что они въ землянкѣ дѣйствительно были, гдѣ только отобрали пустой котель, чтобы Пономарева не варила краску, на

(¹) Вѣрованія некрещеныхъ черемисъ Казанской губерніи. Памятная кн. Казанской губ. на 1863 г. Отд. III стр. 7. п. 6.

что они не давали ей позволенія; въ землянкѣ они только видѣли одну кадку съ краской, которая осталась цѣлой, но 2-й кадки съ черной краской не видали и не разливали. Что касается до убытковъ, то на 50 руб. она ни въ какомъ случаѣ не могла бы выкрасить. Сверхъ того, при этомъ добавили, что они не давали миромъ позволенія, чтобы на ихъ землѣ была выстроена землянка, которую изломали Деушевскіе крестьяне. Сельскій староста показалъ, что миръ не давалъ согласія выстроить землянку. 1873 года, Іюня 22 дня. Помарскій Волостной Судъ, руководствуясь 95 и 96 ст. Общ. о крест. Полож., принялъ настоящее дѣло къ своему разсмотрѣнію и согласно 106 ст., приводилъ оное въ ясность на мѣстѣ, а какъ тяжущіеся по 107 ст. окончить дѣло миромъ не пожелали, то постановилъ: „Такъ какъ изъ дѣла видно, что свидѣтели, крестьяне, села Алексѣевского Матвей Тимоѣевъ и Андреянъ Никитинъ не видали, кто именно разлилъ съ краской кадку, и не видя къ тому виновныхъ обличенныхъ фактами, и принимая во вниманіе, что крестьянами согласія на постройку лачужки дозволенія не было дано, и что она выстроена на общественной землѣ, и въ виду того, что сходомъ воспрещено было уже въ этой лачужкѣ продолжать краску, почему она и была уничтожена сходомъ *во избѣжаніе несчастнаго случая*: то въ искѣ ей, Пономаревой, отказать съ правомъ обжалованія въ 30 дневный срокъ, въ сѣздѣ Гг. Мирowychъ посредниковъ“⁽¹⁾.

Въ рѣшеніи ни слова не говорится, что все дѣло вышло изъ за Синксы, но, бывшій при разбирательствѣ, помощникъ писаря впоследствии передавалъ мнѣ, что обвиняемые въ оправданіе сознанныго ими самоуправства относительно Пономаревой, ссылались прямо на „синкса“; бывшій при томъ разбирательствѣ

⁽¹⁾ Книга Помарскаго волостнаго правленія на записку рѣшеній Волостнаго Суда по искамъ и проступкамъ крестьянъ. На 1873 годъ. Рѣшеніе № 41.

Помощник Старшины, черемисинъ деревни Обширъ, Игнатій Степановъ во время разбирательства отъ себя увѣрялъ судей— черемисъ, что въ его деревнѣ разсудился градъ только потому, что въ то время жилъ у нихъ въ деревнѣ красильщикъ. Пономарева,—разсказывалъ далѣе помощникъ писаря,—изъ Абашай съ своими несчастными красильными котлами перебралась было въ село Помары, но тамъ Черемисы причинили ей новыя непріятности. Въ 1876 г. сентября 18 дня, приставу 2 стана Чебоксарскаго уѣзда, въ деревнѣ Малыхъ Паратахъ, Помарской волости, крестьянка этой деревни Екатерина Никитина заявила, что въ Ильинъ день того года, въ бытность ея семейныхъ, въ полѣ на страдѣ, и за отлучкой ея самой, Никитиной, въ лѣсъ для собиранія малины, выкрадено изъ находящейся во дворѣ лачуги, чрезъ отпоръ двери, два котла чугунныхъ, одинъ около 3-хъ ведеръ, а второй до двухъ ведеръ, желѣзныя ведры, полица и желѣзныя сошники отъ сохи, а когда она возвратилась съ малиной изъ лѣса домой, то въ то же время припили къ ней одножители Иванъ Капитоновъ и Филиппъ Ѳедоровъ въ пьяномъ видѣ, сорвали съ бывшаго на ее головѣ убора (вуйкольча) четыре серебряныя монеты по 15 коп. и съ тѣмъ ушли. Кража котловъ, ведеръ, сошниковъ и полицы отъ сохи, столящихъ ей 5 руб. сер. сдѣлана, какъ она узнала отъ сосѣдки Акулины Сергѣевой и другихъ лицъ, крестьянами Данилой Ѳедоровымъ, Никитой Даниловымъ, Яковомъ Даниловымъ, Семеномъ Ивановымъ, Ѳедоромъ Маркеевымъ, Иваномъ Капитоновымъ. Вещи были ими заложены, а деньги пропиты. Изъ украденныхъ вещей полица и сошники возвращены сельскимъ старостой Никитой Даниловымъ, остальные же вещи не возвращаютъ, *требуя уплаты* какихъ—то денегъ, *за то*, будто бы по ея винѣ у *нѣкоторыхъ жителей* градомъ *побитъ яровой хлѣвъ*, отъ чего они терпятъ убытокъ. О всемъ этомъ ею было заявлено Помарскому Волостному Правленію и старшинѣ Сергѣю Спиридонову, но

удовлетворенія она никакого не получила. „Обвиняемые, сознавая, вѣроятно правоту своего поступка, при дознаніи, жалобы на нихъ Никитиной не опровергали; приче́мъ изъ нихъ Данила Ѳедоровъ въ свое оправданіе показалъ, что онъ съ нѣкоторыми одножителами, дѣйствительно, въ означенное время изъ лачуги крестьянки Никитиной *взялъ два котла, ведра, полицу и сошники за то, что она въ одномъ изъ котловъ красила нитки корнями травъ, отъ чего нѣкоторый яровой хлѣбъ, въ томъ числѣ и его, побитъ градомъ, что онъ хорошо знаетъ, что градъ былъ вслѣдствіе краденія Никитиной нитокъ* и проч. Случай этотъ, какъ оказалось по наведеннымъ мною справкамъ, Судебнымъ Слѣдователемъ 25 Ноября 1876 г. за № 1266 переданъ на обсужденіе въ тотъ же Помарскій волостной Судъ, но какъ послѣднимъ разрѣшенъ.—свѣдѣній получить не удалось. По закону (207 ст. Улож. 1866 г.) приведенный случай, кромѣ свѣтскаго суда, подлежалъ еще сужденію духовнаго суда.

Кража земли и воды.

Если, не смотря на усердное справленіе синьзэ, ой чуге и сьмур чуге, въ извѣстной мѣстности продолжаютъ повторяться неурожаи, то Чуваши этой мѣстности ночью свадебнымъ поѣздомъ отправляются въ плодородныя мѣстности воровать—въ Шуматовскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда—*колосля* (1). въ Абызовскомъ, того же уѣзда, самую *землю*. Любопытныя подробности этой кражи я приведу изъ статьи Священника Д. Хрусталева (2). Замѣчая въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постепенный упадокъ урожая хлѣбовъ, старики сходятся на одинъ изъ большихъ базаровъ и тамъ, гдѣ—нибудть вдали отъ чужедеревенскихъ, вступаютъ въ разглагольствованіе, между прочимъ, и о

(1) Рус. Вѣд. 1868 г. № 9.

(2) Извѣстія по Казанской Епархіи. 1874 г. № 1.

неурожаѣ. Последъ многихъ сужденій, старожилы; зна-
хари поправляютъ это дѣло. даютъ намекъ на то, что
урожай можно перевести на свои поля изъ дальняго
мѣста извѣстными имъ средствами. Не думавши объ
этомъ долго, по единодушному желанію берутся за
дѣло *для общаго блага*. Это происходитъ такъ: дѣ-
лается первоначально приготовленіе къ поѣздкѣ на чужія
поля *за землю*; т. е. собирается съ деревень со-
лодь для варенія пива. Но здѣсь главная задача не
въ одномъ пивѣ и закускѣ для путешествующихъ за
землею, а долженъ бытъ приисканъ своей волости чест-
ный, молодой человекъ, какъ главное лицо, *женихъ*,
который за извѣстное условіе долженъ ѣхать сватать
въ определенное мѣсто *невесту—землю*; безъ него
никакого успѣха, не можетъ бытъ. Страшна участь
этого жениха, говорятъ Чуваши. Сколько бы ни былъ
онъ физически крѣпокъ, какъ бы не была благополуч-
на вполнѣдствіи обстановка въ его жизни, онъ не
доживетъ до старости, а долженъ преждевременно
умереть. Но какъ не страшно это будущее, но нахо-
дятся все—таки охотники на должность жениха. Они
обыкновенно бываютъ изъ бѣдныхъ и неприютныхъ
сиротъ, для которыхъ настоящее не утѣпительнѣе
страшнаго будущаго. Когда найденъ такой женихъ,
его приглашаютъ въ общее собраніе, устроенное въ
домѣ, одного изъ старожилонъ деревни, угощаютъ пи-
вомъ, дѣлаютъ ему прилично, какъ жениху, платятъ,
обезпечиваютъ его на будущее время, сколько возмож-
но, и назначаютъ срокъ отъѣзда за невестою — землею.
Въ день отъѣзда начинается опять угощеніе; и уже
при наступленіи, ночи парадный поѣздъ изъ нѣсколь-
кихъ повозокъ и лицъ съ пѣснями и музыкой (пузы-
ремъ) отправляется въ дорогу, къ невестѣ—землѣ.
Когда Чуваши переѣдутъ границу своей волости, пѣсни
и музыка ихъ смолкаютъ, и даже колокольчики подъ дуга-
ми они завязываютъ, изъ опасенія бытъ, услышанными и
пойманными и, слѣдовательно до полусмерти отколочен-
ными. Тихо подѣхавъ къ полю, засѣянному, хлѣбномъ,

поѣздъ останавливается и изъ передней повозки снимается поѣзжанами подъ руки женихъ земли. Потомъ все вооружаются заступами и лопатами для поднятія земли—невѣсты. Самый старѣйшій чувашинъ, заступая жениху мѣсто отца, становится съ нимъ рядомъ, лицомъ къ засѣянному полю, и начинаютъ свою рѣчь: „вотъ мы приѣхали къ тебѣ съ красивымъ и умнымъ женихомъ, богатая и дорогая невѣста; знаемъ, что у тебя сосчитать нельзя богатства, а у нашего жениха оцѣнить нельзя горячность любви къ тебѣ“. Женихъ кланяется до земли. Старикъ опять продолжаетъ: „такъ полюби и ты, дорогая невѣста, нашего жениха и не откажи въ нашей просьбѣ.“ Женихъ опять кланяется. „Возьми съ собою, дорогая невѣста, все твое приданое и съ полей и луговъ, изъ лѣсовъ и рѣкъ.“ Опять дѣлается продолжительный поклонъ, во время котораго чуваша берутъ заступами и лопатами землю въ свои повозки, потомъ поднимаютъ жениха подъ руки, сажаютъ на переднюю повозку, и во весь галопъ мчатся на свои поля. Вступивъ на свою почву, опять развязываютъ валдайчики (колокольчики) и опять раздаются радостные пѣсни, музыка, гайканье и хлопанье въ ладоши.

Подѣхавъ къ предположенному мѣсту, женихъ, или уже новобрачный, самъ поднимается изъ повозки, и взявъ лопату, подходитъ сперва къ своей, потомъ къ прочимъ повозкамъ съ рѣчью: здравствуй дорогая моя новобрачная, люблю я тебя больше золота—больше жизни моей; за мою любовь разверни и ты свое приданое на нашихъ поляхъ, и лугахъ, и лѣсахъ и рѣкахъ. За тѣмъ изъ каждой повозки онъ беретъ по лопаткѣ земли и раскидываетъ по полю, остальную-же землю раскидываютъ поѣзжане во время продолженія остальнаго пути до мѣста ихъ жительства. Остатокъ этой свадебной ночи проводятъ въ пиrowаньи, а на другой день и послѣ уже не сходятся.

Такимъ же способомъ въ Ядринскомъ уѣздѣ похищается еще вода.

Для похищенія воды у нихъ выбирается въ же-

мужи старикъ, которому недолго остается жить.

Къ сожалѣнію, подробностей похищенія земли и воды въ Чебоксарскомъ уѣздѣ узнать мнѣ не удалось.

Въ селѣ Тюрлемѣ Чуваши объясняютъ неудовлетворительность своихъ урожаевъ тѣмъ, что ихъ землю въ старину похитили жители деревни Масловой, отъ чего у тѣхъ урожаи лучше.

Кража земли совершается и Вотьяками (1).

Авын путты (Авын сыры).

Авын путты, — авынъ — сыры (авын — овинъ, сыра = сра — пиво) — моленье по окончаніи молотбы. Для окончанія молотбы у Чувашъ, какъ въ чебоксарскомъ, такъ и въ ядринскомъ уѣздахъ, всегда приглашаются посторонніе, какъ бы велико не было число рабочихъ членовъ своей собственной семьи. Въ деревнѣ Масловой, вечеромъ, по окончаніи молотбы послѣдняго овина, закалается пѣтухъ и варится капа авынъ путты. Когда капа будетъ готова, берутся двѣ чашки, изъ коихъ въ одну накладывается капа, а въ другую коровай хлѣба изъ новой муки, или лепешка, и затѣмъ кто либо изъ семейныхъ съ этими яствами отправляется на гумно, гдѣ около „авын аптараган йоба“ (деревянный столбъ на току) разведши огонь, читаетъ молитву:

Е бисъмалле! Авын кѣт-
нѣси сырлах! Оя тохсан-
ойра перегадэ бар; илэмэ
кирьзэнъ, — идэм перега-
тнэ, кыжыл перегагнэ бар;
киле кирьзэнъ, — киль пере-
гагнэ бар; кледэ кирьзэнъ,
клеть перегагнэ бар! Ачам-
бычам-па, выльых чирлих-
па сывльых-ырльых пар!
Мол сьомнэ мол хоп;

Во имя Бога! стерегу-
щій овинъ помилуй! По
выѣздѣ въ поле, дай при-
быль въ полѣ; по входѣ
на токъ-на току прибыль,
въ вороху прибыль дай;
по входѣ въ домъ-дома
прибыль дай; по входѣ въ
клѣть, дай прибыль въ
клѣтти! Семейству, домаш-
нему скоту пошли здо-

(1) Вотьяки Казанской губерніи. Д. Островскаго. Казань. 1874 г.

сьорт сьомнэ сьолэнь сьор-
билик хошма 'акмалыхнэ
бар! Хумышбэк тўпнэ
бар, туррынэ сьымарда-
бэк тутлыхнэ бар! Амин.
Чук сьырлага бар!

ровья и благополучія. Къ
имуществу (богатству)
приложи богатство; къ
строению ежегодно по по-
лузагогу ⁽¹⁾ присоединять
сподоби! Стволь (хлѣ-
бовъ), какъ тростникъ,
а вершину, какъ яйцо по
вкусу уроди! Аминь, за
жертву помилуй.

По прочтении этой молитвы, чтець ея, съ присут-
ствовавшими, сдѣлавъ передъ столбомъ ⁽²⁾ земной пок-
лонъ, бросаетъ въ разведенный около него огонь ложку
каши и затѣмъ, вкусивъ самъ принесенныхъ яствъ,
возвращается съ послѣдними въ избу, гдѣ начинается
ужинъ и неизбѣжная попойка. На эти попойки, для
даровой выпивки, являются и не участвовавшіе въ
молотбѣ родственники—однодеревенцы и сосѣди. Въ
этотъ-же день вѣшается на шишъ ⁽³⁾ нарочно остав-
ляемый необмолоченный снопъ ржи. Въ деревнѣ
Чишламъ передъ тѣмъ, какъ вѣять остальной обмолочен-
ный овинъ, послѣдній сгребается въ кучу, вокругъ кото-
рой молотильщики до 3-хъ разъ обходятъ съ молитвой:

Тор' ан-прахтыр! Пере-
геть падыр! Кине сьолэ
тада ытларах падыр! Тора
перегеть падыр! Исъмэ,

Да не оставитъ Богъ!
Да дастъ прибыль! Въ на-
ступившій годъ еще боль-
ше да дастъ. Да поплетъ

⁽¹⁾ Нахотная земля для душевыхъ надѣловъ у чувашъ, во 2-мъ станѣ чебоксарскаго уѣзда, дробится 1) на сьор-билик (по татар. зырым биш) въ 8 шаговъ ширины и 10 веревокъ въ 10 сажень (100 саж.) длины; и 2) твѣткал — въ 20 квадратныхъ сажень (въ деревнѣ Туганашевой) 4 твѣткала въ деревнѣ Малое Карачево (Сядырга) составляютъ сьор-билик, 2 твѣткала — хорѣх ййрѣн, 8 твѣткаловъ — апѣ-заголь (по татар. зирь). Мѣрой надѣла большею частію служитъ сьор-билик, рѣже (въ нѣкоторыхъ деревняхъ Аттиковскаго прихода) — твѣткаль.

⁽²⁾ Обыкновенно на току ставится столбъ, во кругъ коего ходятъ лошади и мнутъ, или молотятъ, хлѣбъ.

⁽³⁾ Овинъ устроится изъ жердей конусообразно. На верху конуса, для связи, надѣвается обручъ, а верхъ овина называется „шишѣмъ“.

сіймэ перегеть падыр!
Иксылмэсть! Тивлетнэ ба-
дыр!

Богъ прибыль! пить, ѣсть
спорынью да дасть. Не-
убавь! Счастье да дасть!—

Необмолоченый снопь въ Чешламѣ вѣшается на
шипѣ Авын ктѹсь валли т. е. для хранителя овина.

Въ Бишевскомъ приходѣ по тому же случаю Авын
ктюзенэ—хранителю овина читается молитва:

Омранда сыхла кай-
ранда сыхла! Эбирь сых-
лаймастпыр, эс сыхла во-
дыньчэнь, кварыньчэнь!
Порь озала сьурьзэ ар!

Спереди стереги и сза-
ди стереги! Мы не въ со-
стоянїи остерегать сами
себя, ты стереги отъ огня,
отъ отскрекнувшей искры.
Все дурное развѣй!

Въ Аликовскомъ приходѣ приготовленную описан-
нымъ въ „хирт сорт путты“ способомъ кашу, принесши
на гумно, ставятъ въ чашкѣ на току у столба, а въ
котлѣ—около сушильни. Молитва при томъ читается
такъ:

Сьырлах, Мун Тора!
Сана посьябатпыр мун
хоран путтыбэ. Сьырлах
пирэ! Сана посьябатпыр!
Сьул! Эс пиринь тыра
болзанэ лайых авын иль-
мэ бар! Вод' орла лайых
казярза ильмэ бар! Сьыр-
лах, Мун Тора! Ан-прах!

Помилуй, Великій Богъ!
Тебѣ кланяемся кашей
изъ большого котла! По-
милуй насъ! Тебѣ кланя-
емся. Спаси! Сподоби на-
ши хлѣбы благополучно
снять съ овина! Благо-
получно обеушивъ посред-
ствомъ огня, ихъ сподоби
взять! Помилуй, Великій
Боже! Не оставь!

Киль—йыш путты (сьинь тыр полба).

Эти два разныя названїя носятъ одинъ и тотъ же
обрядъ,— обрядъ моленья за урожай новаго хлѣба. Киль
йыш путты, семейная каша—такъ называется онъ въ

деревнѣ Масловой. Сынѣ тыр' полба т'е: моленье за-
пасомъ новаго хлѣба—такъ называется упомянутый
обрядъ въ деревняхъ: Толбаевой, Карачевского при-
хода и Чешламѣ Аттиковского прихода. Въ разныхъ
мѣстахъ обрядъ этотъ совершается въ разное время.
Въ деревнѣ Масловой, напр. онъ совершается нака-
нунѣ Авдан сыры—осеннихъ поминокъ.

Въ день моленья запасомъ ново-обмолоченнаго
хлѣба въ Масловой утромъ печется до 150 пшенич-
ныхъ или ячменныхъ калабашекъ (хыпарду), величи-
ною въ копѣчную булку, изъ вновь обмолоченнаго хлѣ-
ба, столько-же йосмановъ (юсманъ лепешка для мо-
ленья въ киремети)—и варится каша (киль иш пут-
ты).—Передъ тѣмъ, какъ начинать кушать, глава се-
мейства, вынесши калабашки на дворъ, читаетъ тамъ
молитву:

Е бисъмэля! Ыра ки-
реметъ-зэм ан-прагыр! Сь-
ырлага хурыр! Сьырэ хпа-
рту, йосман путты чуклеп.
Сывлых парыр! Ырлых
парыр! Исъмэ, сіймэ пе-
регеть парыр! килем сьор-
дым-па, ачам зэнэ-дэ чук
сьырлах! Аминь.

Во имя Бога! Добрые
духи киремети не оставь-
те! Помилуйте! Привошу
вамъ калабашки и кашу
съ йосманомъ. Здравья
дайте! Дайте благополу-
чія! Пить, есть изобиліе
дайте! Все мое домохо-
зяйство и дѣтей моихъ за
жертву помилуй. Аминь.

Въ Чешламѣ:

Тора падыр! Ора лар-
дам! Идэм перегеть па-
дыр пирэ Тора; Ырлых,
сывлых падыр! Ыра со-
нан кильдер, хаяр сонанъ
кайдыр! Сывинзэ килэ-
гэнь ужутса яма падыр,
турант-кинэ сюда) зложелатель! Да
са яма падыр! Алык пат-
нэ кырѣ падыр, тубелэ —

Да подасть Богъ! став-
лю я пива! Да подасть
намъ Богъ спорынью въ
молотьбѣ; да подасть здо-
ровья и благополучія! Да
придетъ (сюда) благоже-
латель, да удалится (от-
сюда) зложелатель! Да
сподобитъ странника озяб-
шаго обогрѣвъ, а голод-

кинь падыр! Ырлых, сыв-
 лых падыр! Вылигым-чир-
 лыгым-ба, киль-йыжым,
 вотым-ба ^(*) киль тувып,
 ачам-пычамба, киль-йышь
 пелә!

наго насытивъ, проводить!
 Къ двери да пошлетъ
 (Богъ) зятя, а въ тю-
 бель ⁽¹⁾ невѣстку! Да по-
 дастъ благополучія и здо-
 ровья! Съ моимъ домаш-
 нимъ скотомъ, съ моимъ
 семействомъ, съ моею ки-
 биткой ^(*) молось я, съ до-
 мочадцами и ихъ семей-
 ствомъ.—

Эти же молитвы читаются, когда будетъ подана на столъ каша.

Въ Вишевскомъ приходѣ, по словамъ Изотова, ви-
 новниками моленья за новый хлѣбъ считаются 12 ни-
 жеслѣдующихъ духовъ; изъ нихъ въ честь первыхъ
 шести печется 6 лепешекъ, а въ честь остальныхъ не-
 опредѣленное количество йосмановъ, смотря по семей-
 ству. Всякій старается наготовить йосмановъ побольше
 для своего семейства.

- 1) Тора—Богъ.
- 2) Пулухси—вѣстникъ.
- 3) Тор ашше—отецъ Бога.
- 4) Тор амыш—мать Бога.
- 5) Пигамбар—хранитель людей и скота отъ хищ-
 ныхъ звѣрей.
- 6) Сьурень ыра—сопровождаящій генія храни-
 теля.
- 7) Асла ыра—старшій хранитель.

⁽¹⁾ Тюбель часть избы, занимаемая женщинами (См. Корневой чу-
 вашско-русскій Словарь Н. Ив. Золотницкаго. Казань 1875 г. стр. 88).

^(*) Вот кажется здѣсь соответствуетъ джагатайскому وتاع утагъ,
 тур. اۋا ута, т. е. шатеръ, новая кибитка. См. Словарь Будагова
 стр. 110.

8) Кардалуй—(огороженное поле) духъ, живущій въ полевой киремети (¹).

9) Тперь ыра—духъ, хранитель рода, или семьи.

10) Чекедурa вырдан ыра—хранитель, живущій въ деревнѣ Чикедуй. Чекедуй—околодокъ деревни Пинерь, на правомъ берегу верхняго Аниша, на границѣ Цивильскаго уѣзда.

11) Сьурэнь ыра.

Если этотъ сьурэнь ыра одинъ и тотъ же съ значущимся подъ № 6, въ такомъ случаѣ не извѣстно, почему онъ удостоивается двухкратнаго перечисленія.

12) Херле сьыр—оплодотворяющій землю (²).

По окончаніи моленья за лепешки и йосманы, вторично покланяются (духамъ) Богу съ котломъ каши (³).

Въ деревнѣ Толбаевой въ день совершенія, синь тыра подла бала, что бываетъ въ полдень, поминаются 9 нижеслѣдующихъ духовъ:

1) Тор

2) Шулѣх

3) Хирлэ сьыр.

4) Тор амыш.

5) Пигамбар.

6) Сьирь йиш—общество духовъ земныхъ.

7) Сьирь ашше—отецъ земли.

8) Сьирь амыш—мать земли.

9) Сьирь шывъ ктэнь—хранитель земли и воды.

На празднество приглашаются родственники и сосѣди. Въ Мало-Шатьминскомъ приходѣ отвѣдаютъ новаго хлѣба изъ постороннихъ приглашается челоувѣкъ, отличающійся бережливостью.—

(¹) На лѣвомъ берегу большаго Аниша, близъ слободки Исмель, находится киреметь подъ названіемъ Кардулай; по уреданію, изъ рощицъ въ ней сосенъ построена церковь въ селѣ Тогаевѣ.

(²) Священ. П. М. Мальховъ, Симбир. чувашин и поэзія ихъ. Казань. 1877 г. стр. II. 12.

(³) По словамъ Изотова, названія духовъ и молитвы въ честь ихъ записаны имъ подъ диктовку старухи—чувашки изъ околодка, села Бишева, Чирякли, убѣдительно просившей его о ея сообщеніи никому не сказывать.

Новый хлѣбъ до совершенія за него моленья нельзя ни кому ни продавать, ни въ заемъ давать. Чтобы въ дому не истощалась перегеть (спорынья). Чуваши въ Мало-Шатминскомъ приходѣ *изъ первой пудовки* или лупка хлѣба, насыпаннаго для продажи (муки, солоду или зерноваго хлѣба) три горсти берутъ назадъ и высыпаютъ обратно въ сусекъ, приговаривая:

Хам телѣйм, хам пере-
гедема, хама йолдыр!

Мое, счастье, моя спорынья при мнѣ да останется (!).

Новый хлѣбъ Чуваши, какъ и Русскіе, обыкновенно начинаютъ кушать лишь только успѣютъ нажать сноповъ на одну или двѣ телѣги, что бываетъ въ концѣ іюля. По этому случаю никакихъ обрядовъ не совершается, кромѣ чтенія передъ тѣмъ, какъ начинать рѣзать коровай хлѣба, испеченный изъ новой муки, обычной молитвы:

Е бисъмелле! Перь Тор-
анбрах! Киль йжымба,
ачам-пычамба, вылихчирь-
лихба сывлх пар! сляк
сыне. сьукур сьолдалык-
ран. сьолдалыга! сьитсэ
сймэлихне бар!

Во имя Бога! Единный
Боже, не оставь! Съ сѣ-
мействомъ, дѣтми и съ
скотомъ благополучія дай!
Даруй, чтобы этого нова-
го хлѣба доставало на ѣду
изъ года въ годъ!

Въ Мало-Шатминскомъ приходѣ Чуваши, имѣющіе ко времени жнитва старый хлѣбъ, изъ опасенія, чтобы новый хлѣбъ не попалъ въ чужія руки прежде, чѣмъ успѣютъ отвѣдать его сами, смѣшиваютъ нѣсколько зеренъ новаго хлѣба со старымъ, везутъ смѣсь на мельницу и тотчасъ же слѣдующее первое вкусить испеченный изъ такой смѣси хлѣбъ.

Хирт сорт путты.

Хирт сорт путты (хирт сорт-кикимора, яга, баба) — моленье (каша) въ честь кикиморы. По представлению

(1) Русскія Вѣдомости 1868 г. № 9.

Чувашь деревни Итяковой (Хоралха) кикимора имѣтъ видѣ женщины; живетъ она постоянно на печи и занимается пряжей, причѣмъ кольцо, надѣваемое обыкновенно прядильщицами на веретено для тяжести, у нее серебряное. Ко дню совершенія, въ честь кикиморы моленья въ деревнѣ Масловой пѣкутся йосманы и варится каша, а во время моленья читается молитва:

Ей, хирт сорт сьырлах, ан-брах! Килэ кирьзень кильдэ перегеть пар! Сьырлах чук! Амин! Сана пуду, йосман парып, сьырлага хур! Ажа казяр! Пурьдэ; сьорда сыхлагур вогран, шыв-ран, корый-ман, тушман-дан сыхлагур!

Ей, кикимора, помилуй, не оставь! По приходѣ въ домъ, дай въ дому изобиліе. Помилуй чук! Аминь. Тебѣ кашу, йосманъ дамъ я, помилуй! Пожалуйста, прости! Охраняй избу и надворное строеніе-охраняй отъ огня, отъ воды, отъ ненавистнаго врага.

Въ Бишевскомъ приходѣ молитва читается, слѣдующаго содержанія:

Хирт сорт, сана пудуба киль твап. Эс пирэ чиберь пыхса озра! Эс киль хузи. Сана шанза порнат-пыр! Ан-брах пирэ!

Домовой, тебѣ кашей молитву творю. Ты насъ хорошенько (смотря) береги! Ты, хозяинъ дому! На тебя надѣясь живемъ! Не оставь насъ!

По прочтеніи молитвы, въ деревнѣ Масловой, совершители обряда принимаются кушать приготовленные для Хирт сорта йосманы и кашу, а затѣмъ, складываютъ остатки яствъ въ чашку, раскладываютъ водокругъ чайки ложки, по числу семейныхъ, ставятъ чашку на печку съ наставленіемъ:

„Сьурлэ турза сій, Хирт сорт, сын корман чьохнэ“.

„Ночью вставши кушай кикимора, когда люди не видятъ“.

(А сами тотчасъ-же ложатся спать. Само—собою,

разумѣется, все предназначенное Хирт сорт-у, на утро оказывается нетронутымъ и съѣдается самими совершителями обряда.

Въ Аликовскомъ приходѣ, ядринскаго уѣзда, по словамъ Г. Филиппова, въ честь Хирт сорта пекутся двѣ лепешки и варится котель каши; на первыхъ, передъ тѣмъ, какъ сажать въ печку, сверху дѣлается крестъ (проводятся ножемъ крестообразно двѣ линіи), и пиликшѣр съима—пять носовъ, т. е. щипковъ по краямъ.

Когда каша въ котлѣ сварится, одну половину ея; выложивъ въ чашку, обливаютъ масломъ, вокругъ чашки раскладываютъ ложки и, накрывъ чашку лепешкой, ставятъ на шестокъ печи; другую половину каши, оставшуюся въ котлѣ, намазавши также масломъ, ставятъ съ котломъ на столъ. Мужчины находятся за столомъ, а женщины у печки въ тубелѣ, гдѣ послѣднія и располагаются тотчасъ же спать, переодѣвшись передъ чукомъ въ чистое бѣлье. При этомъ обрядѣ читается слѣдующая молитва:

Съырлах, хирт сорт! Са-
на посьябатпыр Но-
руз-ойгынчэ порь киль-
йыш бэ, ачы бычы-бэ, пось-
ламан сьу чырессы бэ, пось-
ламан чыгыт-бэ, сьулла
пуду-бэ. Чиберь осра пи-
рэ! Сьул пирэ озалдан:
вот-ран, квардан, силь-
день, шу-ран, вур хорах-
ран-сьул! Порь тырым-
полым-ба хорт-ым, хуму-
рым-ба чиберь порнма сьир
(бар?) пире!

Помилуй, Хирт сорт!
Тебѣ въ Мартѣ мѣсяцѣ
всѣмъ семействомъ, со всѣ-
ми дѣтьми (челомъ бьемъ)
кланяемся непочатой ка-
дошкой масла, непочатымъ
сырцемъ, масляной кашей
Тщательно охраняй насъ!
Избавь насъ отъ зла: отъ
огня, отъ искры, отъ вѣт-
ра, отъ воды, отъ вора
спаси! Со всѣмъ хлѣбомъ и
пчелами и увеселяющими
напитками жить благопо-
лучно удостой насъ!

Въ Ядринскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ молитвы, моленье Хирт сорт-у совершается въ Мартѣ; тогда же—въ деревнѣ Чешламѣ; въ Байтеряковскомъ приходѣ въ

среду на страшной недѣлѣ во время муш-гонъ; въ дру-
гихъ мѣстахъ осенью вслѣдъ за „киль йыш пүтты“
Подобно Чувашамъ, старокрещенные Татары почти
тожеественно чувствуютъ своего „ой айлесе“ — домового (1).

Кард йыш пүтты.

Кард йыш пүтты (карда йыш-общество или семей-
ство духовъ, обитающихъ въ скотномъ дворѣ, и завѣл-
дующихъ имъ) т. е. каша скотнаго двора, или моление
въ честь духовъ скотнаго двора. Ко дню кард йыш
пүтты въ деревнѣ Масловой пекутся йосманы, а каша
варится даже на самомъ скотномъ дворѣ. Молитва въ
честь кард — йыш:

Е бисъмаллә! Сбырлага! М... Во имя Бога! Помилуй
цары карда күтнеси, карта ите-духи, охраняющіе скот-
да тәвледә, карта нигизе, эж ныйрцдворьтә духи благо-
карда сыхчи, кард йыш! эа аполучия скотнаго двора! ки
Сүлла йосман парадын.

П... гаяющіе его, все общество
духовъ скотнаго двора!
Масляный йосманъ даю!

По прочтении молитвы, ложка каши бросается въ
огонь, на которомъ она варилась, съ приглашеніемъ:
эер дә пуду сйер т. е. кушайте и выкашуй! Въ день
этого обряда скотина накормливается сытнѣе обыкно-
веннаго и весь день гудаетъ на волю: ерши күау!

Въ деревнѣ Масловой появленіе во множествѣ
волковъ, для спасенія отъ коихъ и совершается описан-
ный обрядъ, Чуваша объясняютъ отсутствіемъ войнъ
на которыя волки ходятъ пить кровь, и и (за) неведеніе
ихъ, въ случаѣ появленія волковъ, осуждаютъ царей ма

Въ Бишевскомъ приходѣ Кард йыш пүтты съ (кад)
лабашками совершается въ честь:

1. Тора — Богъ.

(1) Остатки древнихъ (народно-татарскихъ) языческихъ вѣрованій...
С. Максимова. Известія по Казанской Епархіи 1876 г. № 19. 9аногком
аи дохичи аюлэвоилмрэтйьс! аа дикылнор! апаэед ая—

-шыкод глгг.этнводроп гдвтвт гзышнэшэдродетэ V
отв(2) Перегэть— Богъ изобилія (1) гдвтврэ втогэ отн
Молитва: р штэви нонтэчнен атукдг оидотэжэ нпо

Съырлах, ан—брахъ, То-ни а Помилуй, не оставь, Бо-
ра! Съоратна выльыга- же! Рожденный скоть хо-
чырдица д-чиберь: лала-ба—ушродими) аруками ибъречъ
осрама пар, съоратман: (д одай, нерожденного родиты
нынэ, съоратма, пар, и Перь висъ лэондай дай! р Домашняго л ёкота
висънэ кардара, перь висъ лэондай столько, чтобы одинтэ
нэ шыв-ра, пар! Ан-брах, лэ у конецъ: быдъ: пукарды, пас
Тора! оннэвоилидо вдукто дудругой, конецъ у: воды чки
звятилом ротэв Не оставь; Боже! рэтэч

Въ! Аликковскомъ Приходъ огонь на скотномъ дво-
рѣ; зудо (рабочиткъ) на немъ соломы, разводится послѣ
того, какъ будетъ принесенъ обряженный котель съ
кашей. По окончаніи моленья, на скотномъ дворѣ
развѣивается парня—подарокъ изъ куска холста въ
родѣ ленты. Какъ видно изъ нижеслѣдующей молитвы,
Карда и пугты приготавлиется въ честь Пигамбара,
какъ хранителя домашняго скота отъ волковъ, и обрядъ
совершается въ Мартѣ мѣсяцѣ. По поводу этого по-
слѣдняго обстоятельства. Филипповъ замѣчаетъ: вотъ
и-догадывайтесь, отъ чего передъ Пасхой, въ Мартѣ
мѣсяцѣ, бывають Чувашъ пожары! въ двоя ая рэтэви
ни икял ант: гдртэя ви вэмншо лэвоп глгг.эя рэтэви
Карда бутты дчуклат-Р—! и Совершаемъ моленъ
пер. Пигамбар, съырлах! панскотнаго двора.— Пигам-
Иыттуна, кацкуна дурчар! твср баръ, помилуй! Удерживай
Пиринь, выльыхсанэ, осра- д. от твою собаку-звѣря (волка)! г
за- д. тудеттер мухонаттар! атои Нашу скотину, поправляй
Перь висъ вагыра, тэпръ и и добуждай: къя разно- и.
висъ кардара, поддыр! и рэт: женію! Одинъ, конецъ дай
лээмни висэя оя онявэд ая будетъ у проруби, а дру- и
виэря эж отс вэ. лнндрэте: дай, конецъ на скотномъ
дворѣ!

у йнвводрѣ (гзышнэшэдродетэ) гдвтврэ оидотэжэ нпо гдвтврэ
гдвтврэ оидотэжэ нпо гдвтврэ оидотэжэ нпо
(1) Симбирскіе Чувашіи поэзія ихъ, Свящ. П. М. Малыховъ, Казань, 1877 г. стр. 12.

У старокрещенныхъ татаръ покровителемъ домашняго скота считается Абзәръ ойясё, въ честь котораго они ежегодно рѣжутъ извѣстной масти ягненка (1).

Шыв нимере.

Шыв нимере (шыва, шу—вода, нимерь—кисель)—моленье въ честь водянаго духа.

Для совершенія шыв нимере въ Масловой пекутся ячменныя лепешки и кисель. Въ день обряда яства эти, положенныя въ чашку съ масломъ, приносятся на ключъ, колодецъ или рѣчку, откуда обыкновенно берется вода, и тамъ читается молитва:

„Эй бисъмэллэ! Шывра борнаган ыра! Сана пось сяпма кильдэм. Сьырлах пирэ! Хилэ, кирьзэнь, шыва тибетсэ ан-яр; сьува тохсан, туптенэ шыв ан-долдыр.

Во имя Бога! Въ водѣ живущій (добрый) духъ! Тебѣ поклониться я пришель. Помилуй насъ! По наступленіи зимы (когда мы войдемъ въ зиму), воду не высуши; по наступленіи лѣта (когда мы войдемъ въ лѣто), не заливай вовсе водой!

По прочтеніи молитвы, одна часть яствъ опускается въ воду, а другая на обратномъ пути предлагается всѣмъ, попадающимъ на встрѣчу: Эпъ паян нимерь чуклерым, сійзэ пых!—Я сегодня кисель молилъ; откушай—ка! На это вкусившій отвѣчаетъ: сьырлах—тыр!—Да помилуетъ! Возвратившись домой, совершители обряда садятся за столъ и ѣдятъ кисель съ лепешкой, а затѣмъ начинаютъ другъ друга водой обливать, выражая этимъ желаніе, чтобы воды прибавилось тамъ, гдѣ она берется; причемъ отъ обливанья не спасутся, если придутъ въ деревню во время нимерь чуклене, ни русскій, ни татаринъ. Въ это же время

(1) Остатки древнихъ народно-татарскихъ (языческихъ) вѣрованій у пывѣшныхъ крещеныхъ татаръ Казанской губерніи. С. Максимова. Изв. по Казанской Епархіи 1876, г. № 19. Стр. 569.

ложка жертвеннаго киселя и кусокъ лепешки относятся на скотный дворъ и тамъ кладутся въ колоду скоту.

Въ Бишевскомъ приходѣ, кисель кладется на большую лепешку, которая цѣликомъ опускается въ воду въ честь водянаго духа—Водыш. Этому же духу шыва нимерь приносится въ деревнѣ Картлуй (Аманикъ) Карачевскаго прихода.

Въ Бичуринскомъ приходѣ Чуваши (по словамъ крестьянина деревни Большихъ Крыжковъ Павла Якимова), приходя на рѣку ловить рыбу, предварительно бросаютъ въ воду съ берега кусокъ земли, приговаривая: Вут пар! т. е. водяной духъ дай (рыбы)!

Въ Шуматовскомъ приходѣ, ядринскаго уѣзда, заболѣвшіе, по ихъ догадкамъ, отъ испитой воды, въ то мѣсто, откуда послѣдняя была принесена, бросаютъ для выздоровленія горбушку хлѣба и яйцо съ зачерненнымъ сажей конпемъ. Этимъ же способомъ лечатся отъ лихорадокъ въ деревнѣ Хорапхахъ Бичуринскаго прихода (1). Въ находящейся на берегу рѣки Йорбаша, въ Шуматовскомъ приходѣ, подъ деревней Старой (Йорбаш сьом) родникъ, изъ котораго въ жнитво и сѣнокосъ берутъ для питья воду, Чуваши бросаютъ, для избавленія отъ простуды, когти звѣрка норки—шашка (2). Въ Масловой источникѣ лихорадокъ считаются вырытыя нѣкогда, для мочки коноплей и поскони, на берегу рѣки: Вувы ямы: 1) Пызыкъ Керкури кўльлли озеро большаго Григорья; 2) Авански кўльлли—озеро Аванскаго; 3) Сьмень кўльлли—яма или прудъ Семеновъ; 4) Ильѣ кульляли—озеро Ильи и 5) Кив—яль сўле—родникъ старой деревни. Лѣтъ

(1) Преданія чувашъ Бичуринскаго прихода, Чебоксарскаго уѣзда, и способы леченія у нихъ болѣзней. М. О. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 21.

(2) Очеркъ Юридическаго быта чувашъ, Ядринскаго, Козмодемьянскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ. Казанскія Губернскія Вѣдомости. 1868 г. ч. I. №№ 85, 86, 87, 88, 89 и 93.

Ю-ть тому назадъ, одинъ чувашинъ, вынимая изъ одной изъ упомянутыхъ уямъ конопель, упалъ въ нее, за что хворалъ потомъ лихорадкой, для излеченія отъ которой долженъ былъ принести (въ жертву) яичко. Онъ зарылъ яичко на краю озера съ мольбой: «Ако я эши мѣ гѣ!»

Для этого яичко закопалъ въ той уямѣ, о которой говорю. Шывъ Вудый сырлаъ—вуд. Водяной духъ по милуи мана! Хинъ азъп данбар: ая меня! Не! посылай мучиши вительной болѣзни!

Затѣмъ положивши земной поклонъ, онъ отпра-вился домой, въ полной увѣренности, что лихорадки у него больше не будетъ.

Хлѣбъ, яйца и мѣдные денъги Чуваша бросаютъ въ воду, при часовняхъ въ селѣ Ишакажъ, Козмодемьянскаго уѣзда, и гнаг Оминомъ: ключъ, близъ города Чебоксаръ.

Водяной духъ у Черемисъ называется «Вадыш»⁽¹⁾, г. а у старокрещенныхъ татаръ—сыу гѣйсе, которому, при основаніи мельницъ, приносятъ въ жертву поро-токъ сенка, или щенка, а нѣкоторые даже и ребенка⁽²⁾. При водѣ и вѣтрѣ гнаг, а гозари аювезетывуи! ая и оатнык ая о **Сра чуклэни**, гнаг (коао шедрои) гнагврод невягъ гнаг ватни к а гнагврод гнагвонгэ

— Сра чуклени—жертвенное пиво или моленье при принесеніи въ жертву Богу за новый хлѣбъ пива. Это моленье одно изъ самыхъ торжественныхъ; во время со-вершенія его перечисляются всѣ памятные Чувашамъ духи, ихъ свойства, мѣста ихъ жительства и даже ок-ружающіе предметы. Въ Карачевскомъ и Бишевскомъ приходяхъ, по словамъ К. Изотова, «сра чуклени» на-чинается, передъ Рождествомъ, по совершенной уборкѣ съ гумень хлѣба, и оканчивается въ деревнѣ Ма-

⁽¹⁾ Черемисы Яранскаго уѣзда, Вятской губерніи (Этнографическій очеркъ) М. К.—ъ Рус. Вѣд. 1872 г. №№ 113, 114, 117, 130 и 152.

⁽²⁾ С. С. Максимова: Остатки древнихъ народно-татарскихъ (языческихъ) вѣрованій и проч. (Материалы къ этнографіи) М. 1882 г. № 1.

словой обязательно до наступления Акадуй. Въ Ян-пибуловскомъ (Вадакасы) приходѣ, по словамъ тамошняго псаломщика Альфонсова, срачуклени въ послѣднее время справляется только богачами, у бѣдняковъ же оно соединяется съ Авдан сыры или Курьзыры, т. е. съ праздникомъ по собраніи хлѣба (Осеннее пиво). Въ этомъ приходѣ для совершения срачуклени приглашаются одни только тупь кѳриакъ, т. е. самые близкіе сосѣди; въ двухъ же первыхъ мѣстностяхъ и въ деревнѣ Масловой приглашается, возможно, большее количество сосѣдей и родственниковъ.

Въ деревнѣ Чешламѣ, родственники и сосѣди, вообще гости, — созываются на третій день послѣ срачуклени и пиршество, по этому случаю, носить тамъ специальное название: Шауш корги. (Шавыш корги заздравный ковшь (1)). Моленіе срачуклени начинается съ того, что на столѣ выставляются ведро или чашка съ пивомъ, корвай хлѣба изъ новой муки и ковщички для питья пива. Разставивъ все это по порядку и наполнивъ ковщички пивомъ, — что бываетъ обыкновенно вечеромъ, домохозяинъ предлагаетъ нарочно приглашаемому знатоку обряда, (называемому въ Масловой, Чешламѣ, селѣ Тогаевѣ — молла, въ Байметевой *корга бараган* — пода-тель ковша — виночершій) избрать себѣ помощниковъ, коихъ должно быть не менѣе восьми. Молла сопровождаетъ свое приглашеніе въ деревнѣ Масловой словами:

Хуназам кильчесь; пич-
ке, посълаза Торъ, азнас
чукласъ. Торъ сырлахтыр
Сяк авалги йыллына туза
ирдэрэс тезэ, каларымыр
ахн авылъ инсертю эжод
ахн авул он аттына атэп
— Молла по выборѣ себѣ изъ числа гостей помощни-

«Гости пришли; почав-
ши бочку, слѣдуетъ помо-
литься, — помянуть и Бога;
Да помилуетъ Богъ! Этотъ
древній обычай устроивъ
ши совершитымы! угово-
рились!» — и проч. и проч.
— Молла по выборѣ себѣ изъ числа гостей помощни-

(1) Изъ гостеваго быта Чувашъ и обрядъ «чукласъ». XI приложение къ Словарю Н. Ив. Золотницкаго. Стр. 247.

ковъ, назначаетъ предварительно, кому, во время чтенія нижеприводимой молитвы, какое призыванье, или имя произнести и затѣмъ, передопробивъ хозяина, наполнены ли ковши пивомъ, предлагаетъ избраннымъ своимъ помощникамъ и гостямъ разобрать ковши по рукамъ. Взявъ ковши съ пивомъ въ одну руку, а въ другую подъ мышку шапку, собравшіеся подходятъ къ двери, которая растворяется настежь, обращаются къ ней лицомъ, при чемъ молла читаетъ молитву, а помощники его и гости, кланяясь произносятъ: первые съырлах — помилуй такой-то (назначенный моллой) анбрахъ не оставь! Последніе же говорятъ просто — Тор съырлах анбрах! и высказываютъ другія благожеланія хозяину.

«Е бисъмәлле! Съырлага бар, Тора! Акны тырра лайыхнә бадырче; ывыл — хирьбә азнадып, съырлах! Тырра түкнә хумүне бар, туррынә сьимарда-бәк тутлыхнә бар; алык патнә күрү бар, тубелә кинь пар; карда толлы вилых-чирлих пар; перь визе кардара, перь визе шывра болдыр. Пуян сын тудыр. Амин. Чук съырлах! Съырлага пар! Корыйман сынзана, Тора, аякки сырдар; күзе кордыр, аллы ансыттер; ыра сонан сратисъмә ман патма кильдер; сьитьмән не саяк корга сьидерзә бадыр. (1)!

«Во имя Бога! Умило-сердись, Боже! Посвященный хлѣбъ уроди, изобильно (далъ бы Богъ хорошій хлѣбъ); съ сыновьями — дочерьми призываю, помилуй! Стволь у хлѣба какъ камышь дай, зерно, какъ яйцо по вкусу, дай; къ двери дай зятя, въ тюбель — невѣстку; скотный дворъ полонъ скота дай; одинъ конецъ на скотномъ дворѣ, другой у водопоя былъ бы. Богатымъ чело-вѣкомъ сдѣлай! Аминь! За жертву помилуй! Помилуй! Ненавистниковъ людей; Боже, отсрани; глазъ ихъ пусть видить, но рука ихъ да не достанетъ; а благо-

(1) Лучшимъ знатокомъ (Моллой) обрядовъ считается въ Масловой чувашинъ соседней деревни Семелчиной Архивъ Андреевъ (Соккыр Эргип); по рассказамъ татаръ Эргип читаетъ молитвы, какъ по книгѣ. —

желатель: пусть идетъ ко
мнѣ пиво пить; устрой Бо-
же, чтобы недостающее
восполнять этотъ ковшъ! —

Въ Бишевѣ:

Тора, ырлых пар, сыв-
лых пар! Сьинь тыр пол-
ба тав' тувьп, пусьсябып:
перь пурче аксан пинь
пурчь пар. Килэс ингек-
рэнъ, сынгеръ-дэнъ, вур-
рынъчэнъ, вуд-ынчэнъ сых-
ла; асла шыва ларзан, —
хузсян кусьмэнъ-чэнъ сы-
хла, хушка хомынъчэнъ,
таялан кимминъчэнъ; со-
дас сотта пагалаза бар;
вызэ килегенъ тураптса
яма бар; шинза килегэнъ
ужутса яма бар; виссь
тўслэ тырра полла виссь
клетенче бар; хаймалат-
са⁽¹⁾ молне бар; виссь тў-
слэ вылига-чирлига виссь
карда бар; тўк пурчынъ-
чэнъ тўлемэ бар; перьдэнъ
пинь сьитьнэ бар; кисрэ
сьомнэ тига бар; инэ сьом-
нэ пру бар; сорых сьом-
нэ пудек пар; сьол пе-
регединъчэнъ савьндаръ,
сирьдэнъ-дэ пулинъ клар-
за бар; сьуль-дэнъ-дэ пул-
линъ андарза бар; ой пе-

Боже, добра дай, здо-
ровья дай! Зановый хлѣбъ,
благодарю, кланяюсь: отъ
одного посѣяннаго зерна
тысячу зеренъ дай! Отъ
будущихъ (имѣющихъ
прійдти) бѣдствій, несча-
стій, отъ воровъ, отъ по-
жаровъ сохрани; при пла-
ваньи по большой водѣ —
отъ перелома весла бере-
ги, отъ большого вала,
отъ качанія лодки; что
нужно продать, по хоро-
шей цѣнѣ продать дай;
проходящаго голоднымъ
накормивши отпустить
дай; проходящаго озяб-
шимъ отогрѣвши отпу-
стить дай; трехъ сортовъ
хлѣбъ въ трехъ клетяхъ
положить дай; обогащая
дай богатства; трехъ сор-
товъ скота три карды дай;
отъ одного волоска умно-
житься дай; отъ одного
до тысячи дойти дай; къ
кобылѣ жеребенка дай; къ
коровѣ теленка дай; къ

⁽¹⁾ Отъ хайманъ карманъ (въ Ядринскомъ уѣздѣ).

регединьчэньтү савындар; ж
анкартнэ кұртъсэнь анкар; и
да перегединьчэнь савын-ж
дар; г пұльменэ с кұртъсэнь
пұльме перегединьчэнь са-
вындар; авыртны сьунуга
перегетне бар; ильне ту-
вара перегетне бар; виссь
посса виссь *свор биллик* (1)
хұшша акма бар; Тор,
эбирь сана шанза борнат-
пыр! Тор, эс пирэ порь
озалдан, ингек рэнь, сын-
гер-дэнь сырзэ яр; минь
эньдэ пұлйнь анбрах, Тө-
ра! Аминь. Сырлах, — ан-
брах, Тора!

После чтения молитвы,
откуда первая это
часть пива в ту посуду,
из которой оно было на-
лито, и затем уже остальное
выпивают сами. Чтение молитвы
повторяется описан-
ным способом столько раз,
пока не будут помя-
нуты все приводимые мною
ниже в трех списках духи;
причем (по словам А. Егорова)
если в последний раз кому
либо из 8-ми помощников
имени для призвания не
достанет, делается позаимство-
вание из предшествовавшей
группы. В Янчыбулов-
ском приходѣ (по словам г.
Альфонсова), не смотря на
малую емкость ковшиков
(в чайную ложку), тушь
курижами, т. е. близкими
соседами, во время соверше-

овцѣ ягненка дай; дорож-
ной прибылью обрадуй,
изъ земли хотъ вынупши
дай; и сверху хотъ внизъ
спустивши дай; прибылью
поля обрадуй; по привозѣ
на гумно прибылью пумйна
обрадуй; когда положишь
въ суслькѣ прибылью сусль-
сѣка обрадуй; смолотой
мукѣ неистощимость дай; п
купленной соли неистощи-
мость дай; въ трехъ пост-
ляхъ три *полузагона*, по-
сѣять дай. Боже, мы на-
тебя надѣясь живемъ. Ж
Боже, ты насъ отъ всяка-
го зла, несчастія, бед-
ствія (разсѣлвши ипусти) я
избавь; во всемъ не оставь
Боже! Аминь. Помилуй; и
не оставь Боже! *читъ сусль*

(1) *Своръ пилликъ* въ некоторых мѣстахъ составляетъ менѣе полу-
загона.

нія помоленія, влива (выпивается) ведедь до 4-хъ, а самое
моленье заканчивается далеко за полночь. Въ Масло-
вой, во время чтенія молитвы, въ послѣдній разъ домо-
хозяинъ, вмѣсто ковша съ пивомъ, беретъ въ руки ко-
ровой хлѣба, а ковшъ съ пивомъ передаетъ женѣ,
пригласивъ ее:

Матка, киль конда! кор-и лт Жена, иди-ка сюда! под-
га барам сана. Киль йиш- несу тебѣ ковшичекъ! Отъ
жинчень хирт сорта чук- семейства (за семейство)
лээ, ись сяг коргана. оятой помолившись хиртъ-со-
лэ жинрту, пей, этоть ковши-
чекъ. иишмь лрва (с)

Въ то время, какъ мужъ съ гостями отправляет-
ся къ двери заканчивать обрядъ, хозяйка съ получен-
нымъ отъ него ковшомъ, подходитъ къ печкѣ и часть
пива изъ ковша выливаетъ въ печь, а остальное вы-
пиваетъ сама и передаетъ ковшъ обратно мужу.

При этомъ въ высшей степени деликатнымъ
считается, если жена возвратитъ мужу ковшъ пустымъ,
напротивъ она удостоивается полного одобренія всего
собранія, если, выпивъ поанный ей мужемъ ковшъ,
прежде чѣмъ возвратитъ его мужу своему, свооручно
наполнитъ его и тогда уже подастъ ему.

По окончаніи молитвы и призыванія въ Масло-
вой изъ числа гостей, выбирается, такъ называемый,
хум кругесь, т. е. почетный распорядитель за столомъ (1).
Въ отличіе отъ остальныхъ, онъ садится на стулъ
передъ столомъ, и кѣкъ къ гостямъ и прежде всего
разрѣзываетъ положенный на столъ коровой хлѣба
на нѣсколько мелкихъ кусочковъ (алла валли) для
рукъ. Раздавши кусочки всѣмъ гостямъ по рукамъ,
онъ начинаетъ просить съувар валли (для рта), что
хозяйка и исполняетъ: подаетъ на столъ всѣ приго-
товленные для угощенія гостей кушанья. Затѣмъ на-
чинается ужинъ.

(1) Слово *хумъ* (водна) указываетъ здѣсь на величель распоряди-
теля, который покачивается, какъ рожъ во время вѣтра, иишмь, аздѣи

Вотъ тѣ имена духовъ, или призыванія, которыя молла назначаетъ для произношенія своимъ помощникамъ (въ деревнѣ Масловой):

I.

- 1) Тора.
- 2) Пўлухси.
- 3) Тор амыш—Мать Бога.
- 4) Пигамбар.
- 5) Хирлэ съыр.
- 6) Съирь йыш—семейство земли.
- 7) Съирь ашше—отець земли.
- 8) Съирь амыш—мать земли.
- 9) Съирь шыв' ктэнь. (Сокращ. кўдэгэнь).

II.

- 10) Сьорт сьорадаган Тора—Богъ, рождающій-созидающій домъ.
- 11) Ами—самая старшая мать.
- 12) Туvasи—работающій (вм. туваганъ).
- 13) Тохтасси—удерживающій.
- 14) Кўтнесси—стерегущій.
- 15) Нигизе—завѣдующій фундаментомъ.—
- 16) Сыхчы—стражъ (татар. алт. и чер. Сакчы—Ангель—хранитель).
- 17) Чечек сьорадаган—производящій цвѣтъ.
- 18) Чечек ашше—амыже.—Отець—Мать цвѣтовъ.

III.

19) Ывыл—хйрь сьорадаган Тора—Податель дѣтей. По словамъ А. Егорова, начиная съ 3 группы, помощники моллы произносятъ призыванія, заимствованныя изъ двухъ первыхъ.—

IV.

20. Тыр'-бол сьорадаган Тора—Податель всякаго хлѣба.

V.

21) Выльых—чирьлих сьорадаган Тора.—Податель всѣхъ домашнихъ животныхъ.—

VI.

22) Мол сьорадаган Тора—Податель богатства.

VII.

23) Хортъ сьорадаган Тора.—Податель пчель.

VIII.

24) Хорсь андаран Тора.—Ниспосылающий силу, крѣпость.

IX.

25) Сьют туньчи (Тора)—Богъ здѣшняго міра!

26) Къвак—хоппи—Миганье (1) или раскрытіе неба (собственно: рѣсницы, тверди).

27) Хвал усълан.—Мгновенное сіяніе во время темноты.

28) Тор' сьоли.—Вичь Божій.

29) Тор хаяре.—Гнѣвъ Божій.

30) Тор иньгеги—Наказаніе Божеское.

31) Тор' сыхчи—Стражъ Божій.

32) Сьиль ашше—Отець вѣтра.

33) Сьиль амыже. Мать вѣтра.

X.

34) Сьиль хаяре—Гнѣвъ вѣтра.

35) Сьиль иньгеги наказаніе вѣтра.

36) Сьиль сьингере—сила вѣтра (2).

37) Сьиль сыхчи—стражъ вѣтра.

38) Хвэль ашше—отець солнца.

39) Хвэль амыже—Мать Солнца.

40) Хвэль хульги—Уши солнца.

41) Хвэль сьоначе—Крылья солнца.

(1) Есть повѣрье у чувашъ Ядринскаго и Цивильскаго уѣздовъ, что во время раскрытія неба на мгновеніе, или во время къвакъ хоппи, Богъ даетъ все, чего бы человекъ не попросилъ. Однажды мальчикъ, стерегшій лошадей, въ дѣсу, во время къвакъ хоппи попросилъ узду, а ему Богъ сбросилъ цѣлую кучу уздечекъ. Послѣ этого мальчика упрекали и называли дуракомъ, что онъ въ такую удобную минуту не догадался попросить чего либо другаго—лучшаго.

(2) سنکر сьингеръ, укрѣпленіе, заваль, баррикада. См. Словарь Бу дагова, стр. 638.

IV

42) Хвэль ори—Ноги солнца. (1)

XI.

43) Кебе—Богъ, управляющій; судьбами человѣческаго рода.

44) Кебе киремечи—киреметь Бога, управляющаго судьбами человѣческаго рода.

45) Мун киле—великая киреметь.

46) Ксинь киле—малая киреметь.

47) Иньтекъ сьуредэгэнь—производящій наказаніе.

48) Сьынгеръ сьурень посылающій силу.

49) Тыра хонаси—Плодитель хлѣба.

50) Тыра хумгаси (Качатель) Раститель хлѣба.

51) Хум крѣгесъ—заставляющій хлѣбъ колыхаться.

XII.

52) Пылак параган—раждающій сладости, какъ медь.

53) Юсь параган—дающій горькое.

54) Сьуда кўльдэ ьырдаган ьра—Духъ почивающій въ свѣтломъ озерѣ.—

55) Хай пурень—опредѣляющій, завѣщающій, дающій жизнь.

56) Чар пурень—дающій запрещеніе, опредѣляющій запретъ (2).

57) Чильберъ тыдаган—держашій поводъ.

58) Эрнэ ватты—Недѣльная старуха, наблюдающая, по словамъ А. Егорова, за соблюденіемъ Чувашами пятницы.

Въ деревнѣ Масловои передаютъ, что если кто въ четвергъ, на пятницу будетъ прятеть, то недѣльная ста-

(1) Про солнце въ Масловои рассказываютъ, что оно до полдень бѣжитъ на быкъ, послѣ полдень—на зайца, а ночью спитъ за большой горой, а на лунѣ видятъ женщину, съ норомыслемъ на плечахъ. Упадеть съ неба звѣзда, —кто нибудь умеръ. Увидавшій это явленіе немедленно заявляетъ: Ман сьулдыр сьулдэ! Моя звѣзда на верху! Тамъ (на верху) илѣтеть звѣзда у всякаго человѣка.—

(2) Чарь пурень приказывающій, дающій повелѣніе указъ; چار پورن پریکاز. Словарь Будагова, стр. 426.

руха на томъ свѣтѣ въ наказаніе будетъ пряхать его волосы; тѣхъ, кто на пятницу будетъ стирать бѣлье, — она будетъ поить зольной водой; мнущихъ ленъ — она будетъ мять въ мяльницѣ. —

59) Сьол сьурень ыра — Добрый спутникъ.

60) Асла ыра — Старшій хранитель.

XIII.

61) Эльмень кўтњи — Ожиданіе Альменя (1).

Какія вѣрованія соединены у Чувашъ — съ ожиданіемъ Альменя, неизвѣстно. Эльмень касы — татарская деревня Альменева на лѣвомъ берегу рѣчки Бувы, версты на двѣ ниже Масловой. По преданію, слышанному мною разъ отъ одного крещенаго татарина, въ Альменевои прежде жили Чуваши, но вслѣдствіе какой — то катастрофы часть этихъ Чувашъ выселилась въ Тогаевскій приходъ, гдѣ основала деревню Эльмень (Ильмень) касы и впослѣдствіи обратилась въ христіанство, а часть Чувашъ, оставшаяся на мѣстѣ, совратилась въ магометанство. Доказательствомъ этаго преданія едва ли не можетъ служить названіе татарами одной изъ ложбинъ, находящейся на противоположной деревнѣ сторонѣ оврага, — Киреметь сырмы т. е. овражная киреметь. Этотъ оврагъ и часть деревни Альменевои видны изъ деревни Масловой. По словамъ А. Егорова, Масловскіе Чуваши въ проулкѣ между садами Аванскаго и Андрея Аванасьева, обратившись лицомъ къ Альменевои, призываютъ „Эльмень кўтњи“ и жертву ему бросаютъ въ садъ Аванасьева.

62) Хай сирьми — оврагъ оживленія. Это названіе древняго будтобы покинутаго кладбища на лѣвомъ берегу рѣчки Бувы, между деревнями татарскими Альменевои и Янгильдиной (Карамышева), въ одной верстѣ отъ послѣдней. По преданію, въ старину на хай сирьми Чуваши верстѣ изъ — за 50-ти прѣзжали съ блинами и лепешками поминать погребенныхъ тутъ

(1) Обь Эльмень кутњи находятся небольшая замѣтка въ Словарѣ Н. Ив. Золотвицкаго. См. стр. 189.

родственниковъ, а домогаметанившіеся ихъ, родичи съ пряниками для продажи поминальщикамъ. Въ настоящее время, ежегодно на другой день семика, въ пятницу передъ Троицей, сюда рано утромъ съѣзжаются торговцы пряниками и другими съѣстными продуктами, а къ полднямъ со всѣхъ сторонъ прѣзжаютъ на тройкахъ въ кибиткахъ, Татары съ своими разряженными и наряженными женами, Чуваши и Русскіе, въ томъ числѣ—и ближайшее духовенство. Часамъ къ 2 уѣзжаютъ всѣ они обратно. Вечеромъ татарская молодежь собирается на Семенчинскій берегъ оврага подъ деревней и въ хорошую погоду устраиваетъ на немъ разныя игры. Мушлы татарскіе хай сырмы считаютъ праздникомъ не магометанскимъ, но противъ укоренившагося обычая праздновать этотъ день ничего не могутъ предпринять⁽¹⁾.

(63) Кивъ яль—старая деревня. Названіе мѣста, на которомъ прежде была деревня Маслова, сохраняющаяся и сейчасъ это названіе, и гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣлъ вязъ, считающійся священнымъ (киреметью).

(64) Каракъ съуваре (воровской ротъ)—названіе мѣстности въ вершинѣ рѣки Бувы, близъ сосѣдней съ Масловой деревни Юмашъ, Цивильскаго уѣзда. На этомъ мѣстѣ, по сказаніямъ, было когда-то поросшее лѣсомъ, озеро, при которомъ собирался базарь, переведенный впоследствии въ село Ковали (Каваль), Цивильскаго уѣзда. На этомъ базарѣ случались убійства, а жертвы преступленія скрывались въ озеро, или въ лѣсъ, отъ чего мѣстность и получила названіе—Каракъ съуваре⁽²⁾. Въ жертву каракъ съуваре приносятся гуси. Близъ Каракъ съуваре находится старинное кладбище, на которомъ до сихъ поръ сохраняется камень съ татарскими надписями, поставленный, по преданію,

(1) Перечень, подобныхъ хай сырмы, чувашско-татарскихъ праздниковъ въ другихъ мѣстностяхъ—см. «Бѣловолжская ярмарка.—Казан. Губ. Вѣд. 1873 г. № 60.

(2) Слово Каракъ по татарски воръ, но въ чувашскомъ языкѣ слово *кар* означаетъ растянуть; съуваре карась развѣвать ротъ, отсюда *каракъ съуваре* можетъ означать—разинутая пасть, бездонная пропасть.

надъ могилой богатыря Юмашъ—основателя деревни Юмашевой.

65) Хирле сыр (Красня земля, яръ.—Богъ, оплодворяющій землю)—есть общее названіе всёхъ утесовъ съ красными обрывами (Красный яръ). Чуваши заволжной деревни Отаръ этимъ именемъ называютъ часовню въ Красно—ярскомъ приходѣ, на горѣ въ лѣсу, по старой Именецкой дорогѣ, съ иконой Николая чудотворца (1). Этимъ несомнѣнно объясняется то, что при имени хирле сыръ упоминается Никола Тора (2).

66) Шобашкарды ыра—въ самомъ г. Чебоксарахъ находящійся добрый духъ.

67) Свіэри ыра—Свіязскій добрый духъ.

68) Магарь—ери ыра—въ Макарьевской пустынѣ (что ниже Свіязска) находящійся добрый духъ.

69) Хозанды ыра—въ Казани находящійся добрый духъ. Кого подъ именемъ ыра—добрый подъ №№ 66, 67, 68 и 69—разумѣютъ Чуваши,— не извѣстно; но, судя потому, что опредѣляющія ихъ прилагательныя произведены отъ названій мѣстностей, въ которыхъ находятся христіанскія святыни, что Чуваши, даже некрещеные, усердно посѣщаютъ нѣкоторыя христіанскія святыни, особенно часовни: можно предполагать, что въ данномъ случаѣ подразумѣваются христіанскіе святыи, подобно тому, какъ далѣе будетъ слѣдовать магометанскій святой (№ 79). Именно, въ г. Чебоксарахъ Чуваши ходятъ на поклоненіе въ Троицкій монастырь къ часовни съ рѣзною иконою Св. Николая, и во Введенскій Соборъ; въ г. Свіязскѣ—въ мужескій монастырь къ мощамъ Св. Германа и въ женскій монастырь къ чудотворной иконѣ Преподобнаго Сергія Радонежскаго; въ Макарьевской пустынѣ—къ иконѣ преподобнаго Макарія; въ Казани—въ Соборъ къ мощамъ св. Гурія,

(1) См. Преданія Чувашъ Бичуринскаго прихода и проч. М. Ѳ. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 21.

(2) См. Исслѣдованія объ ипородцахъ Казан. губери. В. А. Собова. Стр. 113.

въ Спасскій монастырь—къ мощамъ св. Варсонофія и въ казанскій женскій монастырь—къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери. Въ запискахъ Г-жи Фуксъ (стр. 126) приведенъ отрывокъ изъ сочиненія неизвѣстнаго автора статьи о Чувашахъ, напечатанной въ Сѣверномъ Архивѣ за 1827 годъ, въ которомъ упоминаются Вылры Ирзамъ (Выльскіе добрые), близъ деревни Вылы, Цивильской округи, сыновья коего „свіа зинче ыр—зам (у Г-жи Фуксъ—Сивя Зинзы ирзамъ) и чолна зинче ыр—зам (у Фуксъ—челна зинзы ирзамъ) живутъ на рѣкахъ Свіагѣ и Чолнѣ“. Въ Очеркѣ Меньшова (1) у Белебеевскихъ Чувашъ.—выселенцевъ изъ Казанской и Симбирской губерній,—главное божество названо варлы изремъ, что, по моему предположенію и Н. И. Золотницкаго, должно быть Вылры ыр'зам.

XIV.

- 70) Ой перегечь—духъ, дарующій прибыль полю.
- 71) Идэм перегечь—прибыль току.
- 72) Кыжыл перегечь—духъ, дарующій прибыль вороху, т. е. кучѣ непровѣяннаго хлѣба.
- 73) Киль перегечь—прибыль дома.
- 74) Карда перегечь—прибыль карды.
- 75) Клѣтъ перегечь—клѣтная прибыль.
- 76) Вут ами—мать огня.
- 77) Вут ази—отецъ огня.
- 78) Хирт сорт—кикимора, женское божество.

XV.

79) Мелим—хузя—духъ йирих, обитавшій въ деревнѣ Масловой до 1870 года въ амбарѣ чувашина Василья Иванова. Обнаруженіе его чествованія произошло по слѣдующему обстоятельству. „12 Августа, 1870 года, сельскій староста деревни Масловой, явясь въ Богородское Волостное Правленіе объявилъ, что въ амбарѣ его однокителя Василья Иванова, съ давняго времени находится киреметь, подъ названіемъ

(1) Записки Оренб. отд. географ. общ. вып. 3 стр. 240.

Илемъ хузя (¹) (Мелимъ хузя), на поклоненіе коей приходятъ Чуваши съ жертвоприношеніемъ, даже изъ сосѣднихъ уѣздовъ; чтобы привечь еще болѣе жертвоприносителей, Ивановъ съ женой ходятъ по больнымъ и предрекаютъ имъ смерть, если они не принесутъ жертву Мелимъ хузя, чѣмъ на суевѣрныхъ Чуваши наводятъ страхъ. По этому, желая прекратить, поклоненіе киремети, обыватели поручили ему, старостѣ, просить Волостное Правленіе дозволить обывателямъ амбаръ Иванова сжечь; если же будетъ определено только продать его, то Чуваши будутъ ходить на поклоненіе и туда, гдѣ онъ будетъ поставленъ вновь. Вслѣдствіе этого заявленія Богородскій Волостной старшина, тотчасъ же отправившись на мѣсто, произвелъ у Иванова обыскъ, и по обыску въ амбарѣ его отыскалъ: по входѣ на правой сторонѣ, въ сусѣкѣ, на двухъ деревянныхъ, вбитыхъ въ стѣну, гвоздяхъ два большихъ кузова изъ вязовой коры, а въ нихъ, разныхъ по величинѣ, 270 кусковъ холста, изъ коихъ каждый былъ перевязанъ ниткой; въ кускахъ холста: два серебряные пятакъ и мелкой мѣдной монеты, начиная отъ ¼ коп. до 2-хъ копѣечниковъ, на сумгу 3 рубля 97 ¼ коп. сер., 10 чувашскихъ похратокъ (изъ бѣлой жести кружечковъ, на подобіе серебрянныхъ старинныхъ пятакковъ, только нѣсколько менѣе), 2 свинцовые безформенные кусочка. 4 шарика изъ тѣста, изъ коихъ два сплюснуты, и одинъ изъ воска, кусочекъ ржаного хлѣба—отломокъ отъ горбушки и *квадратную березовую* вытесанную топоромъ, *доску*, въ полтора вершка толщиною, и полторы четверти длиною и шириною, съ остатками воска на углахъ, *изобразившую Мелимъ хузя*.

Обнаружившій все изложенное, А. Егоровъ, рассказывалъ мнѣ, что собранные имъ съ помощію старосты понятые, для убѣжденія въ дѣйствительности событія, въ амбаръ Иванова войти изъ страха ни за

(¹) Такъ названъ Мелимъ хузя въ подлинномъ рапортѣ. —

что не рѣшались, по этому онъ, Егоровъ, вошелъ туда первый и описанную доску нашелъ стоящею на гвоздяхъ, на подобіе иконы; причѣмъ она была завѣшена бѣлой простыней. А. Егоровъ, предъявивъ доску понятымъ, снова поставилъ ее на прежнее мѣсто, и затѣмъ уже старосту уговорилъ отправиться въ Волостное Правленіе съ изложенной выше жалобой. Амбаръ, въ коемъ помѣщался Мелимъ хузя, какъ оказалось въ послѣдствіи, стоялъ съ незапамятныхъ временъ въ углу двора Иванова и достался ему отъ отца—отставнаго солдата; прослужившаго 28 лѣтъ и умершаго въ маѣ 1870 года; амбаръ привезенъ былъ откуда-то изъ Черемисъ, изъ за Волги, гдѣ на какой-то горѣ, изъ которой, по легендарному сказанію Чуваши, вытекаетъ медь, находилось и коренное жительство Мелимъ хузя; отсюда Мелимъ хузя въ образѣ татарина, въ кибиткѣ, на тройкѣ вороныхъ лошадей, наѣзжалъ въ деревню Маслоу временно, между прочимъ въ чугъ ойхъ—въ мѣсяцъ жертвоприношеній. По своимъ качествамъ, Мелимъ хузя изъ разряда злыхъ духовъ. Найденные по обыску въ кузовьяхъ шарики изъ тѣста (сѣулла сѣумахъ маленькіе масляные шарики изъ тѣста), были принесены Мелимъ хузѣ въ жертву для избавленія отъ чирьевъ, кусочекъ хлѣба (йомсынны сѣукры т. е. навороженный ѣмзей хлѣбъ) ⁽¹⁾—отъ кашля, оловянные слитки (тухлан) и нохратки отъ болѣзни глазъ. Холеть, приносимый Мелимъ хузѣ, отрѣзывался въ ростъ большаго. Нуждавшійся въ помощи Мелимъ хузя, войдя въ амбаръ (обыкновенный съ сусѣками для ссыпки хлѣба), вставалъ передъ нимъ на колѣни и, некрестясь, кланялся, приговаривая:

---

(1) Для такого хлѣба обыкновенно дѣлается лепешка тонкая, круглая (вершка 2 въ діаметрѣ). Съ одного бока ея дѣлается пять щипковъ, и въ срединѣ одинъ щипокъ; нащипанный край лепешки называется сумы-носокъ, а средина *куаби* средина, или нуль. Во время молитвы отрѣзываютъ и бокъ лепешки и самую средину, и эти отрѣзанныя части приносятся въ жертву Богу и злымъ духамъ.

Мелим хузя, сырлах мана! Ажа казар! Киве кьумьль похрат парне барам. Ачам-пала, выльых-чирлех пала, порья-де сывлых пар! Сырлага бар! Мелим хузя, помилуй меня! Прости изъ снисхожденія! Я дамъ въ подарокъ (тебѣ) монету стариннаго серебра. Дѣтямъ моимъ, домашнему скоту и вѣсьмъ дай здоровья! Помилуй!

По прочтеніи молитвы, молившіися, клалъ свое приношеніе въ одинъ изъ кузовьевъ и, не оглядываясь, отправлялся домой; на время молитвы передъ Мелимъ хузя зажигались восковыя свѣчи, прилѣпавшіяся къ угламъ изображавшей его дѣски. На кого, владѣлецъ амбара былъ сердитъ, тѣхъ въ амбаръ не пускалъ и они тихонько оставляли жертву или около амбара или бросали въ находившійся позади его, и задней стѣны двора яблонный садъ, принадлежавшій тому же владѣльцу. Такимъ образомъ, въ садъ во множествѣ пускались гуси, утки, куры и циплята, откуда не только птиць, но и ябдоки похищать всѣ боялись, хотя владѣлецъ сада никогда его не караулилъ. Страхъ къ Мелим хузя, питали даже Татары, сосѣдней деревни Янгильдиной (Карамышева). Такъ одинъ изъ нихъ, по уничтоженіи мѣстопробыванія Мелимъ хузя, признавался, что разъ, соблазнившись принесенной Мелимъ хузя въ жертву курочкой, онъ поймалъ ее и скупалъ, но вскорѣ, совершенно неожиданно, захворалъ. Думая, что его караетъ чувашское божество, мухаммеданинъ немедленно распорядился замѣнъ съѣденной пустить къ жилищу Мелимъ хузя свою собственную курицу. Такіе случаи впрочемъ не разъ были и съ Русскими въ Бѣловолжскомъ приходѣ⁽¹⁾. Другой татаринъ, изъ той же деревни, напротивъ усердно занимается сборомъ жертвенной птицы и денегъ, и чрезъ этотъ промыселъ уплачиваетъ свои подати.

(1) Русскія Вѣдомости 1870 г. № 234. ч. 1. стр. 11 и 12.

Жертвоприношенія Мелимъ хузя скапливались владѣльцемъ амбара въ теченіи шести лѣтъ, а на седьмомъ, вмѣстѣ съ Мелимъ хузя, вносились въ избу, гдѣ на лавкѣ растилалась простыня, на которую клалась изображавшая Мелимъ хузя доска, къ угламъ ея прилѣплялись зажженные восковыя свѣчи; высыпались на простыню жертвенныя деньги, сосчитывались и дѣлились между родственниками владѣльца Мелимъ хузя, являвшимися по извѣщенію. Гуси, утки и т. п., въ день раздѣла приношеній закалались и съѣдались. Къ этому времени собиралась въ домъ Иванова вся деревня, вынесши куда либо предварительно изъ своихъ домовъ иконы; во множествѣ сходились сюда же больные со стороны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для ворожбы къ Иванову приходили нерѣдко и Русскіе изъ сосѣднихъ приходовъ свіяжскаго уѣзда Косяковскаго и Кермелинскаго. Два послѣднихъ раздѣла жертвоприношеній Мелимъ хузи были въ 1861 и 1868 годахъ и на нихъ владѣльцу амбара, по словамъ А. Егорова, доставалось рублей отъ 60—70, не считая кусковъ холста, изъ коихъ дѣлались полога и мѣшки. Въ два такихъ мѣшка послѣ обыска и было уложено все поличное.

Имѣя свою святыню, Чуваши Масловскіе не ходили вовсе въ свою религіозную метрополию—село Ишаки, сдѣлавъ наоборотъ изъ своей деревни нѣчто подобное этому селу (¹).

Вотъ родословная владѣльцевъ Мелимъ хузя: 1) солдатъ Иванъ Филипповъ (Мелимъ хузя тѣби т. е. корень Мелимъ хузи). Его дѣти: Василій, Аѳанасій и Софья, бывшая замужемъ въ деревнѣ Муратовой. Братья солдата Ивана Филиппова: 2) Григорій Филипповъ. Его дѣти: Пазюкъ, Марукъ и Мязюкъ, всѣ три замужемъ въ другіихъ деревняхъ. 3) Матвѣй Филипповъ. Его дѣти: Николай, Игнатій и Ѳекла. 4) Аѳанасій Филипповъ. Его дѣти: Евдокимъ и Сергѣй. Изъ числа племянниковъ Ивана Филиппова у Николая Мат-

(¹) Русскія Вѣдомости 1870 г.

вѣва дѣтей нѣтъ, а у Игнатія Матвѣева—дочь Марья въ деревнѣ Муратовой замужемъ. Еще нѣсколько дальнихъ родственниковъ ихъ, изъ числа коихъ у Даниила Михайлова въ 1859 году пропала изъ бѣлыхъ овчинъ шуба. Заподозривъ въ кражѣ ея однопороденца своего, онъ пригрозилъ ему гнѣвомъ Мелимъ хузя, и тотъ шубу подбросилъ; вслѣдствіе этого Даниилъ Михайловъ, кромѣ обязательной для дальнихъ родственниковъ жертвы изъ гуся, утки; муки, крупъ, соли, масла, меду, денегъ и холста, долженъ былъ приносить еще Мелимъ хузя бѣлую овцу. Слѣдственное производство о Мелимъ хузя судебнымъ слѣдователемъ 2-го участка Чебоксарскаго уѣзда, 20 сентября 1870 года за № 816 было представлено г. Прокурору Казанскаго окружнаго суда, а самъ Мелимъ хузя совѣмъ, что найдено было при немъ по обыску, отосланъ 25 сентября того же года за № 825—для храненія въ Чебоксарское уѣздное Полицейское Управление, откуда дѣломъ 1876 года, вслѣдствіе прекращенія судомъ дѣла объ Ивановѣ, высвобожденъ и возвращенъ Иванову, но имъ, кромѣ денегъ, пожертвованныхъ въ приходскую церковь, уступленъ мнѣ, а мною отправленъ уже съ кузовьями въ Миссіонерскій пріютъ въ Казани. Амбаръ, въ коемъ жилъ Мелимъ хузя, Чувашами по окончаніи слѣдствія, по совѣту А. Егорова сожженъ на берегу рѣки Бувы. А. Егоровъ надѣялся, что Чувашаи перестанутъ питать страхи къ мѣсту жительства Мелимъ хузя и прекратятъ свои въ честь его жертвоприношенія. Но цѣль эта не была достигнута: мѣсто сожженія амбара получило теперь у Чувашъ названіе Мелимъ хузя сырьми т. е. оврагъ Мелимъ хузя, а самъ онъ, какъ оказалось, и сейчасъ не думаетъ удалиться изъ деревни Масловой. Ровно черезъ годъ послѣ сожженія жилища Мелимъ хузя, одинъ изъ родственниковъ Иванова, упомянутый Игнатій, возвращаясь пьяный изъ деревни Карамышевой верхомъ, лишь только переѣхалъ мостъ черезъ Буву, свалился съ лошади и тутъ же померъ., Это мѣсто теперь носитъ названіе

„Игна́тъсырче“—Игна́тьева гора! 23 апрѣля 1875 года, посѣтивъ мѣстожителство Мелимъ хузя, я нашелъ въ саду Василья Иванова подлѣ забора съ внутренней стороны, преимущественно подлѣ заборныхъ столбовъ: 1) 23 бѣлыхъ холцевыхъ обрѣзка разной величины и формъ, не болѣе 21 вершковъ длиною и шириною; изъ нихъ 16 по краямъ имѣли долгие разрѣзы, кои по словамъ А. Егорова сдѣланы въ честь тѣхъ лицъ, за коихъ приносилась жертва. 2) Два кумачныхъ четверугольныхъ лоскуточка отъ изношенной рубашки; въ одномъ изъ нихъ была завернута нохратка (кругленькая жестянка, величиною съ горошину). 3) Лоскутъ бѣлой бумаги, ослужившій оберткой для нохратки. 4) Двѣ ничѣмъ необернутыя нохратки, величиною въ серебряный пятакъ. 5) Два высохшие (отломка) отъ горбушки черного хлѣба. 6) Двѣ мѣдныя копѣйки (серебромъ, изъ нихъ одна найдена А. Егоровымъ подъ нижней жерды забора съ наружной стороны, а дру-гая мною въ пазу столба вмѣстѣ съ кускомъ хлѣба и др.) Два осколка отъ разбитаго глинянаго блюда и деревянной чашки; въ нихъ по словамъ А. Егорова, несомнѣнно, были принесены въ жертву сбу́тла сбу́мах—масляныя (изъ тѣста) шарикъ. Всѣ эти вещи въ томъ же году доставлены были мною въ Казанское Общество Естественныхъ наукъ для отдѣла Антропологии и Этнографіи для изслѣдованія А. Мухоморова и др. По изслѣдованію Н. И. Золотницкаго, Мелимъ хузя долженъ быть несомнѣнно Маломъ—ходжа—одинъ изъ мухаммеданскихъ шейховъ, могила кою находятъ на вершинѣ горы въ Билярскѣ (!). Слѣды происхожденія и названія Масловскаго духа отъ имени Билярскаго шейха, и Золотницкій находитъ и въ тѣмной чувашской легендѣ о а именно: духъ являеться въ образѣ татарина; живетъ онъ за Волгой, а Камъ у Татаръ и у Чувашъ называется Вьлюю Волгой, на торъ—могила шейха; Биляръ или Буляръ по закону цѣлшоегого вземленю двуѣ дѣво аток дѣвзѣрн ой ѣнв (5) см. Булгаръ на Волгѣ. И. Березина, стр. 189. Онъ жь атутъ и

чувапскаго произношенія—пыларь; чувашское пъл-значитъ медь, окончаніе ар въ названіяхъ селеній означаетъ: земля, мѣсто, страна; пъл—ар въ легендѣ обратилось въ медовое мѣсто (1).

Любыпытно—бы, конечно, собрать біографическія свѣдѣнія о Малюмъ ходжа, его отношеніяхъ къ Чува-шамъ, причинахъ, вызвавшихъ чествованіе его Чува-шами, районъ чествованія послѣдними; и т. д. Въ де-ревнѣ Толбаевой, Карачевского прихода Мелимъ хузя называется Малюмъ хозя, въ Бишевскомъ приходѣ—Малемъ хузя; здѣсь же объ немъ рассказываютъ, что онъ нѣкогда былъ купцемъ, Лаишевскаго, или Тетюш-скаго уѣзда. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ киреметь—Ма-лимъ хузя находится близъ деревни Ельниковой (Ту-гурчъ), яндашевскаго прихода.

Изъ посмертныхъ бумагъ Н. И. Золотницкаго видно, что киремети съ именемъ Малимъ—хози находят-ся въ Козмодемьянскомъ и Ядринскомъ уѣздахъ; такъ въ собственноручной его запискѣ, писанной карандашемъ, говорится: „Киреметь Мелим-хузя, разстояніемъ съ ¼ версты отъ деревни Юнга, бозь и въ ½ в. отъ господ-ской деревни Елкиной (гг. Цвѣтковыхъ—Полозова), была толстая липа, которую срубилъ елкинскій русскій крестьянинъ, но, укладывая колоду, изнурился; и не до-везши домой, оставилъ, и потомъ отвезъ обратно. Еще ки-реметь Малим-хози находится близъ деревни Яндушъ“ (2).

Ядринскаго уѣзда, Убѣевской волости, къ дерев-нѣ Тракъ пріурочивается киреметь Валимъ хузя. Отъ деревни Тракъ недалеко есть гора, прорытая вокругъ оврагами, въ коихъ текутъ ключи, поросшіе елховыми кустами; въ одномъ ключѣ есть йирихъ. Когда Чу-ваши приходятъ сюда, молятся, —сядутъ на колѣни и читаютъ молитву: И . . .

(1) О жертвенныхъ приношеніяхъ чувашъ. См. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1875 г.

(2) Въ той же запискѣ Т. Золотницкаго указаны еще киремети: «Хо-лодонъ—Тобалакъ—киреметь», отъ самаго села Юнга Ядрина; чуваша пер-ресселились отъ этой киремети «Хорадонъ—киреметь» близъ старой часовни въ оврагѣ.

. Валимъ хузя! Ээ сир- лах пире: кильдэ порна- ганзэмбэ, порь выйльых- чирьлихь-зэмбэ-дэ, порь ачам-пчампа-да. Сирлах мана!

Валимъ хузя! Ты насъ, живущихъ дома, помилуй , со всѣмъ домашнимъ ско- томъ, со всѣмъ семей- ствомъ. Помилуй меня!

Потомъ молившійся бросаетъ киремети завернутыя въ холщевыя лоскутки серебряныя монеты и идетъ далѣе на ключъ, въ которомъ живетъ йирихъ. Этому послѣднему даются вмѣсто денегъ изъ бѣлой жести кружечки, также завернутыя въ лоскутки холста.

80) Авански килли—Киреметь Аванскаго. Это названіе носить рябиновый кустъ и живущій въ немъ духъ—йирихъ, въ саду чувашина деревни Масловой, Ивана Григорьева, по прозванію Аванскаго. Иванъ Григорьевъ получилъ такое прозвище по слѣдующему обстоятельству. У родителей Ивана Григорьева дѣтей долго не было, а когда родился онъ, Иванъ, то мать его на разспросы любопытныхъ о качествахъ ребенка, отвѣчала: аванске—„хорошъ-будто, славный, кажись“; отсюда и произошло его прозваніе Авански.

Самъ Аванскій—йомзя (по спеціальности коноваль и наговорщикъ—вирѣсь т. е. дующій при наговорахъ на что либо). Однодеревенцы его приносятъ живущему у него въ саду въ рябиновомъ кустѣ духу-йириху въ жертву пряники и сьудла сьумах (масляные шарики), а на кустъ вѣшаютъ холстъ и кусочки олова, привязанные на нитки. Заглянувъ 23 апрѣля 1875 г. изъ любопытства въ садъ (яблонный) Аванскаго, я нашелъ на землѣ подлѣ забора: 1) 32 новыхъ холщевыхъ лоскутка; 2) пять лоскутковъ новыхъ, бѣлыхъ коленкоровыхъ; изъ нихъ въ двухъ было завернуто по одной нохраткѣ, величиною въ горошину. По словамъ А. Егорова, въ честь Авански килли нохратки приносились мельче, противъ таковыхъ же въ честь Мелимъ Хузя, потому что послѣдній важнѣе Авански килли и 3) нѣсколько бѣлыхъ нитокъ съ уцѣлѣвшими, у четырехъ, привѣсками—оловянными слитками неопредѣленной формы; къ одной ниткѣ, кромѣ того, былъ прикрѣпленъ

небольшой холщевый лоскутокъ съ однимъ разрѣзомъ. Нитки были найдены частію на землѣ, а болѣе на сучьяхъ яблоней, отвисшихъ къ забору, и на самомъ заборѣ, противъ рябиноваго куста. Всѣ эти предметы также представлены мной въ Общество Естественныхъ Испытателей. У Аванскаго были дочери. Отдавая ихъ въ замужество, онъ каждой изъ нихъ, въ числѣ приданнаго, далъ по рябиновой вѣткѣ отъ своего куста, отъ чего у нихъ завелись новыя киремети (йирихи). Награждать дочерей такими вѣтками, при выдачѣ въ замужество, вошло въ обычай и у другихъ владѣльцевъ киреметей (йириховъ), о чемъ каждый разъ извѣщаются ими мѣстные знакомыя йомзи.

У крещеныхъ Татаръ деревни Тавелей и Алексѣевского Выселка, Чистопольскаго уѣзда, есть киремети Тяре ѳгезе „и тюръ ѳгезе, коимъ, между прочимъ, ежегодно приносятся мѣдные гроши, завертываемые въ холщевые лоскутки и сохраняемые въ подвѣшиваемыхъ въ мякинницахъ трех-угольныхъ лукошкахъ и буракахъ. Когда Татары отдѣляютъ сыновей, или выдаютъ замужъ дочерей, то непременно награждаютъ ихъ киреметью—мѣднымъ грошемъ и кусочкомъ бѣлаго холста, которыя зашиваютъ въ небольшой величины мѣшекъ. Сыновьямъ крещеные Татары отдѣляютъ часть той киремети, которая была первоначально принята прадедами этого семейства, а дочерямъ—часть той киремети, которую мать ихъ принесла изъ своего семейства (1).

Подобныя кусту Аванскаго святыни во 2 станѣ Чебоксарскаго уѣзда находятся: 1) въ деревнѣ Семенчиной (Шынчасть), на гумнѣ умершаго некрещенаго Чувашина. Это осиновая рошица деревъ въ 200— „Совкай килли киреметь некрещенаго Чувашина Совкай. Въ жертву ей приносятъ: куръ, йосманы, сьулла сьумахъ,

---

(1). Разказы крещеныхъ татаръ деревень Тавелей и Алексѣевского Выселка, Ямашевскаго прихода, Чистопольскаго уѣзда, о происхожденіи киреметей, Михаила Апакова. См. Извѣстія по Казан. Епар. 1876 г. № 14.

кисель, блины, тухланки, нохратки, и нитки; 2) въ оврагъ при деревнѣ Уразметевой, (Моргарь)—по однимъ пенькѣ, на подобіе стоящаго медвѣдя, по другимъ—рябиновый кустъ; при въѣздѣ въ деревню отъ татарской деревни Карамышевой; 3) въ деревнѣ Большой Карачевой, въ саду, чувашина Трофима, Васильева—липа, которая считается самой главной киреметью. Въ жертву ей приносятся деньги и гуси, перья коихъ раскидываются позади сада на урочищѣ Киреметь пуссы, (поле киремети), на которомъ стоитъ вязъ; 4) въ деревнѣ Большихъ Тимирчахъ (Одачь касы) въ кустарникѣ между этой деревней и слободкой Исмелями. Привѣжающіе на Исмелевскій базарь, въ Слободкѣ на верхушки пней и растущихъ кустовъ, бросаютъ кусочки хлѣба; 5) въ огородѣ дьячка села Янцибулова (Вадакасы) В. И. Альфонсова—липа. Альфонсовъ около липы находилъ мѣдныя деньги, нохратки, и жженныя кости; а по утрамъ не разъ заставлялъ молящихся женщинъ.

27
81) Тър килли. Тър—по Джагатайски, Алтайски и Киргизски—значить уголь дома, передній уголь противъ двери, почетное мѣсто. У Алтайцевъ—тунур, а у Минусинскихъ татаръ тър-бубенъ—необходимая принадлежность Якутскихъ и Алтайскихъ шамановъ, разрисованный разными изображениями, къ которому простой народъ питаетъ болѣе уваженія и страха, чѣмъ къ самому шаману, вѣря, что въ бубнѣ живетъ духъ—хозяинъ его, и что при совершеніи обряда туда собираются духи, призываемые шаманомъ“ (1).

У Чувашъ подъ именемъ „тър—килли“—разумѣется духопоклоненіе, мѣсто поклоненія духамъ и духъ живущій въ заустѣбныхъ строенияхъ, и вообще на пустыряхъ, неимѣющій никакого образа. Тър-килли—важнѣе йриха. На разспросы мои о различіи между йрих—ами и тър—килли, одинъ чувашинъ въ селѣ

отца (1) Сибирскіе шаманы и чувашскіе шаманы. IV приложение къ словарю Н. Ив. Золотницкаго. М. 1871. стр. 107. Тамъ же сказано, что въ бубнѣ живетъ духъ—хозяинъ его, и что при совершеніи обряда туда собираются духи, призываемые шаманомъ.

Бишевѣ объяснилъ, что ойрих—амъ, приносятся въ жертву, похратки, а тур килли—гуси; чтобы еще нагляднѣе представить мнѣ разницу между ними, чувашинъ указывая на меня, сказалъ: тур килли—это ты (баринъ), а ойрих—вотъ онъ—(писецъ). Къ сожалѣнью, дальнѣйшей бесѣдѣ нашей помѣшала жена, раскащика, кинувшая на него злобный взглядъ; тѣмъ не менѣе раскащикъ сообщилъ по секрету, что въ ихъ селѣ тур килли находится въ амбарѣ Палюка (Павла). Но въ амбарѣ Палюка ровно никакихъ особенностей не было найдено, даже не было признаковъ посѣщенія его жертвоприносителями. Старуха—домохозяйка Палюка на мой вопросъ, гдѣ у нихъ тур—килли, указала на стоявшую на противоположной сторонѣ двора, у воротъ, баню, въ которой также ровно ничего не было, какъ и въ осмотрѣнномъ новомъ двух—этажномъ амбарѣ, стоявшемъ внутри двора въ связи съ избой. О Тур килли въ селѣ Тогаевѣ (Чакъ) рассказывали мнѣ приходскій священникъ и одинъ чувашинъ. Въ Тогаевскомъ приходѣ тур килли находится въ околдкѣ Тракассы на пустырь, позади петейнаго заведенія, Священникъ села Тогаева Григорій Оточевъ нѣсколько разъ убедительно упрашивалъ хозяина пустыря, сказать ему, не имѣетъ ли тур видъ какой либо куклы, и тотъ, предоставляя священнику право сдѣлать обыскъ, увѣрялъ, что и по обыску ровно ничего нельзя найти. Русский крестьянинъ деревни Верхне-Исеновой Степанъ Петровъ—внукъ чувашина солдата и русской бабушки,—рассказывалъ мнѣ, что утромъ однажды онъ пошелъ на гумно посмотреть, не забралась ли скотина, и замѣтилъ, что на току играетъ *точно кошка*; отъ головы у нея видво было сѣянье. Степанъ Петровъ сказалъ объ этомъ деревенскимъ, а они отвѣчали ему, что это, должно быть, былъ живущій у Николая Димитрива тур килли. Въ другой разъ, я говорилъ Ст. Петровъ, спалъ дома пьяный. Слышу—кто-то въ дверь стучитъ. Я вышелъ и увидѣлъ на крыльцѣ знакомую вадакасинскую дѣвку, которая просила проводить ее къ Ни-

колаю Димитріеву. Я, помню хорошо, пошелъ съ ней. Потомъ, какъ очнулся, гляжу: весь мокрый лежу въ избѣ Димитріева. Спросилъ его, какъ я попалъ къ нему— не знаетъ. А! это, стало быть; приходилъ за мной живущій въ Вадакасахъ у Елѣ Митри́, откуда была дѣвка, тѣр килли... Съ Димитриевымъ Елѣ Митри́ родня... По моимъ разспросамъ оказалось, что въ Вадакасахъ у Елѣ Митри тѣр-килли нѣтъ, а есть липа у дьячка В. Ив. Альфонсова. Въ деревнѣ Исеновой у Н. Димитріева тѣр килли прежде жилъ въ амбарѣ, а когда Димитріевъ этотъ амбаръ продалъ одnodеревенцу Никитѣ Митрофанову, то тѣр килли отъ него убѣжалъ и теперь живетъ опять у Димитріева на скотномъ дворѣ. Къ этому тѣр килли, по словамъ разскащика Петрова, Чуваши прибѣгаютъ за помощью для излѣченія отъ чирьевъ. Намазавъ липовую щепочку масломъ, Чуваши прикладываютъ ее къ чирью и затѣмъ бросаютъ съ задовъ во дворъ Димитріева. Другой тѣр килли живетъ въ деревнѣ Исеновой на восточной сторонѣ деревни, въ полѣ, на урочищѣ подъ названіемъ кивъ зьорт—старая изба. Кромѣ того, тѣр килли находятся: 1) въ татарской деревнѣ Карамышевой (Янгильдина), близъ училища—медресе, въ старой избѣ; 2-хъ) на мельницѣ, на рѣкѣ Анишѣ, у Казанскаго мѣщанина С. А. Иванова (Жаркова) въ старомъ амбарѣ. Г. Ивановъ нерѣдко находилъ въ углахъ своего амбара, стоящаго безъ всякаго употребленія въ ветляной рошѣ, мѣдную монету и восковыя свѣчи, а въ самой рошѣ—живыхъ утокъ, куръ и пѣтуховъ, иногда привязанныхъ къ ветламъ за ножку; 3) въ деревнѣ Тоганашевой (Туганашъ), въ сгнившей и развалившейся мякинницѣ чувашина йирихъ Хведирь (*). Старую и гнилую эту мякинницу чувашинѣ Теодоръ не поправляетъ и не продаетъ; 4) въ деревнѣ Чешламѣ, въ саду Лукояна Изосимова въ яблони.

Сопоставляя слово тѣр,—говорится въ статьѣ Н. Ив. Золотницкаго о жертвенныхъ приношеніяхъ Чу-

(*) Йирихъ Хведирь, т. е. хранитель Приха Теодоръ.—

вашъ,—съ названіемъ у Минусинскихъ татаръ добрыхъ духовъ—тѣсь тѣри, можно заключить, что и чувашскій тѣр одаренъ добрыми свойствами и существенно разнится отъ враждебнаго челоуѣку шойтана тѣмъ, что послѣдній не только не имѣетъ постоянного жилища и не получаетъ жертвъ, но даже изгоняется изъ селеній рябиновыми хлыстами (а въ рябинѣ живутъ подобные тѣрамъ йирихи).

У г-жи Фуксъ и, съ ея словъ, у Риттиха (1), тѣр килли пазывается Богъ Теркуля, а Г. Сбоевъ о тѣр—килли ничего не упоминаетъ.

82) Йирих—(2). Словомъ йирих, имѣющимъ настоящее значеніе „посвященія“, у Чувашъ означается и предметъ посвященія и мѣсто посвященія (приношенія) и жилище того духа, которому дѣлается посвященіе; это же слово составляетъ общее именованіе и самихъ духовъ, которые притомъ имѣютъ частныя названія по своимъ свойствамъ, по качеству мѣстности, по имени селенія или владѣльца усадьбы, по именамъ христіанскихъ и мухамеданскихъ святыхъ и даже по именамъ древнихъ властителей. Такъ, на примѣръ, имя Бульмерскаго князя Валаы—гози Чувашами и Черемисами разныхъ мѣстностей приурочено къ мѣстамъ ихъ шаманскихъ жертвоприношеній. Духи эти не только переходятъ вмѣстѣ со своими жилищами, при перемѣщеніи послѣднихъ, но и размножаются, подобно киремети, посредствомъ отдѣленія частей отъ ихъ жилищъ. Названію йириха въ общемъ значеніи „духа“ соотвѣтствуетъ слово тѣр, съ тою только разницею, что послѣдній не воплощается (3).

(1) Записки о Чувашахъ и проч. Стр. 76. Матеріалы для Этнографіи Россіи. Казанская губернія. Казань. 1870 г. часть II. Стр. 90.

(2) В. Ав. Сбоевъ, стр. 124—125; Фуксъ, стр. 96—97; III Прилож. къ корн. Чуваш.—Русск. Словарю Золотницкаго, стр. 150.—

(3) Слово йирихъ есть очевидно, еврейское ירִיחַ *Ерек* зелень. Быт. 1, 30. Исход. 10, 15. Извѣстно, что зеленая вѣтка и у Черемисъ имѣетъ важное значеніе. Сравни. Четыре дня у Черемисъ во время Сюрэма, С. К. Кузнецова, стр. 30—31.

Г. Сбоевъ говоритъ, что йирих означаетъ кузовъ съ приношеніями, а Г-жа Фуксъ йирихомъ считаетъ кусочекъ олова ⁽¹⁾, привѣшанный къ рябиновой вѣткѣ. Оба автора, въ нѣкоторомъ отношеніи, правы.

Въ Средне-Тимерсянскомъ приходѣ Симбирской губерніи и уѣзда духу йирих Чуваши приписываютъ пораженіе человѣка наружными гнойными болѣзнями: сыпями, вередями, глазными болѣзнями и проч. Для умилостивленія его они, по словамъ приходскаго священника Л. М. Нечаева ⁽²⁾, кладутъ въ сплетенную изъ прутьевъ корзину сухія древесныя вѣтви, кусочки олова, обрѣзанные съ рукъ и ногъ ногтя больнаго, часть волосъ съ головы больнаго, и такую жертву подвѣшиваютъ гдѣ-нибудь у себя въ домѣ.—Экземпляръ жертвы йириху изъ Ядринскаго уѣзда имѣется въ Музей Казанскаго Миссіонерскаго Пріюта.

83) Сьорадан хорынь (береза родильница)—толстая развѣсистая береза на берегу оврага, при которомъ стоитъ деревня Маслова. Къ этой березѣ передъ

⁽¹⁾ Обыкновенно йирихи льются изъ свинца: берутъ горящую лучину и подносятъ свинецъ, капли свинца падаютъ на желѣзо (на топоръ, или косарь) и образуютъ родъ звѣздочекъ, или мелкихъ монетъ разныхъ формъ. Если желаютъ кому за что либо отомстить, то загибаютъ йириха (т. е. слитую штучку) пополамъ въ родѣ порога, и при этомъ говорятъ: согни кпреметь моего врага такъ, какъ я согнулъ этого йириха. Иногда ворожецы рекомендуютъ кому либо изъ пришедшихъ къ нимъ за совѣтомъ идти къ такой-то кпремети, отыскать близъ нея на его бѣду согвутаго йириха и разогнуть, чтобы бѣда прошла.

⁽²⁾ См. Поученія къ прихожанамъ Священника Симбирской губерніи и уѣзда, села Среднихъ Тимерсянъ Луки Нечаева. Симбирскъ. 1880 г. Стр. 69.—Въ одномъ изъ поученій о. Нечаева противъ Сьивзе, между прочимъ, говорится, что во время Сьивзе Чуваши представляютъ землю чреватой, не копаютъ ее въ это время изъ боязни, чтобы земля не разрѣшилась неплодіемъ; топоромъ ничего не рубятъ въ тоже время, чтобы не оглушить Сьивзе; требуютъ, чтобы всѣ во время сьивзе одѣвались въ бѣлохолщевую одежду.—Требованіе это, очевидно, касается тѣхъ мѣстностей, гдѣ Чуваши въ обыкновенное время носятъ синюю-и-красно-пестрядиное бѣлье (улача). За выползевіемъ требованіи относительно бѣлой одежды наблюдается во время сьивзе и въ Казанской губерніи. См. Бесѣды съ Чувашиами о христіанской вѣрѣ. Священника села Кошекъ Чебоксарскаго уѣзда В. Я. Смѣлова. Извѣстія по Казанской Епархіи. 1879 г. Стр. 80.

родами приходятъ беременныя женщины просить:!

Сьорадан хорынъ, ан-
брах мана! Сяг ачана ту-
ма сьумуллых бар!

Береза рожениць не
оставь меня! Этаго мла-
денца родить облегченіе
дай!

Беременные женщины приносятъ въ жертву бе-
резѣ—родильницѣ сьулла сьумах, нѣкоторыя же остав-
ляютъ по копѣйкѣ денегъ ⁽¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по словамъ А. Его-
рова, по оврагу за деревней Масловой росъ кустар-
никъ, въ который дѣти ходили собирать ягоды. Воз-
вращаясь съ набранными ягодами домой, дѣти часть
ягодъ оставляли у сьорадан хорынъ; тоже они дѣлали
и у ключа близъ березы. въ томъ и другомъ случаѣ
приговаривая:

Сьырлах, сьорадан хо-
рыне! Сана сьырла хо-
рыш.

Помилуй береза роже-
ницы! Я полагаю (даю)
тебѣ ягодъ.

84) Килезэ пыхса сѳрегэнь—наблюдающій за прося-
щимъ милостыни.

85) Валясья бараган—распредѣлитель.

86) Сьитьмэнне сьиттеръ—недостающее воспол-
ни.—

87) Ажа казар—снисходительно прости. Амынь.

„Особеннаго вниманія, говоритъ по этому поводу
Н. И. Золотницкій, заслуживаетъ то, что всего только
12-ти словъ не достаетъ до священнаго числа 99 ⁽²⁾,
а по всей вѣроятности, это—то число и было при мо-
леньяхъ. Очевидно также, что воззванія, забывавшія-
ся совершителями обряда, замѣнялись названіями мѣст-
ныхъ предметовъ боготворенія (киреметей, йириховъ,
духовъ), или фразами изъ молитвословій. Очевидно и

(1) См. Чувашскія баушки повитухи. Казанскія Губернскія Вѣдомо-
сти. 1874 года № 28; Голось 1873 г. № 324. (Корреспонденція изъ
Чебоксарскаго уѣзда). О жертвѣ киреметямъ отъ женщинъ—чувашекъ съ
просьбою родить дѣтей легко. (См. Современ. Извѣстія 1873 г. № 342).

(2) Семь и девять по повѣрьюмъ восточныхъ народовъ. VI приложе-
ніе къ Словарю Н. Ив. Золотницкаго. Казань. 1875 г.

то, что нѣкогда группы: состояли изъ воззваній, относящихся къ одному предмету, но впоследствии перепутывались, напр. къ группѣ II *сорт сорадаган (ктэнь)* Тора не относились *чечек сорадаган* и *чечек ашше—амыже*; если вмѣсто послѣднихъ поставить Вишевскія (сорт) *тивлет* и (сорт) *ырысы*, то группа эта реставрируется. —

Въ Вишевскомъ приходѣ:

Тора.

Пулухси.

Хирлэ сьыр.

Тор' амыш.

Пигамбар.

Сьирь йыш.

Сьирь ашше.

Сьирь амыш.

Сьирь шыв' ктэнь.

Сьирь пу—земляное испареніе; по нему Чуваша отгадываютъ урожаи отъ того что, весной 1876 г. испареніе появилось прежде, чѣмъ сошелъ снѣгъ, случился не урожай. —

Перегеть.

Перегеть амыже.

Мун тора.

Шор туньчи—бѣлый (здѣшній) свѣтъ.

Квак хоппи.

Хвель амыже.

Хвель сьоначи.

Сьиль амыже.

Сьиль сьоначи.

Пыгыт—пыган—видящій отдаленное ⁽¹⁾.

(Въ деревнѣ Толбаевой, Карачевского -прихода, пыгыр пыган)

---

(1) Слово пыгыт понимается отъ арабскаго слова *بعيل* багидь дальный, отдаленный.

Твам—¹ыра—могущественный Богъ (1):

Твам сүрадегънь—производящій силу, могущество,
богатство.

Кебе.

Кебе амыже.

Сьорт ктэнь Тора. Служители его:

Пүлүхси.

Ама.

Твасси—дѣлающій (помощь).

Тохтаси—удерживающій.

Рзя (арабск. рызк, разикъ, раззак)—Податель жиз-
ненныхъ потребностей.—

Тивлетъ—милость, богатство.

Нигизъ—основаніе.

Сыхчи—хранитель.

Мол сьорадаган или тваган Тора—дарующій бо-
гатство (деньги).

Служители ему тѣже самыя, какіе перечислены
выше для сьорт ктэнь Тора.

Тыр'—бол сьорадаган Тора—дающій изобиліе
хлѣба.

Служители ему тѣже, съ добавленіемъ:

Ой переgetь.

Переgetь амыже.

Уй рзя—производящій плодъ поля.

Уй сыхчи—стражъ поля.

Выльых—чирлих сьорадаган Тора—производи-
тель домашняго скота. Служители—вышеуказанные.

Чильберъ тытса сүрень ыра—правлящій (за по-
водъ ведущій).

Карда ктүсь—пастухъ карды.

Ывыл—хирь сьорадаган Тора—производящій дѣ-
тей (сыновей и дочерей). Служители ему вышеуказанные.

Хорь сьорадаган Тора—дающій силу. Служители
ему, кромѣ значащихся у сьорт ктэнь Тора:

(1) Персид. слово *توان* *таванъ* мочь; могущественный; *توانکر* бога-
тѣй, имѣющій большое состояніе. См. Словарь Будагова, стр. 383.

- Пылак: параган—дающій сладость.
 Андаран—ниспосылающій.
 Перегеть.
 Хорт сьорадаган Тора—дающій пчель. Служители
 ему—въ 1-й гуппѣ (стр. 84).
 Амá пўрень—дарующій матку (пчеламъ).
 Хумгаси—производящій движенія (у пчелъ).
 Тўр килли.
 Чар пўрень.
 Хай пўрень.
 Юларан паларан?
 Юлаш обышка ⁽¹⁾. Въ деревнѣ Толбаевой: йолаш
 йолан—мужъ или старикъ освобождающій ⁽²⁾.
 Киремети: асла ыра.
 Асл амыже.
 Хаяр—злой, сердитый.
 Кардалуй—мѣстность киремети.
 Ксинь киреметь—малая киреметь.
 Тнерь ыра—духъ хранитель рода или семьи ⁽³⁾.
 Урас пухты (Уразбахты)—счастье взглянуло ⁽⁴⁾.
 Хирлэ сыыр киреметь амыже.
 Омыньчэ сўрэнъ—предстоящій.
 Иньгеги.
 Сьынгерь.
 Идем перегечь.
 Авын сыхчи—хранитель овина.
 Сбда видерень—помогающій продажѣ.
 Сьол иньгеги—несчастье въ дорогѣ.
 Сьол сынгерь.

⁽¹⁾ Въ Кошкинскомъ приходѣ Чебоксарскаго уѣзда при чуклянѣ новаго хлѣба упоминаютъ Йолаш-амыш. См. Нѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ Свящ. В. Я. Смѣлова. Извѣстія по Казанской Епархіи. 1880 г. № 20, стр. 330.

⁽²⁾ Принимаемъ слово Юлашъ за происходящее отъ татар. юлушъ *يولوش* выкупъ, юлушмакъ *يولوشماق* освобождать.

⁽³⁾ *تبار* тбарь персидское слово: родство кровное, семья, родъ.

⁽⁴⁾ Названія селеній Казанскаго края... XVII приложение къ Словарю г. Золотницкаго, стр. 248.

Сьол хаяре.

Сьол сўренъ ыра—добрый спутникъ.

Малем хузя. Нѣкогда бывшій купецъ Лаишевскаго или Тетюшскаго уѣзда.

Хузанда ырдан—почивающій въ Казани.

Свѣэрэ ырдан—почивающій въ Свѣяжскѣ.

Сумбура ырдан—(Сумбу или Сумка—рѣчка, вытекающая изъ Раиской пустыни), находящійся при р. Сумкѣ ⁽¹⁾.

Клетьэрэ ырдан.

Миньгыш ту. Миньгыш—чувапское названіе деревни Осинкиной, карачевскаго прихода, расположенной на берегу оврага: миньгыш вар.

Шобашкарда ырдан.

Пуръ киле умыньчэ сўренъ—ходящій предъ каждымъ дворомъ.

Валясья—раздѣляющій.

Омра опран—сохраняющій жизнь—(умерь, араб. ^{روح} жизнь).

Кебе киреметь амыш.

Кебе киреметь.

Въ деревнѣ Чешламѣ, Аттиковскаго прихода, гдѣ до сихъ поръ проживаетъ нѣсколько семействъ некрещенныхъ Чувашъ, во время сра чуклени поминаются нижеслѣдующіе духи ⁽²⁾:

Тора—Богъ.

Пулухсь—Архангелъ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Здѣсь разумѣются Св. мощи Святителей Гурія и Варсонофія Казанскихъ, Германа Свѣяжскаго и Чудотворная Раиская икона Грузинской Божіей Матери.

⁽²⁾ Списокъ этихъ духовъ написалъ для меня, по моей просьбѣ, мѣстный житель, Михаилъ Ивановичъ Орловъ съ объясненіями, которыя приводятся здѣсь мною безъ измѣненій.

⁽³⁾ Михаилъ Ив. Орловъ, сообщившій мнѣ списокъ духовъ, по собственному его желанію, 13 лѣтнимъ некрещенымъ мальчикомъ, былъ взятъ Архіепископомъ Филаретомъ въ Спасскій монастырь въ г. Казани, гдѣ крестился, выучился иконописи, чѣмъ между прочимъ и сейчасъ занимается, и служилъ Волостнымъ Писаремъ. Онъ встрѣтился съ Прео-

- Тор—амыже—Божія Матерь.
 Пигамбар—Пророкъ.
 Хирле сьыр—Св. Николай.
 Сьирь йыш—Хозяинъ земли.
 Сьирь ашше—Отець земли.
 Сьирь амыже—Мать земли.
 Сьирь шыв' кудегень—Пастырь или распорядитель земли и воды.
 Тувасси—Дѣлатель помощи во всѣхъ частяхъ крестьянской работы.
 Тохтасси—Препятствующій въ худыхъ дѣлахъ Чувашь, или остановитель.
 Бывыл хирь сьорадаган Тора—Податель дѣтей.
 Бывыл хирь сьорадаган сыхчи—Хранитель дѣтей.
 Молъ сьорадаганъ Тора—Богъ Податель богатства.
 Мол сыхчи—Сберегатель богатства.
 Мол нигис—Основаніе богатства.
 Тыра бол сьорадаган Тора—Податель хлѣбовъ и всего земнаго блага.
 Тыра бол нигис—Основаніе хлѣбовъ.
 Тыра бол сыхчи—Хранитель хлѣбовъ.
 Виссе тўрле выйлых чирьлих сьорадаган Тора—Богъ Податель трехъ родовъ скота.
 Выйлых чирлихъ нигис—Основаніе скота.
 Выйлых чирлихъ сыхчи—Охранитель скота.
 Тора сьоли—Божія дорога.
 Хаяре—Гнѣвъ.
 Ингеке—Бѣдствіе.
 Сыхчи—Хранитель.
 Квак хоппи—Небо.
 Сьвере вырдаган ыра—Святыня, почивающая въ городѣ Свіяжскѣ.
 Священнымъ Филаретомъ въ селѣ Аттиковѣ, гдѣ Пресвятейшій, обзоръ вая Епархію, отыскивалъ грамотнаго чувашина прочитатъ что нибудь изъ тольکو-что, переведеннаго на чувашскій языкъ Катихизиса, на что вызвался Михаилъ Шв. Орловъ. Въ Катихизисѣ слово Ангель было переведено по чувашски Пулухсь. Такъ это слово переводить Михаилъ Ивановъ Орловъ и теперь.

(1) . . . . .

Хозанда ырмаган ыра—Святыня, почивающая въ городѣ Казани.

Кебе амыже—Царица пчель; обитающая при рѣкѣ Волгѣ между камнями, откуда вытекаетъ медъ; кому желательно вкусить медку, тотъ долженъ предварительно положить деньги.

Сыиль апише—Отець вѣтра.

Сыиль амыже—Мать вѣтра.

Силь хаяре—Гнѣвъ вѣтра.

Силь ингеке—Вѣдствие вѣтра.

Силь сынгере—Устранитель бѣдствій.

Сыиль, сыхчи—Хранитель отъ бѣдствій.

Силь съоначе—Крыло вѣтра.

Хвель апише—Отець солнца.

Хвель амыже—Мать солнца.

Сырь був—земной паръ.

Эрне ватты—Старость недѣли, т. е. проститель-

ница некрещеныхъ Чувашъ въ произведенной ими въ

день пятницы какой либо работѣ.—

Ингекъ суредегень—Водитель бѣдствій.

Чильберъ тыдаган—Повододержатель.

Уй перегечь—Полевая спорынья.

Идѣмъ перегечь—На гумнѣ спорынья.

Кыжыл перегечь—Спорынья вороху.

Кыль перегечь—Спорынья дому.

Сьол ингеке—Дорожное бѣдствие.

Сьол сынгере—Устранитель бѣдствій.

Карда клудегень—Пастухъ скотнаго двора.

Асла ыра—Главная киреметь, которую называютъ

Чуваши великою и доброю, но напротивъ того она

есть для нихъ самая злѣйшая и гнусная карательница

ихъ; мѣсто оной киремети опредѣлено ими около больш-

шой дороги, пониже деревни Казаковой.

Сумбурды—Озеро, находящееся около бывшей

Кузметевской станціи Казанскаго уѣзда.

Ержерды ыра—Мартыновская киреметь (1).

(1) Мартынова деревня Аттиковского брихода, по чувашски называется Ержеръ. Вблизи нея находится древнее кладбище некрещеныхъ чувашъ, съ надмогильными камнями съ татарскими надписями.

Йопсарды—Казаковская киреметь ⁽¹⁾.

¹ Шолдрары, что въ крупномъ лѣсу около большой дороги (Казанско-Нижегородской), киреметь.

Моргарды бось Уразметевская (Болгарская) голова ⁽²⁾.

Пыгыт пыган—Частный смотритель за моленіемъ Чувашь.

Хай порень. } Неизвѣстныя

Чар порень. } киремети ⁽³⁾.

Хирт съорт—Кикимора, или домовая.

Тур килли } служители

Йырых } киреметные.

Валяся барагань—Дѣлитель жертвы.

Ситьменине сидерегень—Доставитель, если кому не было приносимо, жертвы.

Порь киле омынче сѳрегень—Служитель предъ всеми домами.

Йоларан — Паларан — Собиратели оставшейся жертвы.

Йырыс или Рыс тыдан.—Непостоянное счастье, т. е. переходящее отъ одного къ другому язычнику ⁽⁴⁾.

Въ деревнѣ Чешламъ упоминаются еще, во время сра чуклени, киремети:

1) Лошкотри — близъ деревни Рѣшетниковой (Ватнэр).

2) Ишплат—близъ деревни Верхняго Выселка, въ Бѣловолжскомъ приходѣ.—

Во время сра чуклени между прочимъ упоминается въ Янцибуловскомъ приходѣ Эль кѳлли—озеро Эль, находящееся въ Батеевскомъ приходѣ ⁽⁵⁾, считающееся,

⁽¹⁾ Чувашское названіе Казаковой деревни—*Йопсарь*.

⁽²⁾ См. Словарь П. Ив. Золотницкаго, стр. 248.

⁽³⁾ См. выше стр. 64.

⁽⁴⁾ Слово Рыс принимаемъ за персидское ریزъ разъ тайна, отсюда рызь тыдань—хранитель тайны.

⁽⁵⁾ См. село Бѣловолжское (корреспонденція) Казанскія Губернскія Вѣдомости 1874 г. № 68.

вопреки вѣрованіямъ Масловскихъ Чувашь, источни-
комъ дождей во время засухъ. !

Въ Байтеріяковскомъ приходѣ, Тетюшскаго уѣзда, сра чѹге, подѣ названіемъ ред—(русское—рядъ), т. е. питье пива по порядку, по роднымъ, по словамъ г. Доброхотова, совершается въ среду на страстной недѣлѣ, и бываетъ такъ. Изъ кореннаго дома, въ которомъ жилъ ихъ дѣдъ, или изъ котораго они всѣ, родственники, отдѣлились, посылается ктонибудь звать по порядку. Какъ только всѣ родные соберутся въ назначенный домъ, хозяинъ прежде всего изъ погреба въ ведрѣ, или въ жбанѣ, приноситъ пиво; потомъ каждому полагается по одной чашкѣ пива, и хозяинъ тотчасъ, взявъ въ подмышку свою шапку, открываетъ дверь и начинается „сра чѹге“. Въ это время всѣ, оборотившись къ отворенной двери, держа въ рукахъ свои чашки съ пивомъ, произносятъ слова:

1-й говоритъ „Торра пѹлехсе“;

2-й говоритъ „Херле-сира“;

3-й говоритъ „Чон сюрадаган Торра“;

4-й говоритъ „Сют-тюнтене“;

5-й говоритъ „Хвель ашшене“;

6-й говоритъ „Хвель амышне“;

7-й говоритъ „Квак хуппине“;

8-й говоритъ „Пигамбара“;

9-й говоритъ „Хурбана (1)“;

10-й говоритъ „Перекетэ, перекет ашшене, перекет амышне“;

11-й говоритъ „Сют куль аминѣ“ (матери свѣтлаго озеры);

12-й говоритъ „Силь ашшене, силь амышне“;

13-й говоритъ „Силь синкерне, силь тытхане“;

14-й говоритъ „Сирь ашшене, сирь амышне, сирь пуце (туловищу земли), сирь сехметне“ (2). Окончивъ сіи слова, каждый заключаетъ словами: „Аминь сирлах“.

(1) Хурбанъ Богъ жертвы.

(2) Сехметъ—вѣроятно отъ арабск. зехметъ **زحمت** трудъ, забота;

болѣ, вредъ.

Молитва при этомъ произносимая на русскомъ языкѣ, означаетъ слѣдующую мысль: „Хвала Богу, хранителю здоровья, дающему жизнь и избавляющему отъ злыхъ демоновъ. Хвала карающему Богу, живущему въ оврагахъ и пропастяхъ земныхъ. Хвала Богу, сотворшему душу человѣка. Хвала Богу, сотворшему, по благодати своей, хлѣбъ и прочія земныя растенія. Хвала свѣтлomu миру. Хвала отцу и матери солнца. Хвала отвергающимъ небесамъ. Хвала пророку. Хвала Курбану⁽¹⁾. Хвала неисчерпаемой щедрости, отцу и матери ея. Хвала отцу и матери свѣтлаго озера. Хвала отцу и матери вѣтра, его заразамъ, переносящимся вслѣдствіе вихря отъ разныхъ странъ. Хвала отцу и матери земли, ея испареніямъ, производящимъ всякія опасныя заразы“. По окончаніи сей церемоніи всѣ, оборотыяся лицомъ къ переднему углу, гдѣ иконы, молятся Богу, и пьютъ пиво, чѣмъ и оканчивается сра чуге. Немного посидѣвъ тутъ, отправляются ко всѣмъ прочимъ. И тамъ тоже самое бываетъ“.

„Сына-тыры-чуклямы“ (сынъ тыра чуклэмэ—моленье новаго хлѣба) совершаютъ съ своеобразными особенностями и Чуваши Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи⁽²⁾.

Хорт чуге (хорт тавраш) моленіе о пчелахъ.

Вслѣдъ за окончаніемъ сра чуکلени, въ деревнѣ Масловой въ тотъ же вечеръ пчеловодами совершается обрядъ въ честь пчелиныхъ дѣуховъ—Хорт чуге (по Ядрински-Хорт тавраш), начинающійся съ привѣтствія домохозяина:

(¹) Это имя заимствовано отъ татаръ—магометанъ, у которыхъ, какъ мнѣ известно, Курбанъ есть праздникъ подъ именемъ «Курбанъ—Бейрамъ», празднуемый ими, какъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ муллъ, за здоровье всѣхъ членовъ семьи магометанина. При этомъ они всегда приносятъ въ жертву Богу овецъ; а шкура отъ нихъ отдается муллѣ.—

(²) Зап. Оренбург. Отдѣла Географ. Общ. Вып. III стр. 246—248

Олта оралла хортжын
пыл сра'тұрым, хуна вирь-
ле посьтардым, куружза-
нэ посьтардым, ял йыжа
посьтардым, тутла пыл
сыры пичькинэ посьларым,
азнатпыр торразанэ.

Для шестиногихъ пчель
сладкаго меду сдѣлалъ,
гостей созвалъ, сосѣдей
созвалъ, деревенское об-
щество созвалъ, бочку съ
пивомъ, подслащеннымъ
медомъ, почалъ; помянемъ
боговъ.

Пчелиные боги:

- 1) Чигес торры—богъ ласточекъ.
- 2) Тухран торры,—богъ дятловъ.
- 3) Вильдрэнь каяк торры—богъ птицы крапивника.
- 4) Шипчик торры—богъ соловьевъ и т. д.

Пчелиные духи, по словамъ А. Егорова, какъ и
въ сра чуклени, перечисляются по группамъ, изъ коихъ
въ каждой полагается ихъ также по 9-ти; но полного
списка ихъ собрать не удалось. Молитва имъ въ Ма-
словой читается такая:

Сяк хозяна исьмешкэн,
сймешкэн тутла пыла,
юсьне срыне перегеть бар!
Ялым йыжимбэ, кўршем-
бэ, хуна вирьлезембэ перь
посьран пинь позе сит-
мэлихнэ бар! Перь визэ
чечекре, перь визэ мар-
дара выллере болдыр!
Выссе килегенне турант-
са ямалых полдыр! Пере-
гетнэ барыр! Сырлага бар-
ыр! Аминь.

Этому хозяину напи-
ваться, наѣдаться слад-
кимъ медомъ, крѣпкимъ
пивомъ благодать дай!
Всему деревенскому обще-
ству, сосѣдямъ, гостямъ—
тысячѣ человѣкамъ отъ
одного насыщеніе дай!
Одинъ конецъ (пчель)
пусть будетъ на цвѣткахъ,
другой конецъ роємъ (пусть
будетъ)—на ульяхъ! (Дай
господи), чтобы доставало
напитать голоднаго стран-
ника! Благодать дайте
(боги)! Помилуйте! Аминь.

По прочтеніи молитвы тотчасъ всѣ кладутъ зем-
ной поклонъ. Во время чтенія этой молитвы, какъ и
во время чтенія молитвы сра чуклени, молящіеся и самъ

произносящій молитву обращаются лицомъ къ двери. Въ деревнѣ Картлуй (Аманикъ) Карачевскаго прихода, обрядъ пчелинымъ духамъ совершается два раза въ году: во время улаза пчель (т. е. во время выниманія меда) и осенью, въ день сра чуклени; причеиъ въ честь этихъ духовъ, кромѣ пива съ медомъ, ничего особеннаго не готовится. —

Въ Шумшевашскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда, по словамъ Гр. Филиппова, для совершенія Хорт тавраш печется 40 йосмановъ и варится 38 кашъ. Каша, впрочемъ, варится только въ двухъ котлахъ — добрымъ богамъ и киреметямъ, но считается за 38 кашъ по числу вычерпываемыхъ изъ котловъ ложекъ въ честь упоминаемыхъ притомъ духовъ. Первая ложка каши предназначается:

1) Мун Торра — большому Богу, вторая и другія нижеслѣдующимъ:

2) Мун Тор омыпче тураганнэ — предстоящему предъ великимъ Богомъ.

3) Мун Тор алыкнэ озяганнэ — привратнику (отворяющему двери) великаго Бога.

4) Мун тор алыкнэ хобаганнэ — привратнику (затворяющему двери) великаго бога.

5) Тор амыпнэ — матери Бога.

6) Тор амыпнэ омыньчэ тураганнэ — предстоящему предъ матерью Бога.

7) Тор амыпнэ алыкнэ озяганнэ — привратнику (отворяющему двери) матери Бога.

8) Тор амыпнэ алыкнэ хобаганнэ — привратнику (затворяющему двери) матери Бога.

Остальныя ложки каши всѣмъ киреметямъ, которыя, къ сожалѣнiю, не перечислены.

Этотъ рассказъ, записанный г. Филипповымъ со словъ одного чувашина во многомъ не согласенъ съ рассказомъ его родной матери, упоминавшей въ числѣ духовъ — Хурбана, не встрѣчающагося въ приведенныхъ мною спискахъ, за исключенiемъ Тетюшкаго. Слово Хурбан — значитъ лець и жертва. Кажется, что

Хурбанъ-лещь превратился у Чувашъ въ особаго духа потому, что самъ приносился въ жертву духамъ. У старокрещеныхъ татаръ, Мамадышскаго уѣзда, лѣтомъ совершается балыкъ курманы—жертвоприношеніе рыбы, для чего покупается нельма (акъ балыкъ) по числу жителей извѣстной деревни, чередующееся погодно съ Сарыкъ Курманы (жертвоприношеніе овцы) (¹).

Инэ ырры чукъ (²)

Инэ ырры чукъ—моленье о благополучіи отелившейся коровы. Оно совершается какъ въ Чебоксарскомъ, такъ и въ Ядринскомъ уѣздѣ, недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ корова отелится, пока не накопится извѣстное количество приготавлиаемаго особымъ способомъ молока (ырры). До совершенія чука купать молоко нельзя. Ко дню „Инэ ырры чукъ“ въ деревнѣ Масловой варится корчага лива, а въ самый день обряда пекутся блины и приглашаются сосѣди. Накупавшись, послѣ обряда, молока и блиновъ, совершители обряда кормятъ блинами же и молокомъ корову и теленка а затѣмъ начинаютъ обливаться водой, приговаривая:

Сўтьлэ сўлла болдыр!
Кашнай сьол тына тудыр!
Тор' анбрах—тыр! Ись-
мэ—сіймэ перегеть па-
дыр!

Молочно и масляно да
будеть! Въ каждый годъ
телка да родится! Богъ
да не оставитъ! Пить и
ѣсть изобиліе да дастъ!

Если въ день этаго чука изъ постороннихъ въ домъ никто не придетъ,—считается несчастіемъ. Въ

(¹) Религиозно-нравственное состояніе крещеныхъ татаръ Казанской губерніи Мамадышскаго уѣзда. М. Машанова. Казань. 1875 г. стр. 23.

(²) Инэ ырры, или инэри, есть коровье молоко, полученное изъ первыхъ удоевъ отелившейся коровы. Такого молока накапываютъ не менѣе ведра, потомъ варятъ это молоко, причемъ оно сдѣляется густымъ. Когда будутъ приглашены сосѣди, хозяинъ дома беретъ отъ этого молока 4 ложки и бросаетъ по всѣмъ 4 угламъ избы, а въ иныхъ мѣстахъ еще и на печку въ честь хирть-сорта.

деревнѣ Кудемерѣ Бичуринскаго прихода, ложка инѣ
ырры кидается на печку Хирт сорту.

Русскіе, въ Бѣловолжскомъ приходѣ, начинаютъ
ѣсть молоко новотелой коровы послѣ 6-ти удоевъ, т. е.
черезъ трое сутокъ; еслижъ корова съѣла „мѣсто“,—
то послѣ 12-ти удоевъ, и притомъ въ обоихъ случаяхъ
не прежде, какъ корова будетъ окурена.

Передъ окуриваніемъ корову предварительно обмы-
ваютъ дочиста и спрыскиваютъ водой. Самое же
окуриваніе производится такъ: въ черепокъ или худой
железный ковшъ кладутъ горячіе уголья, посыпаютъ
ихъ богородской травой (*Thymus Serpyllum*) (1) и за-
тѣмъ одна изъ двухъ женщинъ обходитъ съ куревомъ
до трехъ разъ вокругъ коровы. Послѣ этаго обѣ жен-
щины, вставъ по бокамъ коровы, одна напротивъ
другой, начинаютъ другъ другу передавать курево изъ
подъ брюха коровы, причемъ главная курильщица,
каждый разъ спрашиваетъ свою помощницу: „Кума,
чего куришь?“ „Уроки!“ „Кури, гораздо“... Женщины
при этомъ и сами должны быть чистыя.

Кстати: въ Бѣловолжскомъ приходѣ, передъ уво-
домъ со двора купленной коровы, продавецъ коровы,
обязанъ дать бечевку, хотябы привязъ на рогахъ у
коровы и была, и балакирь (кринку), а покупатель—ко-
пѣйку, двѣ, или три денегъ, въ счетъ платы; это
называется-золотить рога. Балакирь дается, если ко-
рова не дойная, въ противномъ случаѣ дается какое
нибудь количество молока или масла. Если корова во
время вывода ея со двора, испразднится,—то пометъ
продавецъ и покупщикъ должны лопатой раздѣлить
пополамъ и бросить каждый свою долю на свою сто-
рону, чтобы не переводилось племя.

(1) О народныхъ лекарственныхъ растеніяхъ, употребляемыхъ въ
Пермской губерніи. Порфирія Крылова. Труды Казанскаго Общ. Естество-
испытателей. Казань. 1874 г. Томъ V. выпускъ II. стр. 28.

Соргоры. Соргоры (сорыг—оры—овечья нога) — дѣтскій праздни-

Соргоры (сорыг—оры—овечья нога) — дѣтскій праздни-
 кникъ, если не ошибаюсь, совершаемый въ благодар-
 ность Богу за урожай хлѣба и приплодъ скота и для
 испрошенія тѣхъ же благъ въ будущемъ году. Сорг-
 оры празднуется одновременно, но не повсемѣстно. Въ
 Ядринскомъ, напр. уѣздѣ во всѣхъ приходяхъ совер-
 шается въ 3-ю пятницу послѣ Николаина дня; прихо-
 дящаяся иногда передъ праздникомъ Рождества Хри-
 стова, иногда на Рождествѣ; въ Чебоксарскомъ же
 уѣздѣ соргоры исполняется только въ ближайшихъ
 къ городу приходяхъ, въ другихъ же, въ 2-мѣстѣ, онъ
 извѣстенъ, какъ праздникъ черемисскій⁽¹⁾. Въ Малѣ
 Шатминскомъ приходѣ, по сообщенію г. Филиппова, сор-
 горы празднуется такъ. Вечеромъ, какъ только смерк-
 нется, взрослые парни и мальчики, собравшись со всей
 деревни, начинаютъ обходить деревню подворно, крича:

Мэ-э-э! сорыхсам пудек
 тучер; хирьзэм хизир бол-
 чэр, арымзам ача тучер!

Ме-е-е! Овцы ягнитесь,
 дѣвүшки будьте дѣвствен-
 ны, женщины родите дѣ-
 тей!

Толпа дѣтей и взрослыхъ, въ каждомъ домѣ; ко-
 торый она посѣщаетъ, надѣляется крупой, масломъ,
 солью или горохомъ; три горсти гороха, сверхъ того,
 кидается на драку, къ потолку съ словами:

Пурзя сягын сүлме бол-
 дыр! Перь пурчак—ран
 пинь пурчи болдыр!

Горохъ, такой вышины
 будь! Отъ одной гороши-
 ны да будетъ тысяча го-
 рошинъ!

Обошедши всю деревню; толпа заходитъ къ кому-
 либо въ домъ, и изъ собранныхъ продуктовъ начинается

(1) Справочный листокъ г. Казани за 1867 г. № 47. Сравн. Со-
 временные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чу-
 вашъ. Свящ. Н. Каменскаго. Казань. 1879 г. Стр. 219. вѣровавіи ки атрә
 7

варить гороховую кашу (пурзя путты). Послѣ того, какъ каша сварится, въ избранный толпой домъ приходятъ старики и, сдѣлавши молитву надъ кашей, благословляютъ (пурзя путты купать. Наѣвшись,) толпа беретъ въ руки, по сырому пруту, выходитъ въ поле, на разстояніи не менѣе версты отъ деревни, и тамъ, воткнувъ прутья въ снѣгъ, дѣлаютъ имъ по три поклона. Потомъ всѣ вышлише по полю, прилягутъ къ землѣ т. е. на снѣгъ и прислушиваются. Если они услышатъ бляеніе овецъ, или мычаніе коровъ; то это — заключаютъ — къ счастью; если же послышится лай собакъ; — это къ несчастью. Послѣ этого всѣ возвращаются домой. На слѣдующій день отправляются туда же осведомиться, не нагадили ли около прутьевъ собаки; если да — къ несчастью; если нѣтъ — къ счастью.

Въ Акулевскомъ приходѣ Чебоксарскаго уѣзда для празднованія соргоры муки и солода добываются складчиной парней и дѣвушекъ, желающихъ участвовать въ празднествѣ. Изъ солода, наканунѣ Рождества Христова, варится складчиками пиво, а изъ муки пекутся «коlobки» (йива) (1). Все это заготавливается или въ особо-выбранномъ домѣ, или въ жарко натопленной банѣ. Предварительно обхода деревенскихъ домовъ, участники складчины собираются въ условленное мѣсто, и въ немъ выпиваютъ по одному лишь ковшу пива, изъ осторожности, чтобы не спьяниться. Во время обхода домовъ, участники складчины пляшутъ въ домахъ, а послѣ пляски высказываютъ домохозяевамъ разныя благожеланія, — желаютъ, обилія скота, хлѣба, и всякаго благополучія. Устроители праздника, награжденные коlobками, горохомъ, орѣхами, идутъ далѣе приглашать къ себѣ въ избранное мѣсто старыхъ и старухъ. Одна изъ нихъ по обходу деревни устроителями праздника, должна открыть праздникъ

(1) Для коlobковъ расучивается тѣсто листами, листы разрѣзываются предварятельно на четырехгранные ремешки, а эти въ свою очередь на кубики, которые за тѣмъ округляются руками и сажаются въ печь. У некоторыхъ испекшіеся коlobки обливаются масломъ или медомъ.

въ избранномъ мѣстѣ пляской. Постѣ этого складчики начинаютъ угощаться и угощаются до тѣхъ поръ, пока не уничтожится все, приготовленное для праздника.

У Черемисъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ этотъ праздникъ называется шорыхъ йол (угорныхъ Черемисъ шарык ель) и устраивается (въ Красноярскомъ приходѣ) исключительно молодыми женицами и дѣвушками въ домахъ, гдѣ много дѣвиць. Для праздника собирается, какъ и у Чуваши, въ Акулевскомъ приходѣ, хмѣль, и даже деньги—на покупку вина. Приходящіе на праздникъ мужчины и парни получаютъ право на угощеніе не прежде, какъ заплативъ копѣйку. Праздникъ или пьянство продолжается дня три. По окончаніи праздника, участники его выходятъ за деревню гадать объ урожаѣ.

Черемисы Яранскаго уѣзда справляютъ Шорокъ іель наканунѣ новаго года⁽¹⁾. Едва—ли не этотъ—же обрядъ описанъ подъ названіемъ—изгнаніе шайтана неизвѣстнымъ корреспондентомъ Русскихъ Вѣдомостей изъ Красно-Уфимскаго уѣзда⁽²⁾. Горные Черемисы празднуютъ шарык ель, какъ и Ядринскіе Чуваши, въ пятницу передъ Рождествомъ или послѣ, смотря потому, въ какой день будетъ Рождество⁽³⁾.

Русскіе въ деревнѣ Карцевомъ—Починкѣ, Бѣловолжскаго прихода, наканунѣ новаго года всѣ купанья: холодное, варено, жареное и пироги—готовятъ изъ однихъ свиныхъ ножекъ, нарочно сберегаемыхъ къ этому дню отъ убиваемыхъ къ святкамъ свиней; дѣлается это для того, чтобы водились свиньи и чтобы у нихъ весной, когда только—что будетъ появляться травка, не болѣли ноги.

(1) Черемисы Яранскаго уѣзда. Русскіе Вѣдомости 1872 г. № 144. Сравни. Очерки изъ быта Черемисъ. С. К. Кузнецова. Древняя и Новая Россія. 1879 г. № 5.

(2) Русскія Вѣдомости 1872 г. № 32.

(3) Бесѣды къ черемисамъ кузнецовскаго прихода, кузнецовскаго школьнаго учителя Ивана Яковлева Молярова. Извѣстія по Казанской Епархіи 1873 г. №№ 7, 8 и 9. Стр. 275—277.

Шойтан эрни.

Шойтан эрни—чертова недѣля. Это время соотвѣтствуетъ русскимъ святкамъ. Въ приходяхъ селъ: Карачева, Вишева Байгулова и Яльчикъ, Чебоксарскаго уѣзда, чувашскіе мальчики устраиваютъ въ это время, въ дѣмъ нибудь домъ, чучелу, одѣтую въ женскую рубаху съ льняной бородой; вокругъ чучелы они скачутъ и пляшутъ, вымазавъ себѣ лице сажей. Наканунѣ Крещенія эта чучела уносится дѣтьми въ оврагъ, гдѣ и разрывается, а въ самое Крещеніе послѣ водосвятія, строители ея моются освященной водой⁽¹⁾.

Старокрещенные Татары Чистопольскаго уѣзда проводятъ святки какъ и Русскіе⁽²⁾.

Русскіе въ Карцевомъ Починкѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Крещенскій сочельникъ, и старъ и малъ, выходили на улицу съ палками и, собравшись на одинъ конецъ деревни, съ гамомъ отправлялись на другой, гдѣ палки кидали за околицу въ догунку за убѣгавшими чертями. Когда объ этомъ теперь напомнятъ карцевскимъ жителямъ, они сердятся.

Въ другихъ деревняхъ Вѣловолжскаго прихода Русскіе вѣрятъ, что въ Крещеніе, какъ только погружать крестъ въ воду, „Духъ святъ сойдетъ на землю, а нечистая сила—провалится свозъ землю“. Чтобы нечистая сила не забралась въ жилища, съ вечера предъ Крещеніемъ на всѣхъ дверяхъ и окнахъ (или на косякахъ дверей и оконъ) мѣломъ или углемъ дѣлаютъ кресты; передъ заутреней наложивъ въ ладолицу (глиняный, въ видѣ кадила, горшокъ съ стоячимъ крестомъ на крышкѣ—необходимая у многихъ принадлежность божницъ)—горячихъ углей и ладону, отправляются на скотный дворъ кропить послѣдній

(¹) Сравни. Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ. Свящ. Нокифора Каменскаго. Казань. 1879 г. Стр. 22.

(²) Святочныя игры у крещеныхъ татаръ Казанской губерніи Мухаммада Апакова. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1877 г. № 17, 20.

соломеннымъ пучкомъ принесенной отъ вечерни святой водой. Кроме того, въ Карцевомъ Починкѣ въ Крещенскій сочельникъ некутъ изъ тѣста фигуры коровъ, овецъ, лошадей, свиней и, обливъ ихъ святой водой, отдаютъ на съѣденіе тѣмъ животнымъ, которыхъ изображаетъ фигура.

Съув' арни (1).

Съув' арни—масляница. Она начинается у Чувашъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ съ четверга русской масляницы и ничѣмъ особеннымъ отъ послѣдней не отличается. По словамъ А. Егорова, у Чувашъ въ деревнѣ Маслово русской масляницѣ предшествуетъ авалги съув' арни гоне (старинный масляничный день), начинающійся съ четверга передъ русской масляницей.

Въ этотъ день рано утромъ, пока еще не пробудилась ни одна птица, и старый и малый собираются съ салазками куда нибудь на гору, которую и начинаютъ укатывать; причѣмъ, катясь съ горы, сыплотъ по ней изъ правой руки конопляное сѣмя, приговаривая: кандыр вурум болдыр! конопель пусть будетъ высокъ! Иные въ этотъ разъ скатываются съ горы не менѣе трехъ разъ, другіе же катаются до утра; причѣмъ, обгоняя другъ друга, кричатъ: лобыр вон! или чигендеръ, периндеръ туратса дартъ—катись! натыкай! ся и стой—садись! Созываетъ на гору обыкновенно тотъ, кто ранѣе вѣхъ вегаветъ (2). Онъ обязанъ, идя по улинѣ, прокричать: адир ту шума!—Идите гору укатывать. Кто придетъ на гору позднѣе, вѣхъ, того обзываютъ въ насмѣнку: съув' арни карчыге, т. е. масляничной старухой. Съуварни карчыге килех! масляничная старуха иди-ка! и продолжаютъ, обзывать такъ

(1) По замѣчанію чувашъ масляница всегда бываетъ во время дождя, чему она придаютъ особенную важность и загадочность.

(2) Сравни. Современные остатки языческихъ обрядовъ и религиозныхъ вѣрованій у Чувашъ. Свящ. Пикифора Каменскаго. Казань. 1879 г. Стр. 22, 23.

цѣлый годъ. Съ этаго четверга до слѣдующаго нельзя топить баню, въ предупрежденіе того,

во 1) Серзи кандыр сяпмандан;	Чтобы воробьи не вре- дили конопля;
во 2) Коцуста зинэ хорт ѣкмень-дэнь.	Чтобы на капусту чер- ви не напали.

Черезъ 7 недѣль отъ авалги съуварни гоне, по словамъ А. Егорова, точно такъ же въ четвергъ, наступастъ -- вильны сын хывма (подаяніе) — поминовеіе умершихъ — а еще черезъ 7 недѣль — Семикъ.

Въ Мало — Шатминскомъ приходѣ Ядринскаго уѣзда, по сообщенію г. Филипова, молодые парни недѣли за двѣ до масляницы готовятъ фигуру изъ соломы, въ видѣ человѣка; эту фигуру въ субботу, наканунѣ мясопустнаго Воскресенія, поздно вечеромъ, предъ тѣмъ, какъ возвращаться съ катанья домой, ставятъ на горѣ и дѣлаютъ фигурѣ по три поклона. Фигуры эти называются съуварни карчиге. На другой день всѣ, послѣ поставки фигуры, на зарѣ и мужчины и женщины отправляются на горку прокатиться хотя по одному разу, при чемъ надъ опоздавшими смѣются, говоря: съуварни карчиге! Предъ катаніемъ ставившіе фигуру осматриваютъ ее, съ цѣлью узнать, не нагадила ли около нее собака, что считается предвѣщаніемъ несчастія.

Въ Богатыревскомъ приходѣ (Шаттыр — яль), Ядринскаго уѣзда Чуваши — дѣти и взрослые въ теченіе всей масляничной недѣли, распѣваютъ, катясь съ горы:

Сю-арни, сю арни!	Масляница, масляница!
Сю-арни ситьрэ, сю ситьрэ,	Масляница наступила, масло пришло,
Картла, картла пажалу,	Писанная, писанная ле- пешка,
Вонн-иккъ тѣжекъ, перь сьдар!	Двѣнадцать перинъ, од- на подушка!
Хорын турры хомга - нать.	Вершина березы ка- чается,

Сорбай сарры сармила. Желтый сарпанъ ска-
Чигеньдеръ, перинь-тертью развѣвается. диг-
дерь! Катя, вали! амотон

Турат, ларт! Останови, посади!

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ послѣ Рождества соло-
менные чучелы, на подобіе челоуѣка, въ многихъ де-
ревняхъ ставятся на крышахъ сараевъ. Разъ въ
деревнѣ Большой Аккозиной (Тоба Смель) я спросилъ
одного чувашина о цѣли этихъ чучелъ, и онъ мнѣ

отвѣтилъ, что онѣ ставятся для острастки волковъ.
Черемисы — горные и луговые — начинаютъ ма-
сляницу съ Воскресенья сырной недѣли и оканчи-
ваютъ въ прощенное Воскресеніе, съвзжаясь въ Че-
боксарскомъ уѣздѣ для катанья каждый день по оче-
редно въ извѣстныя приходскія деревни (1).
Послѣ масляницы Русскіе начинаютъ говѣть, Черемисы же
Чебоксарскаго уѣзда усиленно подвозить подрядный
дѣсь на пристани на рѣкахъ Илети, Большой и Ми-
ной Кокшагахъ, чѣмъ и занимаются до Пасхи (2).

Калымъ конь

Калымъ — конь — языческій праздникъ. Онь совер-
шается, говорится въ словарь Н. И. Золотницкаго (3),
въ среду и субботу страстной недѣли. Считаю нуж-
нымъ замѣтить, говорить В. А. Сбоевъ, что прежде пас-
хальные поминки обыкновенно совершались въ среду на
страстной недѣлѣ (калымъ конь), и что съ ними у Чу-
вашь — язычников соединилось жертвоприношеніе въ
честь Высшаго Бога, а за этимъ жертвоприношеніемъ
слѣдовалъ обрядъ изгнанія шайтана и вообще всехъ
злыхъ духовъ изъ домовъ и деревень. На это соеди-
неніе указываетъ самое слово: Калымъ конь (Конь—

(1) Масляница у горныхъ черемисъ. — С. Михайлова. Казанскія Гу-
бернскія Вѣдомости 1837 г. № 25 и 28. Русскія Вѣдомости 1870 г.
№ 71.

(2) Русскія Вѣдомости 1870 г.

(3) Корневой чувашско-русскій Словарь. Стр. 31.

день, калымъ отъ татарскаго кабынь собственно значить дѣно, деньги, платимыя женихомъ за невѣсту, потомъ воздаяніе, благодареніе).

Но впоследствии, времени Калымъ конъ, среда страстной недѣли, назначена была только для поминовенія усопшихъ, а жертвоприношеніе Высшему Богу и изгнаніе шайтана перенесено на субботу страстной недѣли⁽¹⁾. Къ сожалѣнію выяснить значеніе у Чувашъ калым кон не удалось и мнѣ; приведенное же изъ соч. г. Сбоева считаю неудовлетворительнымъ⁽²⁾.

По словамъ А. Егорова, въ деревнѣ Масловой Калым кон справляется наканунѣ сьордѣ гоне, (день свѣчь т. е. перваго дня христіанской Пасхи. До наступленія Калым кон хлѣбъ считается новымъ, — послѣ же онъ называется уже старымъ. По этому, если до Калым кон кто либо захвораетъ, по объясненію йомзи, отъ того, что больнаго вильны сын тытны — умершій (покойникъ) поймалъ; въ такомъ случаѣ моленье нужно совершить старымъ хлѣбомъ, и если таковаго въ семействѣ больнаго не окажется, тогда старый хлѣбъ берется взаемъ у сосѣдей. & !

Въ Бичуринскомъ приходѣ по словамъ М. Ѳ. Оедорова, въ калымъ кон, т. е. въ среду на страстной недѣлѣ, — ночью Чувашы ходятъ на рѣки, озера и ключи ловить колдуній, которыми считаются злыя старухи и старыя дѣвки. Отправляющіеся на ловлю переодѣваются въ костюмъ покойниковъ и вооружаются кнутами и ружьями. Ловля колдуній въ этотъ день предпринимается потому, что ночью онѣ въ калым кон похищаютъ разныя вещи у тѣхъ, кого ненавидятъ, и скрываютъ покраденное въ перечисленныхъ выше мѣстахъ; а самі, какъ говорятъ, обертываются въ гусей

(1) Исслѣдованія объ инородцахъ. В. А. Сбоева. Стр. 144.

(2) Не лучше ли производить слово Калымъ не отъ калыма, а отъ другаго татарскаго слова — именно отъ *канъ* кровь: канымъ или *калымъ конъ* будетъ значить день моей крови. Самый день — среда, какъ известно, у Чувашъ называется *йомъ-гонъ*, т. е. день крови, или по татарски *канъ конъ*.

или утокъ. Обнаружившій пропажу въ калым кон какой—либо вещи,—особенно бѣлья, кромѣ имущественнаго ущерба, долженъ еще вѣчно страдать разнаго рода болѣзнями. Пришедши на рѣку, или ключъ, Чуваши начинаютъ по нимъ ударять кнутами и стрѣлять изъ ружей для того, чтобы вынудить оборотившихся въ гусей или утокъ колдуній превратиться въ человѣка и сознаться въ похищеніи. Если колдунья окажется знакомой ловящимъ ее, тогда она даритъ ихъ деньгами, чтобы они никому не рассказывали объ ней ⁽¹⁾.

Днемъ въ калымъ кон окуриваются сады, огороды и хмѣльники, чтобы на плоды лѣтомъ не напали черви и другія вредныя насѣкомыя; кромѣ того прибираются до осени веретена, чтобы лѣтомъ меньше было змѣй.

Этотъ послѣдній обрядъ, по словамъ учителя чувашина М. Дмитріева, выполняется въ Абызовскомъ, Норусовскомъ и Альменевскомъ приходахъ Ядринскаго уѣзда. Въ названныхъ приходахъ вмѣстѣ съ веретенами прячутся также: прѣлки,—на томъ основаніи, что игге корзан, сюлень корать, т. е. если въ калым кон увидѣтъ веретено, то змѣя увидитъ (лѣтомъ); помело, съ произношеніемъ: милиге корзан, оба корать—помело увидѣтъ,—метвѣдь увидитъ; токмак корзан, кашкыр корать—колотушку увидѣтъ, волкъ увидитъ. Наканунѣ калым кон открываются у сюпсей (кадка для храненія носильнаго и праздничнаго платья) и сундуковъ крышки и не закрываются въ продолженіи четырехъ дней: сюпсе, арча оссясынъ, тывылъ силъ кильзе сине судѣтъ, т. е. если сюпсе, сундукъ не откроешь, то буря крышу дома развѣтъ. Утромъ въ калымъ конъ наблюдаютъ: если въ домъ придетъ (первымъ)

---

(1) Вотьяки въ Оштормо-Юмьянскомъ приходѣ, Мамадышскаго уѣзда, также вѣрятъ, что ночью въ страстной четвергъ ходятъ колдуны и колдуньи и причиняютъ вредъ людямъ и скотинѣ. Въ отвращеніе несчастій, они въ страстной четвергъ на поротахъ, входной въ избу двери, снаружи на окнахъ и въ избѣ подъ матицею втыкаютъ можжевелевыя вѣтки.—Сравни. Очеркъ изъ быта Черемисъ: Ст. К. Кузнецова. Древняя и новая Россія. 1879 г. № 3. Стр. 42.

мушина, то говорятъ; инэ-зэмь-вукур; подёксем-да тага тумалла полассе—коровы быковъ, а овцы барановъ будутъ носить; если женщина, то—на оборотъ. Если войдетъ человекъ и не сядетъ; то—курицы не будутъ сидѣть на яйцахъ и кудахтать; по этому чакому человекъ; приглашая его съестъ, говорятъ: чих ларать, чих ларать—курица сидитъ. чи ларать чих ларать или йерди ли чих ларать По случаю калым кон въ названныхъ приходахъ; по словамъ М. Дмитріева, починается бочка пива; причёмъ тамъ день этотъ называется йон калым кон; съ него начинается Пасха. Во время Пасхи, Чуваши мѣняются яйцами и при этомъ, въ место—Христосъ воскресъ! говорятъ: таракана хынкыла сйдыр; хынкылана таракан сидыр! Таракана клопъ пусть съестъ, а клопа тараканъ! Въ Воскресенье Чуваши, говоритъ М. Дмитріевъ, приходятъ въ церковь; но изъ нихъ много уже бываютъ пьяны. кочка коньякъ зырыгна М. минши

Священникъ села Кошекъ В. Я. Смѣловъ говоритъ (1), что Калым кон совершается Чувашиами въ честь жившаго когда-то на землѣ крайне добродѣтельнаго человека. Человекъ этотъ при жизни постоянно нанимался въ работники къ самымъ бѣднымъ людямъ, и ту кого-бы изъ нихъ не пожилъ; они дѣлались богачами. За это богачи человека этого возненавидѣли и убяли.

Отсюда и самое названіе Калым кон: холым—деньги; платимыя за невесту. Разсказъ этотъ, по словамъ И. Смѣлова, ему передали жившимъ у него въ работникахъ некрещенымъ чувашиномъ деревни Водя-яль, Карматинеккой волости, Цивильскаго уѣзда.

Въ Байтерьяковскомъ приходѣ, въ среду на Страстной недѣлѣ, въ которую прежде начинался праздникъ Калым-кон, или Мун-гон, говорится въ рукописи Г. Доброхотова, всегда въ честь такого торжественнаго дня, по обряду, чуклялась просыная каша среди двора каждаго хозяина съ произношеніемъ словъ: пирри и вануд

пирри и вануд

пирри и вануд

(1) Пѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Свящ. В. Смѣлова. Извѣстія по Казанской Епархіи. 1880 г. № 20.

Тора сирлах! Рехмэть сана, Тора, пире сэк асла кона сидэрнэжын. Сявын-бегех тэберь сяпла асла кона сидэръ хувын меслетэбе. Эй, Тора! сирлах, анбрах, ырлых-сывлых пар хамада, ачам-пчам-санедэ, вылих-чирлигедэ. Амынь. Сирлах!

Господи помилуй! Благодарю тебя, Господи, за то, что до этого великаго дня довелъ насъ. Подобно этому и до слѣдующаго великаго дня доведи насъ своею волею ⁽¹⁾. Эй, Господи! помилуй, не оставь, добра—здоровья дай самому мнѣ и дѣтямъ моимъ и скотинѣ. Аминь. Помилуй!

По окончаніи сей церемоніи, отецъ семейства, знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ и дѣлая послѣдній земной поклонъ, беретъ ложку и ѣсть кашу; по приѣзду его исполняютъ жена и дѣти. Затѣмъ каша уносится въ избу, гдѣ совершается настоящій праздничный обѣдъ.

Въ деревнѣ Верхнихъ Исеняхъ (Вурманъ касъ), Чебоксарскаго уѣзда, на Пасхѣ ⁽²⁾, чтобы узнать, уродится ли овесъ, Чуваши сваривъ кашу, выкладываютъ ее въ чашку, а чашку обкладываютъ по краямъ сырыми яйцами, и затѣмъ обходятъ съ ней кругомъ внутри двора. Если яйца, во время этой ходьбы, сварятся въ кашѣ, будетъ урожай, и на оборотъ ⁽³⁾.

---

(1) Выше слово *меслеттебе* (см. стр. 28) мы переводили: „по твоимъ великимъ щедротамъ“, и замѣчали, что слово *меслетъ* вѣроятно отъ турецко-адербиджанскаго корня *бислатмакъ* (بِسْلَاتْمَاك). Теперь мы считаемъ слово *меслетъ* Еврейскаго корня отъ שָׁלַטַת шалатъ, властвовать. Отсюда мыслеть или мислеть будетъ значить власть, воля, а *меслеттебе* — по волю, волею.

(2) Пасху нѣкоторые Чуваши называютъ: конь-чирь праздникъ, т. е. день живой, день жизни.—Срав. Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ. Свящ. Писифора Каменскаго. Казань. 1879 г. Стр. 15.

(3) Въ этой деревнѣ каждый домохозяинъ оканчиваетъ житво въ тотъ самый день, въ который началъ, для чего къ роковому дню оставляется не сжатой полосы сноповъ на пять.

Русскіе въ Вѣловолжскомъ приходѣ на Пасхѣ, во время служенія въ домахъ молебновъ, выставляютъ на столъ чашку съ пшеницей и яйцомъ; пшеница, послѣ молебна и послѣ провода иконъ, высыпается обратно въ сусѣкъ, а яйцо сохраняется до начала сѣва. Крестьянинъ, отправляясь сѣять, беретъ съ собой въ поле упомянутое яйцо, и тамъ передъ тѣмъ какъ приниматься за сѣвъ, произнесши трижды: Христосъ воскресъ! сѣдаетъ его вмѣстѣ съ посыпаннымъ солью кускомъ хлѣба.

Въ томъ же Вѣловолжскомъ приходѣ, въ праздникъ Благовѣщенія къ заутрени дьячками приносится съ пшеницей кадка, изъ которой, по благословеніи на литіи хлѣбовъ, молящіяся крестьяне берутъ пшеницу по гореткѣ въ карманы и, принесши домой, въ узелкахъ берегутъ ее до вешняго сѣва, когда и всѣваютъ прежде всего.

Лѣтъ 30 тому назадъ въ Благовѣщеніе, между заутреней и обѣдней, церковные сторожа бросали съ колокольни нарочито испеченныя для того просвиры просфоры, которыя ловившими ихъ въ подолы крестьянами сохранялись до начала сѣва, когда онѣ въ полѣ и сѣдались, какъ топерь пасхальныя яйца.

Нигис путты.

Нигис путты—моленье при закладкѣ фундамента для дома (1). Избравъ для постройки дома мѣсто, Чуваши прежде всего начинаютъ рыть подполь и послѣ того, какъ вокругъ подпола будетъ положенъ первый вѣнецъ (нигис), варятъ въ немъ кашу—нигис путты, пригласивъ предварительно йомзю и сосѣдей. Какъ только нигис путты будетъ готова, приготовлявшіе ее, вставъ лицомъ къ востоку, съ шапкой подъ лѣвой мышкой, читаютъ молитву:

Ебисьмелле. Перьсырь
йиш анбрах! Ажа казяр!

Во имя Бога. Духъ,
владѣющій землею, не ос-

(1) Нигизъ نڭز, نڭيزъ фундаментъ. основаніе.

Сяк хозяна сьорт ларт-ма ирик пар! Исьмэ, сіймэ перегеть пар выльигымба, ывлым — хирембэ. Сьирлах чук! Амин.

тавь! Изъ снисхожденія прости! Этому хозяину поставить домъ позволёніе дай! Ёсть, пить благодать дай со скотинной и дѣтьми. Помилуй, духъ жертвы! Аминь.

По прочтеніи молитвы йомзя одну ложку каши бросаетъ въ огонь, на которомъ она варилась, а затѣмъ уже съ прочими принимается кушать ее и самъ. Послѣ обѣда на мѣсто постройки приносится нарочито для моленья сваренное пиво и всѣмъ приглашеннымъ дѣлается угощеніе.

Во всѣ углы для втораго вѣнца въ деревнѣ Маловой кладется по серебряной нохраткѣ и по горсти ржи.

Русскіе въ Бѣловолжскомъ приходѣ варятъ особую кашу для плотниковъ въ день совершенія ими потолочной матки. Эта каша, прежде чѣмъ ее ёсть, вмѣстѣ съ горшкомъ завертывается въ кафтанъ и подтягивается къ только—что совершенной маткѣ, гдѣ привязывается веревкой; въ это время кто либо изъ плотниковъ съ топоромъ въ рукѣ обходитъ кругомъ строящуюся избу и, сдѣлавъ на каждомъ углу тяпокъ (набѣчку), взбирается на матку и пересѣкаетъ привязанную къ ней веревку съ кашей, завернутой въ кафтанъ. Упавшая на полъ каша съѣдается тутъ же безъ ложекъ разбитыми горшечными черепками. По обычаю, кушать кашу приглашается всякій, подвернувшійся на описанную церемонію. Обрядъ этотъ исполняется преимущественно въ Карцевомъ Починкѣ ⁽¹⁾.

---

(1) У Чувашъ вмѣсто каши завертывается въ войлокъ коровай хлѣба, который поднимается вмѣстѣ съ матицей, а потомъ, когда матица будетъ осторожно укрѣплена, хлѣбъ спускаютъ, горбушку съ солью даютъ хозяину, а прочимъ всѣмъ по куску. Затѣмъ рабочіе съ хозяевами встаютъ лицомъ къ востоку, молятся и потомъ съѣдаютъ хлѣбъ. Когда матица укрѣплется на мѣсто, стараются не стукать по ней топоромъ, иначе въ набѣ будетъ угарь.

Въ корреспонденціи „Голоса“ отъ 6 ноября 1871 года передашь слѣдующій случай про Черемисы: „Не менѣе оригинальный обрядъ совершаютъ Черемисы деревни Малыхъ Паратъ, Помарскаго прихода, при переходѣ въ новую избу. Русскіе, какъ извѣстно, поэтому случаю приглашаютъ духовенство и служатъ молебны; Черемисы же пекутъ хлѣбъ, въ которомъ крестообразно запекаютъ четыре яйца. Въ назначенный день, глава дома отряжаетъ въ новую избу сына, или дочь, за неимѣніемъ ихъ, жену, а самъ, взявъ подъ мышку приготовленный хлѣбъ и рогъ съ табакомъ, начинаетъ обходить избу до трехъ разъ, причемъ сидящій въ ней каждый разъ спрашиваетъ:—„съ чѣмъ идешь?“ „Съ хлѣбомъ, съ солью, съ рогомъ табаку!“—отвѣчаетъ хозяинъ. Послѣ третьяго разу глава семейства входитъ въ избу, садится за столъ и, разломивъ хлѣбъ, подаетъ сидѣвшему въ ней, и самъ ѣсть.

Ш.

Хор чук жертвоприношеніе гуся.

Хор чук (хор — гусь, чук — жертва) — моленіе при заболѣваніи въ семействѣ нѣсколькихъ человекъ заразъ, или одного члена, но въ случаѣ продолжительности его болѣзни. Какъ и самое названіе обряда показываетъ, для выполненія его требуется гусь, въ дѣйствительности—же гусей сразу покупается 9-ть (¹)

(¹) При покупкѣ животныхъ для улучшенія хозяйства въ деревнѣ Масловой продавецъ передаетъ покупщику привязъ или поводъ, на которомъ выводятся животныя для продажи, не голою рукою, а въ рукавѣ, и покупатель, по заключеніи сдѣлки, обертываютъ руку правой полой кафтана или шубы и затѣмъ, взявъ въ нее конецъ привязи купленнаго животнаго, приговариваетъ:

Телей болдыр! Сьурь лажа позе болдыр. Карда позе болдыр! Чук туза сійма пурдар! Пудум яла туран малых полдыр!

Да будетъ счастье! Во главѣ ста лошадей будь (т. е. да будетъ умноженіе обильное лошадей)! Во главѣ скотнаго двора будь! Да будетъ достатокъ на жертву Богу! Да будетъ насыщеніе всей деревнѣ!

чистооблѣхъ и притомъ безъ торгу, по той цѣнѣ, какая будетъ назначена съ перваго спросу (1). Такъ какъ духи принимаютъ въ жертву только такихъ животныхъ, которыя отъ обливанія ихъ выше описаннымъ способомъ встрепаются, то во избѣжаніе расхода на покупку негодныхъ, обливаніе въ данномъ случаѣ, по словамъ А. Егорова, производится на самомъ базарѣ. Для большаго умилостивленія духовъ, послѣ того, какъ всѣ 9 гусей будутъ скушаны, закалаются еще въ честь тѣхъ же духовъ утка, или баранъ, теленокъ, жеребенокъ и т. д. Вопреки обычаю, въ данномъ случаѣ, не только никто не приглашается помогать кушать жертвенныя яства, но даже двери запираются на время ѣды, а остатки отъ каждаго дня вмѣстѣ съ гусиными перьями уносятся въ поле, гдѣ кидаются въ ту сторону, въ которой находится киреметь; тамъ же кромѣ того оставляется грошъ или мѣдная копейка. Одинъ отпавшій въ магометанство крещеный татаринъ деревни Янгильдиной (Карамышевой), специально занимающійся сборомъ утиныхъ и гусиныхъ перьевъ и денегъ, лично мнѣ передавалъ, что перьевъ въ день онъ насобираваетъ отъ 5—10 фунтовъ, цѣною отъ 15—20 копѣекъ за фунтъ, а въ годъ отъ 5—6 пудовъ, стало быть по меньшей мѣрѣ на 30 руб. сер.; чѣмъ и уплачиваетъ подати; кромѣ перьевъ и денегъ онъ подбираетъ и оставляемую вмѣстѣ съ ними посуду — чирясы и чайники, а также выбрасываемое послѣ умершихъ бѣлье.

При этомъ, если кушленное животное изрядится густо, оно берется съ радостью; въ противномъ случаѣ немедленно возвращается. Завершается покупка обыкновенно выпивкой полштофа вина, для распивки коего приглашается йомзя. Если послѣднему покупка почему нибудь не понравится, покупатель смѣло заявляетъ продавцу:

Йомзь пльма хошмасть, — пль- Йомзя не совѣтуетъ брать, — я мestyп. кирле мар! не беру, не нужно!

На базарахъ, по словамъ А. Егорова, большею частью нежертвенное животное только заторговывается, окончательно же оно переходитъ въ собственность покупателя послѣ того, какъ покупку осмотрятъ жена, семейство и йомзя.

(1) Русскія Вѣдомости 1868 г. № 9. Фуксъ. Стр. 158—159.

Особенно много перьевъ, по его словамъ, ему удается набирывать въ оврагахъ подъ деревьями Тансаринной (Тобах) и Кульгешами, въ Бишевскомъ приходѣ и сосѣднемъ съ нимъ, а также съ жительствою татарины, Аттиковскомъ.

Хор чукъ въ деревнѣ Масловой совершается въ честь 9-ти нижеслѣдующихъ духовъ:

- 1) Тор сьоли—Бичь Божій,
- 2) Тор хаяре—Гнѣвъ Божій.
- 3) Тор сулу—Божіе дуновение.
- 4) Сьирь хаяре--Земное зло (духъ).
- 5) Сулу вилэнь—Смертоносное дуновение.
- 6) Ар сьори—Полу—мужчина—лѣшій.
- 7) Эсрель—араб. Азраиль—Ангель смерти.
- 8) Хаяр амак⁽¹⁾—Гнѣвное зло (духъ).
- 9) Тыдан амак—Лихорадка.

Въ Бишевскомъ приходѣ для моленья о выздоровленіи больныхъ, пекутся йосманы и варится каша; послѣдняя раздѣляется на долгую и короткую; яства эти приготавлиются въ честь:

- 1) Тора.
- 2) Пѣлухси.
- 3) Тор амыш.
- 4) Хирлэ сьыр.
- 5) Пигамбар.
- 6) Сьурэнь ыра.
- 7) Сьирь йыш.
- 8) Сьирь амыш.
- 9) Сьирь ашше,
- 10) Сьирь шыв ктэнь.
- 11) Асла ыра амыш.
- 12) Хирлэ сьыр ашше.
- 13) Карак сьувар киреметь амыш.

---

(1) Амакъ, турецкое амэкъ, джагатайское имэкъ—трудъ, утомленіе, забота. Если отецъ умираетъ, не успѣвши выполнить своихъ обѣщаній духамъ, то эти духи, не удовлетворенные, безпощадно мучаютъ дѣтей, или везь домъ умершаго—эти духи *хаярь амакъ*.

14) Сьугалыга (1) ўксэ каяган киллэ — киреметь, нападающая на деревню Липовку.

15) Тор умыньчэ сьурэгень пұлұхси — предъ Богомъ ходатайствующій.

16) Ингеги.

17) Хаяр.

18) Сьынгеръ.

19) Сьынгеръ сьурэнь.

20) Асла ыра.

21) Асла ыра умыньчэ сьурэгень пұлұхси.

22) Хирле сьыр умыньчэ сьурэгень пұлұхсь.

23) Килэ умыньчэ сьурэгень пұлұхсь.

24) Карак суварэ киреметь умыньчэ.

Молитва:

Управах, сыхларах
умранда кайранда. Авал-
ги йыллыбэ эбирь киль
туза порнатпырь, сыне-
рэнь кларны йыллы-мар.
Миньденьдэ булинь сьыр-
лахрах, анбрахрах!

Хорошенько сохрани-
те, стерегите спереди и
сзади. По старинному
обряду мы молясь живемъ,
а не по вновь выдуман-
ному обряду. Пожалуйста
какъ нибуть помилуйте,
не оставьте!

Въ Бишевскомъ приходѣ отправляющійся для
совершенія жертвоприношенія киреметямъ, обыкновен-
но ночью, въ предупрежденіе неблагопрятныхъ встрѣчь,
беретъ подъ мышку шапку или рукавицу, въ правую
руку котель съ кашей, а въ лѣвую — йосманы (2).

Виль тавраш (т. е. сословіе мертвецевъ).

Виль тавраш — моленье о предотвращеніи смерти
людей и скота, заключающейся отъ заклинаній не-

(1) Сьугалых — названіе деревни Липовой, а въ официальныхъ спис-
кахъ — Мокшина.

(2) Сравн. У старокрещеныхъ татаръ — казь кляу. Сочиненіе Машанова.
Стр. 24.

друговъ (тушман). Пожелаетъ, напр, тушман (недругъ), чтобы его противникъ померъ отъ головной боли, или отъ болѣзни ногъ, то онъ добываетъ—въ первомъ случаѣ волосы своего непріятеля,—во второмъ лапти или онучи и зарываетъ ихъ съ заклинаніями или на кладбищѣ, или на томъ мѣстѣ, гдѣ поминаютъ покойниковъ (йоба тувассе). Совершается Виль вавраш или по собственному произволенію, или по совѣту йомзи. Нижеслѣдующее описаніе моленья Виль тавраш составлено ученикомъ Аликовского 2 кл. училища Константиномъ Степановымъ изъ деревни Тойтамышъ Шумшевашскаго прихода Ядринскаго уѣзда, съ разсказа его брата—очевидца выполненія обряда. Въ предположенный для совершенія Виль—тавраш день, пекутся безъ счета изъ тѣста на сковородѣ: 1) йосманы, въ которые сверху втыкаются куски мѣди, отрубленные отъ мѣдной монеты ('); 2) пекутся на голомъ поду печки такъ называемые: кук хорань—круглые шарики, величиною съ куриное яйцо, съ углубленіемъ на поверхности; 3) три ватрушки съ картофелемъ (игерчзэм); 4) фигура на подобіе птицы съ двумя крыльями (сьонатты) и однимъ рогомъ (мыйряга) на головѣ, что изображается втыкаемыми въ фигуру перьями, и 5) варится одинъ котелъ каши (пуду). Изъ перечисленныхъ печеній кук хорань и каша предназначаются Богу (Тѳра валли), а йосмапы—киреметямъ. Когда йосманы, ватрушка и птица испекутся, тогда виле чильгй сордассэ т. е. заставляютъ (кто?—кого?) произносить мертвецкій наговоръ. Для этого, поставивъ у двери столъ, выставляютъ на по-

(') Въ Мамадышскомъ уѣздѣ, у старокрещеныхъ татаръ, старшая полѣтамъ женщина беретъ нѣсколько маленькихъ обломковъ стали и вкладываетъ ихъ въ щели дома и другихъ принадлежущихъ къ нему строевій, читая при этомъ молитву, въ которой призываетъ Бога пагнать изъ дома злаго духа. Обрядъ этотъ совершается разъ въ годъ и называется корочъ кыстыры—вкладываніе стали. Сочиненіе Машанова. Стр. 24. По мнѣнію С. Максимова вкладываніе стали у татаръ совершается исключительно въ честь домового. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 19, стр. 572

слѣдній кук хорань ⁽¹⁾ съ-наложенной въ углубленіе его кашей и затѣмъ, оборотившись лицомъ къ отворенной двери, съ папкой подъ мышкой, начинаютъ молиться:

Эй, тыра бол съорадаган Тора, сырлах! Тыра ран тадык андурат, пура ран ⁽²⁾ антат!...

Эй, хлѣбородящій Боже, помилуй! Безъ хлѣба насъ жить не заставляй, изъ сусѣка хлѣбъ пусть не убудеть (въ сусѣкѣ имѣющагося хлѣба не лиши)!..

Окончивъ молитву Богу, наполняютъ кашей второй экземпляръ кук хорань и читаютъ молитву скотородящему Богу:

Эй, вылих - чьирьлих съорадаган Тора, вылих ран, чьирлихрѣнь антат! Вылих (сиомъ) тѣкъ пѣрчы пекъ хонадар! Карда пусъ ту!

Эй, скотородящій Боже, скотины и животныхъ насъ не лиши! Умножь скотину, какъ шерсть на ней! Главою карды сдѣлай!

Затѣмъ точно также молятся и прочимъ богамъ, а именно:

Сырэ шотсыр кук хораньбѣ, шотсыр пуду чу-клэтпер! Сырлагырах! Съут кѣльдѣ вырдаган Тора сырлах! Торда Торры сырлах! Торда — ран тадык антурат! Силь ашше, силь амыже сырлах! Сильдѣнь туран сырлах!

Вамъ безъ счету кукъ хоранью, безъ счету кашей молимся! Помилуйте! Въ свѣтломъ озерѣ живущій боже помилуй! Оглобелный боже помилуй! Оглоблей не лиши! Отецъ вѣтра, мать вѣтра помилуйте! Отъ вѣтровъ спа-

(1) Такія фигурки, подъ названіемъ куку хорань, счетомъ до пяти, пекутся въ деревнѣ Масловой и наполненные кашей приносятся въ жертву киреметямъ.

(2) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слово пура означаетъ сусѣкъ, а въ нѣкоторыхъ срубы, сусѣкъ же называется пюльмъ.

Хурбан Торры сырлах, анхорландыр! Пигамбар (1) сырлах! Вильига—чирьлиге андыттар, йыттуна чар! Сьут сьандалык сьорадаган Тора сырлах! Сана азынатпыр, сана видинэтпер, сырлах!

сите! Богъ жертвы помилуй, не прогнѣвайся! Начальникъ волковъ (пигамбаръ) помилуй! Скотину не допускай ловить, собака въ удерживай! Боже, создатель вселенной помилуй! Тебя призываемъ, на тебя надѣемся, помилуй!

Вслѣдъ затѣмъ, не снимая со стола „кук хоранъ“ и каши, начинаютъ молиться киреметямъ. Во главѣ послѣднихъ стоитъ мун киреметь.

Мун киреметь сырлах! Сана мун пуд йосманда, кѳрэгэ хорысьба, азынатпыр! Сырлах, сырлах, сырлах! Мун киреметь сырлах! Миньбе пусрэс, онба сырлах! Сорбан-ба пусрези, сѳруй сьбадаба пусрези, кибэбэ пусрези, сѳсьбэ пусрези, ут сильгибэ пусрези, сырлах!

Главная киреметь помилуй! Тебѣ главной кашей, йосманами, столомъ, уставленнымъ сластями, молимся! Помилуй, помилуй, помилуй! Главная киреметь помилуй! Чѣмъ испортили, тѣмъ же и помилуй! Если испортили сорбаномъ (головной повязкой), если испортили гнилыми лаптями,—если испортили рубахой,—если испортили волосомъ,—если испортили лошадиной гривой, тѣмъ же и помилуй!

Послѣ этаго срубается ветляный кустъ, который, по приносѣ въ избу, разрубается на три части, вершины сучковъ ихъ срѣзываются; одна часть куста должна быть только съ тремя сучками, а на остальныхъ—сколько случится; затѣмъ берется 16 восковыхъ свѣчъ,

(1) Крещеные Чуваши въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подь именемъ пигамбаръ разумѣютъ Михаила Архангела.

— 117 —

изъ коихъ каждая дѣлится на четыре части; отломки съ свѣтильнями кладутся отдѣльно, а безъ свѣтиленъ разставляются на сучки, вѣтокъ; на каждый сучекъ, кромѣ того, прилѣпляется по одной свѣчѣ изъ сѣры съ свѣтильной изъ шерсти. Вѣтка съ тремя только сучечками, предназначается духу, отнимающему дупу. Разставивъ свѣчи на вѣтки ветлы, ставятъ на лавку у двери чирась (деревянную выдолбленную кадочку), въ который опускаютъ на дно одну изъ трехъ ватрушекъ и одну кук хорань; въ него—же затѣмъ, поминая усопшихъ, сливаютъ пиво, сопровождая каждое изъ этихъ дѣйствій привѣтствіемъ:

Омунда болдыр порь—Да будетъ все предъ тобою!

Въ другой такой же чирась опускаютъ остальные ватрушки и йосманы съ воткнутыми въ нихъ мѣдными кусочками, а по краямъ его разставляютъ остатки свѣчей, какъ со свѣтильнями, такъ и безъ нихъ, и затѣмъ первыя зажигаютъ. Свѣчи со свѣтильнями ставятся по краямъ чиряса во имя людей, жившихъ на землѣ до смерти грѣховно, или злобно (вилечень хаяр сурэны синзам ятнэ), а безъ свѣтиленъ—во имя жившихъ на землѣ праведно (вилечень коне борнны синзам ятнэ). Если зажженная свѣчка загаснетъ, это по-казываетъ, что усопшій, во имя коего она поставлена, во время земной жизни былъ заговоренъ (илик вилечень солны сын). Впослѣдствіи свѣчные огарки опускаются во второй чирась, куда сверхъ всего опускается яйцо, раздѣленное на три части, причемъ въ это время поминаются семейные покойники:

Окончивъ поминовение, одну изъ двухъ вѣтокъ съ сучьями безъ счету уносятъ въ клѣтъ, ставятъ ее тамъ на край суська съ хлѣбомъ и, зажегши прилѣпленные къ сучкамъ свѣчи, молятся:

Тыра бол полдыр!—Хлѣбъ да будетъ (да родится)!

Вѣтку съ тремя только сучечками вносятъ въ конопю и, поставивъ ее на край колоды, молятся, также зажегши на ней свѣчи:

Вылих-чирьлих турле-

Скотъ и животныхъ ис-

дер! Сягымба тўрледэдып; И пбляйте! Этимъ ублаго-
 тўрылензэ кай. творяю; ублаготворив-
 шись, ступай!

Третья вѣтка съ безсчетомъ сучками уносится за конюшню, гдѣ совершители обряда молятся, какъ и выше. Сюда же приносится и первый чирясъ, съ опущенной въ него кук хорань, которая тутъ же, со всѣмъ, бывшимъ въ чирясѣ, зарывается въ землю. Второй чирясъ уносится въ поле, куда кромѣ того берется одно яйцо. Последнее, по приходѣ на извѣстное мѣсто, предварительно катается по землѣ съ причитаньемъ: чон вырыннэ чон парадып вмѣсто души душу даю, и затѣмъ все, бывшее на лнѣ второго чиряса выбрасывается на землю. Совершитель обряда при этомъ говоритъ:

Сяг' уста кильне ся-
 гында виль тўрылэтмэ
 сиччь тинис орла, хый-
 ырдан кибэръ туза, пы-
 гырдан, ылдым-ран, йи-
 срэнь (1).

Эта мастерица пришла сюда для совершения обряда „виль“ чрезъ семь морей, сдѣлавши мосты изъ песку, изъ красной мѣди, изъ золота, изъ желтой мѣди (тумпака).

Чтецы молитвъ въ Богатыревскомъ приходѣ Ядринскаго уѣзда обыкновенно оканчиваютъ молитво-
 словія слѣдующимъ извиненіемъ предъ Богомъ:

Тэ малдан каласы кая
 полать; тэ кайран калас-
 сы, мала, полать; пиринь
 алара кнеге сьок; виссь
 сумах-ран хабыл иль. Чук
 сьырлах! , Эпъ астиветь-

Не знаю, быть можетъ, то слово, которое должно сказать впередъ, сказано послѣ; не знаю, быть можетъ, то слово, которое должно сказать послѣ, сказано впередъ; въ на-

(1) Сравн. Корневой Чувашско-русскій Словарь, Н. И. Золотницкаго Стр. - 172 - 184.

чѣнь, эс астивь!
-новного
-сиди

и наивно
мы
пихъ рукахъ книги нѣтъ;
послѣ трехъ словъ без-
отговорочно прими (прось-
бу)! Духъ жертвы поми-
луй! Ты попробуй. (отвѣ-
дай, жертвенное кушанье)
прежде, чѣмъ я попробую.

СЫНЪ ХЫДЫМ.

Сынъ хыдым⁽¹⁾—жертва, противъ чело-
вѣка. Въ чувашскомъ календарѣ на 1874 годъ⁽²⁾ въ поясне-
ніе этаго обряда говорится: мольчара, масьра, сьир-
мара аш дьизерьзэ тупрашнэ пьцарассе, т. е. сваривъ
пи въ банѣ, лачугѣ, въ овратѣ мясо зарываютъ въ
землю. По сообщенію К. Степанова—хыдымъ, по вѣро-
ваніямъ Чуваши, Ядринскаго уѣзда,—есть душа чело-
вѣка, умершаго безъ роду-племени, не имѣвшаго при-
жизни ни кола—ни двора, котораго по смерти по-
минать некому, а такъ же засватавшаго невѣсту, но
не успѣвшаго жениться. Невѣста его въ послѣдствіи
дѣлается такъ же хыдымомъ. Духъ—хыдымъ произво-
дитъ падежи скота. Когда падежь скота начнется,
въ честь хыдыма совершаются различныя жертво-
приношенія, состоящія, между прочимъ, изъ головы
и ногъ овцы, или коровы. Самое же обыкновенное мо-
ленье совершается такъ: предварительно варится
пиво; въ день моленья печется лепешка и варится
ягненокъ. Передъ началомъ моленья, у порога избы
ставится чирясъ (выдолбленная кадочка), въ который
во время моленья опускаются каждыиъ изъ молящих-
ся по ковшу пива; по ложкѣ бульону (шурьбэ); по ку-го

(1) Сынъ-хыдымъ—человѣкъ хыдымъ. Нѣкоторые признаютъ слово Хыдымъ собственнымъ именемъ чело-
вѣка, а другіе понимаютъ подъ этимъ
именемъ духа мстительнаго, враждебнаго чело-
вѣку и вообще—мститель-
ность.

(2) Сьолдалыкъ кнеги, Казань. 1874 г. стр. 10.

сочку лепешки и ягнѣтѣны; причемъ произносится: хыдым, сырлах! Хыдым, помилуй! Наполненный жертвенными кушаньями чирясъ выносятся на дворъ, гдѣ содержимое и выбрасывается. Остатки приготовленныхъ въ честь хыдыма кушаній жертвоприносители сами не кушаютъ, а зарываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ землю.

Если и послѣ этого моленья скотина будетъ продолжать падать, то Чуваши молятся въ оврагѣ. (Отсюда хыдымъ лобашки—оврагъ хыдымовъ).

Отдѣлившійся отъ отца сынъ, а также вышедшая въ замужество дочь, приходятъ молиться хыдыму въ домъ отца. Въ подтвержденіе этого приводится слѣдующій рассказъ о хыдымѣ дѣвицы, вышедшей въ замужество (кача кайны хирь хыдым сумаге).

Разъ одна, вышедшая въ замужество, дочь къ отцу молиться въ честь хыдыма не приходила, и потому у нее начался падежь скота. Она спросила брата, что ей дѣлать?—Ходила-ли ты въ отцовскій домъ молиться хыдыму? Сестра сказала: нѣтъ! Послѣ того, какъ она сходила въ домъ отца и тамъ помолилась хыдыму, падежь скота у нее прекратился.

Причакъ (Присяга).

1. Присяга (1) по желанію потерпѣвшаго, или по предложенію мірской сѣдки (халых), дается у Чуваши преимущественно для обнаруженія виновниковъ кражи. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, въ деревнѣ Масловой сельскимъ старостой для присяги созываются въ поле, гдѣ находится киреметь, по словамъ А. Второва, всѣ мужчины и женщины отъ 7—70 лѣтъ. Обокраденный выносить въ поле столъ, на который кладетъ коровай хлѣба, солоницу, ножъ; кладетъ передъ столомъ на землю липовую лугошку, или сухія кости, а подъ столъ—ведро съ водой; затѣмъ, подойдя къ столу

(1) См. Исслѣдованія объ инородцахъ В. Ав. Сбоева. Стр. 73—74.

первымъ, онъ отрѣзываетъ отъ короваго горбушку, втыкаетъ въ нее конецъ ножа и; обмакнувъ въ солоницу, часть откусываетъ, говоря:

Кам манн, ябалазане
вурланы, она киреметь
кордыр, косъне соккыр
тудыр, алла-зыр, оразыр
тудыр; сіймазыр, сызай-
мазыр вильдэр!

Кто укралъ мои вещи,
тому киреметь пусть отом-
ститъ, да сдѣлаетъ его
(глаза слѣпыми) слѣпымъ,
безрукимъ, безногимъ;
пусть тотъ умретъ отъ не-
возможности ѣсть и испра-
жняться!

Послѣ этаго начинаетъ умываться изъ ведра во-
дой, приговаривая.

Сяк шыва съирь съот-
ны бек, вурра съирь съот-
тыр!

Какъ поглотила эту во-
ду земля, такъ да пож-
ретъ земля вора!

Наконецъ, перешагнувъ черезъ лутошку, говорить:

Сяк падак—бек хордыр!

Пусть высохнетъ (воръ)
подобно сухой лутошкѣ!

Тоже самое, вслѣдъ за обокраденнымъ, повторяютъ
и остальные.

Кто, вмѣсто того, чтобы перешагнуть черезъ лу-
тошку, вступить на нее ногой, тотъ воръ; а такіе
промахи, вслѣдствіе болѣзненности глазъ у большин-
ства Чувашъ, по словамъ А. Егорова, нерѣдки, и вотъ
міру основаніе пить съ уличеннаго такимъ образомъ
вино. О присягѣ судебной Чуваши отзываются такъ:

Эбирь Вырыс мар, — Чу-
ваш; пирэ, вырысла при-
чак пайдалла мар.

Мы не Русскіе, — мы Чу-
ваши; для насъ русская
присяга недѣйствительна —
(безполезна).

Въ былые годы Чуваши, изъ опасенія несчастія
въ дому отъ ложно—принятой судебной присяги, упра-

шивали слѣдователей обрядъ ея совершить; если не на улицѣ, то покрайней мѣрѣ на дворѣ; а отнюдь не въ дому (1).

У Черемисъ деревни Помьяль обрядъ присяги совершается на дворѣ, на время коего въ избѣ зажигаются восковыя свѣчи (2).

У Русскихъ въ Бѣловолжскомъ приходѣ есть повѣрье, что если перешагнуть черезъ липовую лутушку, то могутъ высохнуть ноги.

Въ Ача—касинскомъ приходѣ, Дивильскаго уѣзда, по сообщенію мѣстнаго учителя В. Васильева, присяга Чувашиами дается, кромѣ случаевъ пропажи имущества, по поводу внезапнаго падежа скота и пожаровъ, причемъ присяга въ этомъ приходѣ сопровождается слѣдующими обрядами. Созванныхъ чрезъ сельскаго старосту на сходъ домохозяевъ (за отсутствіемъ въ домѣ мужчинъ, на сходъ являются представителями дома женщины; во избѣжаніе подозрѣнія въ виновности на сходъ въ данномъ случаѣ народъ является безпрекословно)—потерпѣвшій ведетъ къ церкви и ставитъ ихъ лицомъ къ ней съ западной стороны. Купивъ затѣмъ четверть или полведра вина, потерпѣвшій, съ топоромъ въ рукахъ, входитъ на церковную ограду, дѣлаетъ противъ алтаря съ южной стороны три земныхъ поклона, съ произнесеніемъ недознанныхъ г. Васильевымъ заклинаній, и потомъ вырубаетъ топоромъ кусокъ земли, величиною съ шапку. Землю эту, вынесши къ народу, потерпѣвшій кладетъ себѣ на голову, въ правую руку беретъ налитый виномъ стаканчикъ, потомъ вновь произноситъ заклинаніе, послѣ чего кладетъ на мѣстѣ три земныхъ поклона и, трижды поцѣловавъ землю подъ ногами, выпиваетъ весь стаканъ вина. Затѣмъ, говоритъ г. Васильевъ, всѣ при-

(1) Курьезъ изъ за присяги, случившійся съ чувашинимъ присяжнимъ на сессіи Казанскаго окружнаго суда въ Чебоксарахъ. См. Голосъ 1871 г. № 189.

(2) Русскія Вѣдомости. 1870 г. № 71.

существующіе по очереди слѣдуютъ его примѣру“. Къ сожалѣнію, изъ этой фразы не видно, все ли дѣлаютъ присягающіе, что и потерпѣвшій, начиная съ входа въ ограду, или же только—съ возложенія на голову принесенной земли, а также,—куда эта земля послѣ дѣлается.

Результатомъ такой присяги, если она была по поводу кражи и воръ былъ однопоревенецъ, по увѣренію г. Васильева, всегда бываетъ подбрасываніе покраденнаго. До подброшенныхъ вещей, говоритъ г. Васильевъ, случайно нашедшіе ихъ Чуваши боятся дотронуться, какъ къ „сумахлы ябала“—заговореннымъ вещамъ, и даже всячески избѣгаютъ встрѣчи съ людьми, принимавшими присягу.

Тибъ шар (сухая бѣда).

Подъ названіемъ—„сухая бѣда“ въ литературѣ о Чувашихъ сообщается характеристика ихъ, будто „они изъ мести къ своему врагу вѣшаютъ у него на воротахъ“. Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ г-жа Фуксъ, авторъ Записокъ о Чувашихъ и Черемисахъ. „Если уже Чуваши очень разсердятся, то какое удивительное у нихъ мщеніе! Чувашинъ идетъ къ своему непріятелю, и, желая ему навлечь бѣду, давится у него на дворѣ: бѣдные! Не знаютъ другаго мщенія⁽¹⁾, какъ жертвовать своею жизнію, чтобъ причинить бѣду своему врагу“⁽²⁾. Какъ ни наивно сообщеніе г-жи Фуксъ, но оно, къ сожалѣнію, такъ пришлось всѣмъ по вкусу, что до сихъ поръ заговариваютъ-ли о Чувашихъ на судѣ⁽³⁾, въ

(1) Знать нѣсколько способовъ. См. выше, стр. 10. 82. 113—123.

(2) Записки о Чувашихъ.—Стр. 57.

(3) Дѣло объ убійствѣ крестьянки Ядринскаго уѣзда Авдотьи Андреевой. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1871 г. №№ 28 и 29.

ученомъ обществѣ⁽¹⁾, даже въ литературѣ⁽²⁾—характеристическою особенностью ихъ непремѣнно явится то, что Чуваши изъ мести къ своему врагу въспаются у него на воротахъ⁽³⁾.

Въ началѣ 60 годовъ фактъ этотъ приводился профессоромъ Казанскаго Университета о. Владимірскимъ на лекціяхъ Психологіи и у меня, слушателя его лекцій, удержался хорошо въ памяти, какъ у урожденца чувашскаго села. Насколько непоколебима въра въ сообщеніе г-жи Фуксъ—вотъ фактъ: Я сообщилъ въ 1869 году въ редакцію Русскихъ Вѣдомостей случай нанесенія однимъ чувашинимъ Ядринскаго уѣзда въ раздраженіи раны въ животъ самому себѣ, изъ страха же отвѣтственности за то взвалившимъ вину на другаго, и высказалъ, что случаи взваливанія своей вины на другаго у Чувашъ (нерѣдки, и) что эти-то случаи взваливанія вины извѣстны у Русскихъ подь названіемъ: сухая бѣда; но редакция закончила мое письмо: „въ былыя годы, Чуваши изъ желанія накликать противнику бѣду судомъ, въспались на усадьбахъ его, и это явленіе получило особое названіе „сухая бѣда“, потерявшее своего смысла и до настоящаго времени“⁽⁴⁾. Въ опроверженіе описываемой клеветы на Чувашъ прежде всего замѣчу, что „сухую бѣду“ знаетъ и русскій народъ и раздѣлялъ ее въ былыя годы на конную и пѣшую⁽⁵⁾. Далѣе еслибъ опровергаемый мною фактъ въ действительности гдѣ и случился, то смѣло можно ручаться, что самоповѣсившійся на воротахъ прежде, чѣмъ кому либо изъ вла-

(1) Программа для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. (Изд. И. Рус. Геогр. Общества) стр. 28.

(2) Рассказы Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Москва. 1876 г. Стр. 204.

(3) Лаптевъ. Матеріалы для Географіи и статистики Россіи, Казанская Губернія. Спб. 1861 г. Стр. 241.

(4) Русскія Вѣдомости, 1869 г. № 144.

(5) Иностранческое населеніе прѣжняго Казанскаго Царства въ Новой Россіи до 1762 года. Казань 1869 г.—Н. Ойрсова. Стр. 101.

стей удалось увидѣть эту картину, былъ—бы немедленно хозяиномъ ворота перенесены на чужую землю, какъ Чуваши и сѣйчасъ поступаютъ съ каждымъ „чужимъ“ покойникомъ, ⁽¹⁾ не смотря на весь страхъ, питаемый ими вообще къ послѣднимъ: Не сомнѣваясь, что перетаскиваніе мертвыхъ тѣлъ вызвано злоупотребленіями старыхъ полицейскихъ дѣятелей, мнѣ думается, что ихъ продѣлкамъ трусливые Чуваши обязаны приписываемому имъ Г-жею Фуксъ факту, тѣмъ болѣе, что въ былые годы, служившіе у полицейскихъ дѣятелей писари и разсылные жалованія отъ нихъ, по обыкновенію, не получали. Отъ нихъ, безъ сомнѣнія, вымышленныя свѣдѣнія получила и Г-жа Фуксъ, тѣмъ болѣе, что она, какъ это видно изъ ея Записокъ ⁽²⁾, съ полицейскими дѣятелями въ Чебоксарахъ была знакома, и ходатайствовала передъ ними за Чувашъ. Не довѣряя собственнымъ свѣдѣніямъ, я—уроженецъ чувашскаго села спрашивалъ о данномъ фактѣ одного уѣзднаго врача, прослужившаго въ Чебоксарскомъ уѣздѣ слѣшкомъ 15-ть лѣтъ и хорошо знавшаго Чувашъ, но врачъ по совѣсти высказалъ, что въ его практикѣ не было ни одного случая самоповѣшенія изъ мести на воротахъ своего врага; ходячіе же о томъ толки ему хорошо извѣстны. Г. Сбоевъ, написавшій первую главу своего Исслѣдованія о Чувашахъ въ 1848 году, на II страницѣ говоритъ прямо „о варварскомъ обычаѣ тащить непріятелю сухую бѣду, т. е. вѣшаться во дворѣ своего врага, не слышно болѣе“. На 113—123 стр. имъ подробно описанъ видѣнный самолично способъ заклинанія Чувашами своихъ недруговъ. Г-жу Фуксъ нельзя не упрекнуть въ легковѣрїи уже потому, что почтенный ея супругъ К. Θ. Фуксъ въ одномъ изъ отвѣтныхъ ей писемъ, напечатанныхъ въ ея же Запискахъ, привелъ статистику самоубійствъ въ Казанской губ. за 1834—1836 г., съ объясненіемъ

(1) Русскія Вѣдомости 1872 г. № 24.

(2) Зап. Стр. 55.

побудительныхъ причинъ къ тому. Такими побужденіями къ самоповѣшенію были и есть у Чувашъ: 1) отчаяніе, вѣдствие недостатка средствъ къ пропитанію семействъ и платежу недоимокъ⁽¹⁾, вообще бѣдность; 2) страхъ наказанія за проступки.—(Изъ частныхъ разсказовъ мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ самоповѣшенія и самоотравленія Чувашъ въ арестантскихъ помѣщеніяхъ волостныхъ Правленій и Становыхъ Приставовъ. Случай самоотравленія былъ въ Чебоксарской земской больницѣ съ присужденнымъ къ заключенію въ тюрьму 2 отд. Казанскаго окружнаго суда чувашиною деревни Чиршъ Тоизъ; тотъ часъ по приводѣ его для заключенія). Эти двѣ причины замѣчены г. Фуксъ специально у Чувашъ; 3) нестерпимыя физическія страданія отъ различныхъ болѣзней при недостаткѣ медицинскихъ пособій и 4) пьянство, переходящее въ умопомѣшательство⁽²⁾).

Способы мести К. Θ. Фуксъ описалъ въ тѣхъ же Запискахъ на стр. 129 и 130, но въ числѣ ихъ самоповѣшенія нѣтъ.—

Вирьмече, или Вирэмъ.

Вирьмече⁽³⁾ въ Мало-Шатминскомъ приходѣ совершается въ *Страстную субботу*, въ ночи на Пасху. За недѣлю или даже ранѣе мальчики заготавливаютъ сядырма — трещетки и съ этими инструментами, а также гусями и пузырями, собравшись вечеромъ въ

---

(1) Въ 60 годахъ въ селѣ Бачуринѣ одинъ чувашинъ изъ за неимѣнія средствъ къ платежу податей перерѣзалъ себѣ горло. Этотъ случай въ свое время описанъ былъ мною на основаніи официальныхъ данныхъ въ Рус. Вѣд.

(2) Зап. Стр. 324.

(3) *Вирьмече* происходитъ, кажется, отъ татарскаго слова *اوزمق* вурмакъ, или урмакъ *اورمق* ударить, и *ورم* верамъ опухоль, чихотка вередь.

Великую субботу въ одинъ какой либо домъ, начинаютъ за тѣмъ, какъ и въ Сьурэнь, бѣгать по домамъ, гдѣ ихъ угощаютъ пивомъ, яйцами и пирогами. Въ благодарность мальчики подъ звуки своихъ музыкальныхъ инструментовъ пляшутъ и поютъ пѣсни. Передъ уходомъ мальчикамъ въ каждомъ домѣ даются на до-рогу: нарочно испеченный для этаго пирогъ и одно или два яйца. Обопедши всю деревню, мальчики съ-бѣдаютъ все собранное гдѣ нибудь въ оврагѣ, куда на помощь имъ собираются и всѣ, не спавшие въ ту ночь; все недоѣденное, вмѣстѣ съ изломанными трещетками, какъ болѣе ненужными, бросается въ полѣ (1).

Въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ мѣстностяхъ, Вирьмече, по словамъ г. Филиппова, совершалось за недѣлю до Пасхи, такъ напр. въ одной деревнѣ Туруновскаго прихода, близъ села Ишакъ; въ ней и Пасха (Мун-гон) праздновалась за недѣлю до Христіанской. Изъ этаго, кажется, слѣдуетъ, что теперешнее чувашское названіе Христіанской Пасхи—Мун-гон—большой день нехристіанское. На измѣненіе времени совершенія, такъ называемыхъ г. Сбоевымъ, пасхальныхъ чувашскихъ обрядовъ (2), безъ сомнѣнія много вліяли письменныя требованія сельскихъ причтовъ, посылавшіяся волостному начальству во время поста о высылкѣ прихожанъ въ церковь для говѣнья; такія требованія мнѣ не разъ доводилось читать даже въ послѣднее время.

(1) Въ другихъ мѣстахъ наканунѣ Пасхи, въ Субботу, собираются кромѣ ребятъ и взрослые (мужескій полъ) и берутъ въ руки сверхъ трещетокъ, вербу, связанную пучкомъ или лозой (въ аршинъ длины); заходятъ въ каждый домъ по порядку и ударяютъ вербой каждого, находящагося въ домѣ, говоря: «чирь-чуръ кайдырь» да уйдець болѣзнь! Послѣ побоевъ начинается игра, пляска, а за это хозяинъ угощаетъ пришедшихъ, чѣмъ захочеть.

(2) В. А. Сбоева. Исслѣдованія объ инородцахъ, стр. 144.

Исслѣдованія объ инородцахъ, стр. 144.

Сьурэнь.

Сьурэнь ⁽¹⁾—обрядъ изгнанія изъ жилищъ душъ умершихъ, выпущенныхъ на Пасху (Мун-гонъ), обратно въ царство мертвецевъ. Свѣдѣнія о сьурэнь въ Чебоксарскомъ уѣздѣ мною заимствованы изъ уголовного дѣла, возникшаго по слѣдующему обстоятельству. Чувашинъ деревни Айдаровой, околodka Акчур, Бичуринскаго прихода, Яковъ Филиповъ подалъ въ Воскресенское Волостное Правленіе, что въ селѣ Бичуринѣ, письменное прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что „24 Апрѣля (1869 года); въ четвергъ, на Пасхѣ; по старинному обычаю, у нихъ въ деревнѣ собралась, для сбора яицъ, толпа мальчуганъ отъ 14—20 лѣтъ и съ деревенскимъ старостой во главѣ забралась, между прочимъ, и къ нему, Филипову, съ требованіемъ угостить. Вѣруя въ истиннаго Бога, онъ Филиповъ, вмѣсто угощенія, просилъ толпу удалиться; но староста, настаивая на выполненіи обряда, ударилъ Филипова по плечу и оторвалъ рукавъ рубахи. О самомъ обрядѣ, подавшемъ поводъ къ жалобѣ, Филиповъ разсказалъ слѣдующее. Толпа избираетъ изъ своей среды двухъ загонщиковъ и сборщика съ пещеромъ за плечами. Сборщикомъ въ данномъ случаѣ былъ отставной солдатъ. Эти избранные обыкновенно идутъ впередъ и предваряютъ хозяевъ словами:

Полки килэть, иккъ Идетъ полкъ (толпа),
сьурь сьимарда бар! давай, 200 яицъ!

Домохозяинъ, по старинному обычаю, долженъ дать сборщику два яйца и, выставивъ на дворъ столъ (дѣло обыкновенно происходитъ вечеромъ), угостить толпу пивомъ, а, если можетъ, то и виномъ (ради чего къ

(1) Слово *Сьурэнь* есть или сокращеніе отъ *сьурегень* ходящій, или отъ татарскаго сурмекъ **سورمك سورمك** и **سورومك** гнать, изгонять; **سوركان** сюрьянь выгнанный, или изгоняющій.

мальчуганамъ и присоединяются возрастные). — Въ благодарность за угощеніе толпа на дворѣ пляшетъ подъ звуки кобыз (скрипка) и, прокричавъ до трехъ разъ Алла! и Ура!—идетъ далѣе. Ночью, по обходѣ всѣхъ домовъ, толпа выходитъ въ поле, раскладываетъ тамъ огонь и, сваривъ яйца, дѣлитъ ихъ между собой; нѣкоторые при этомъ перепрыгиваютъ черезъ огонь, приговаривая: „чирь кайдырь“ болѣзнь да удалится (!). Угостившимъ домохозяевамъ толпа высказываетъ желаніе добра, а не угостившимъ накликаетъ несчастія. Обрядъ этотъ, — закончилъ свою жалобу Филипповъ, — извѣстенъ и священно-церковно-служителямъ.

Для характеристики отношеній русскаго населенія къ Чувамамъ, я позволю изложить и дальнѣйшую судьбу этаго дѣла. Какъ носились въ свое время слухи, Якова Филиппова подучилъ подать жалобу не столько на старосту, сколько зловившійся на причтъ, помощникъ писаря упомянутаго Правленія, хорошо знавшій подробности обряда со времени бытности его когда-то волостнымъ писаремъ въ Айдаровскомъ (нынѣ упраздненномъ) Волостномъ Правленіи. Получившій жалобу Филиппова Мировой Посредникъ Селезневъ составилъ постановленіе: 1) сельскаго старосту за описанный выше проступокъ съ Филипповымъ предать суду, 2) совершителей обряда оштрафовать каждаго по 25 коп. сер. въ пользу училищнаго капитала и 3) обстоятельство—же знанія священно — церковно — служителями исполненія крестьянами чувашскаго обряда и непринятія ими никакихъ мѣръ къ искорененію чувашскихъ обрядовъ передать на разсмотрѣніе и заключеніе Епархіальнаго Начальства и затѣмъ дѣло, вмѣстѣ съ своимъ постановленіемъ, представилъ на заключеніе въ Чебоксар-

---

(1) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чуваша въ полѣ скидаютъ съ себя рѣшительно всю одежду и обувь, вытряхиваютъ, бросаютъ наверхъ, или колотятъ о землю и говорятъ: чирь-чурь кайдырь!

ско — козмодемьянскій съездъ Мировыхъ Посредниковъ. Последний, опустивъ изъ виду неподсудность ему дѣла, на основ. 127 ст. общ. Полож. о крест. и 207 ст. Улож. о нак. изд. 1866 г., постановленіе посредника утвердилъ и, сообщивъ въ Чебоксарское уѣздное Полицейское Управление о взысканіи съ совершителей обряда штрафа, дѣло для производства слѣдствія о поступкахъ сельскаго старосты передалъ мѣстному Судебному Слѣдователю, которымъ оно 19 Декабря 1869 года, за № 1621 препровождено товарищу Казанскаго губернскаго прокурора г. Викторову.

Епархіальное Начальство, по сообщенію Мироваго Посредника, въ свою очередь поручило мѣстному Благочинному произвести дознаніе; но что послѣднимъ обнаружено, — свѣдѣній получить мнѣ не удалось. При разспросахъ о сѣренѣ въ другихъ селеніяхъ, Чебоксарскаго уѣзда, меня постоянно отсылали Чуваши за свѣдѣніями въ Цивильскій уѣздъ и въ деревню Тансарину (Тобах), Вишевскаго прихода, гдѣ быть и разпросить кого либо мнѣ однакожь не привелось. Въ деревнѣ Акшикъ Кучкѣвскаго прихода мнѣ передавали, что дѣтъ 30 тому назадъ въ этой деревнѣ на Пасхѣ справлялся совершенно тожественный съ сѣурѣнъ — меркемес⁽¹⁾. Во время этаго праздника по деревнѣ такъ же собирались яйца и ватрушки, куски коихъ, по выходѣ со двора, съ благожеланіемъ хозяевамъ, закидывались на крыши домовъ. Но разъ, во время этого праздника случилось убійство и обрядъ съ тѣхъ поръ болѣе не совершается. Въ сосѣднемъ окологдѣ Иштрек-касы на 3-й день Пасхи, послѣ полдень, дѣти и сейчасъ собираютъ по деревнѣ яйца, орѣхи и затѣмъ съ набраннымъ добромъ, верхомъ на перепелѣсыхъ палкахъ (съ снятой съ нихъ винтообразно корой),

(1) Это слово, кажется, арабское или татарское *مرحمت* *мерхе-чметъ* состраданіе, сожалѣніе, милосердіе, или еще лучше *мерхумъ* сподобившійся милосердія Божьяго, — умершій.

отправляются въ оврагъ, въ которомъ и съѣдаютъ со-
бранное. Самый обрядъ здѣсь называется Микимерес (?)

Въ Ядринскомъ уѣздѣ съурэнь, между прочимъ
справляется въ приходѣ села Малой Шатьмы. Вече-
ромъ, — писалъ мнѣ г. Филипповъ, — послѣ заката солн-
ца (къ сожалѣнію неизвѣстно въ какомъ мѣсяцѣ),
мальчики, собравшись со всей деревни, берутъ въ ру-
ки каждый по пруту и начинаютъ съ ними бѣгать по
всѣмъ дворамъ. Домохозяева, по приходѣ такихъ го-
стей, выносятъ на дворъ свою одежду, которую маль-
чики начинаютъ хлыстать прутьями для того, чтобы
отъ нее все нечистое отстало; дряхлые старики ло-
жатся подъ прутья сами не раздвываясь. Если домохо-
зяинъ одежду мальчикамъ на дворъ невынесетъ, они
отламываютъ отъ прутьевъ своихъ кончики и остав-
ляютъ ихъ на дворѣ съ пожеланіемъ:

Сан бада чирь пол-   У тебя болѣзнь да
дыр!   будеть!

За труды мальчикамъ въ каждомъ домѣ даются
печенныя яйца, которыя они, по обходѣ всѣхъ домовъ,
съѣдаютъ гдѣ нибудь въ оврагѣ.

Въ Байтеряковскомъ приходѣ, послѣ Пасхи, на
Троицкой недѣлѣ, въ Воскресеніе къ вечеру, молодежь,
по обычаю своему, гоняетъ чертей подъ названіемъ
„срень“. Изъ нихъ въ это время: кто верхомъ, кто
пѣшкомъ, держа каждый въ рукахъ по одной пал-
кѣ, сдѣланной въ видѣ сабли, ѣздятъ и ходятъ по
всему, селенію съ двора на дворъ съ пѣснями. Когда
станутъ приближаться къ дому, какого нибудь чува-
шенина, тогда всѣ молодые люди, постепенно входя
на дворъ и ударяя дѣревянными саблями по воротамъ,
по заборамъ, кричатъ:

Шойтан, тох, тазал!   „Дьяволъ выдь-удались
Чирь-чѣр, тох, тазал!   (изъ сего дома)!

Разныя болѣзни смерт-
ныя выходите, удалитесь“!

Семейные же дома угощают их пивомъ, а иногда и водкою, даютъ имъ сырцевъ, говядины, яицъ и калачей, которые тотчасъ же кладутся въ пещеры, (1) носимые ими для этого случая. Минуть, урезъ 10-ть старшій такого сборища, бьетъ всѣхъ семейныхъ отъ старшаго до младшаго своимъ оружіемъ, произнося тѣже самыя слова; а потомъ отправляются въ другіе слѣдующіе дома съ шумомъ и крикомъ. Обойдя всю деревню, всѣ отправляются прямо къ кладбищу, гдѣ на лужайкѣ (близъ кладбища) собраны ими яйца, калачи и проч. ѣдятъ, сидя по кучкамъ. Предъ возвращеніемъ домой, будто пугая въ послѣдній разъ чертей, сами себя хлыщутъ палочными саблями, и потомъ отправляются домой, какъ бы чистыми. Несѣденные ими остатки остаются на долю собакъ. Итакъ значеніе слова „срень“ по всему вышеизложенному есть очищеніе отъ злыхъ духовъ-демоновъ, явившихся вслѣдъ за душами усопшихъ изъ кладбища въ Пасху, во время поминовенія.

Впрочемъ не во всѣхъ деревняхъ „срень“ бываетъ въ одно и тоже время: въ однихъ раньше вышеупомянутаго дня, въ другихъ много позже. На примѣръ, въ деревнѣ Большихъ Яльчикахъ „Срень“ всегда бываетъ передъ Троицей въ пятницу. Къ этому дню Чуваши сей деревни готовятъ много пива, зная, что стеченіе народа будетъ весьма многочисленное изъ сосѣднихъ деревень. Дѣйствительно, въ этотъ день Чуваши окрестныхъ селъ и деревень утромъ рано, кто на лошадахъ, кто пѣшкомъ отправляются туда, чтобы посмотреть на „Срень“. Народу такъ бываетъ много, что можно подумать, не ярмарка-ли! собирается. Церемонія же „срени“ заключается въ слѣдующемъ: прежде молодые люди верхами на лошадахъ ѣздятъ по дворамъ за сурбанами (головными повязками); обѣхавъ всю деревню, отправляются въ поле, гдѣ подъ открытымъ небомъ, на ровномъ лугу, начинается спер-

(1) Пещерами называются плетенныя изъ лыкъ сумки или чемоданы.

ва гонка лошадей; потомъ молодые люди сами, отъ известнаго ими предназначеннаго мѣста, бѣгаютъ, т. е. играютъ въ перегонки; по окончаніи всего этого, начинается между молодцами борьба. За всѣмъ тѣмъ, въ знакъ отличія, и лошадямъ перегнавшимъ другихъ лошадей и молодымъ людямъ за перегонку и борьбу, дается по одному платку—сурбану. Этимъ и оканчивается вся игра на дугу. Оттуда отправляются все въ деревню пить—гулять. Передъ вечеромъ начинается уже самый настоящій „срень“ также, какъ и въ прочихъ деревняхъ.

Подобно Яльчиковскому „срень“ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ сурэнь совершался у Черемисъ деревни Именецъ—Бѣлякъ и притомъ разъ въ семь лѣтъ. Предвѣстникомъ его служила оглушительная игра мальчиковъ на рябиновыхъ самодѣльныхъ дудкахъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Въ самый день сурэня музыканты эти выходили въ паровое поле, по которому парни—женихи пускались верхами отъ известнаго мѣста въ перегонку, при чемъ, если кто во время самой отчаянной скачки съ лошади упадалъ, тотъ, хотя бы случайно вовсе не ушибся, не премѣнно долженъ умереть. Избороздивъ поле, какъ сохой, парни спускались подъ гору и, поклонившись горѣ съ произнесеніемъ какихъ—то причитаній, со всей публикой расходились по деревнѣ для пьянства. На это празднество въ Именцы съѣзжались Черемисы даже изъ сосѣднихъ уѣздовъ—Казанскаго и Царевкокшайскаго. Въ послѣднее время празднованіе сурэнь должно было совершиться въ Именцахъ въ 1875 году, но такъ—какъ въ этомъ году предстояло освященіе вновь выстроенной церкви и переименованіе деревни въ село, то приходскій священникъ воспретилъ праздновать сурэнь. Черемисы послушались своего пастыря. — Подобный обряду сурэнь весной старокрепченые татары, мамадышскаго уѣзда, совершаютъ шейлыкъ.

Вопкын чуклэни.

Вопкын—чуклэни—моление объ избавленіи отъ повальной болѣзни—холеры, чумы, падежа скота ⁽¹⁾. Слово „вопкын“ значить пучина, водоворотъ, пропасть, прозорливый, обжора и духъ съ означенными свойствами, имѣющій видъ собаки. Вотъ что объ немъ рассказывала въ 1875 году своимъ однодеревенцамъ йомзя деревни Масловой Татьяна аппа (Тетка Татьяна), по поводу бывшаго у нихъ тогда падежа на скоть. Передавая слова почтоваго ямщика, она сообщила, что однажды почталіонъ ѣхалъ домой. Въ полѣ настигла его, шедшая пѣшкомъ съ двумя собаченками, женщина и попросила посадить ее. Во время разговора, между прочимъ о падежѣ скота, пассажирка неожиданно соскочила съ телѣги и, превратившись въ собаку, начала грысть бѣжавшихъ за ней собакъ. Когда женщина снова сѣла къ ямщику, онъ спросилъ ее, для чего это она такъ сдѣлала? Она отвѣчала: я киреметь; собаченкамъ этимъ я велѣла въ деревнѣ Анчиковой, Тюрлеминскаго прихода, оставлять по три головы скота каждому домохозяину, а они уничтожаютъ всѣхъ; у васъ въ деревнѣ Масловой будутъ только болѣть ноги у овецъ, какъ и было въ дѣйствительности. Татьяна аппа слышала этотъ рассказъ отъ ямщика, и передавая его однодеревенцамъ, она приглашала ихъ совершить чук вопкыну, что тѣ и сдѣлали, собравъ предварительно крупу, масло и т. д. Въ жертву Вопкыну приносится три черныхъ ягненка, коихъ йомзя, при содѣйствіи двухъ стариковъ-

---

(1) Въ Исторіи философіи Архимандрита Гавріила (Казань. 1840 г. ч. VI. Стр. 10—17) Вопкынъ названъ ошибочно Каскя-Допканъ Эсрель. Сравн. Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ. Свящ. Никифора Каменскаго. Казань. 1879 г. Стр. 8. 9. 10.—Нѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Свящ. В. Я. Смѣлова. Извѣстія по Казанской Епархіи 1880 г. № 20. Стр. 532.

закалаеть гдѣ нибудь въ уединенномъ, | оврагѣ и ва-
рять, кромѣ ихъ, еще кашу, въ трехъ котлахъ. Котлы
эти предназначаются:

1. Вокын Торрынэ.	2. Вокыну Богу.
3. Вокын ашшенэ.	4. Отцу Вокына.
5. Вокын амышнэ.	6. Матери Вокына.

Передъ тѣмъ, какъ приниматься кушать жертвен-
ное мясо и кашу, йомзя читаетъ молитву:

«Е бисъмэлле! Вокын Тора, Вокын ашше, Вокын амыже. сырлага барыр! Ажа казарыр! Ялды чырэ тазатса тохса каир! Хинь азаб анбарыр! Тватта кудеслэ сяндалык кьеста савна сявында каир, пиринь ялда анборныр!»

«Во имя Бога! Выпкын богъ, отецъ Вокына, мать Вокына помилуйте! Изъ снисхожденія простите! Очистивъ деревесную болѣзнь (деревню отъ болѣзни), удалитесь! Не посылайте мучительной болѣзни! Ступайте на все четыре стороны свѣта, куда угодно (гдѣ понравится), а въ нашей деревнѣ не пребывайте!»

По совершеніи обряда, шкуры ягнятъ и остатки жертвенныхъ кушаній зарываются въ землю (1).

Хирь аги: (Хирь соги).

Хирь аги, хирь соги—обрядъ опахиванія селеній, въ огражденіе заболѣваній домашняго скота и людей отъ повальныхъ болѣзней. Въ Тюрлеминскомъ, приходѣ для совершенія этого обряда сельскимъ старостой, по приказанію мірскаго схода, наряжаются все подворно взрослые дѣвушки; изъ коихъ одна дѣвица—единствен-

(1) Сравни. Такая кляу у старокрещенныхъ татаръ. Религіозно-нравствен-
ное состояніе крещеныхъ татаръ Казанской губерніи Мамайтскаго уѣзда.
М. Машанова. Казань. 1875 г. стр. 24.

ное дѣтище въ семьѣ, выбирается для управленія предназначенной для опахиванія села сохой (ага, сога), а остальные дѣвицы запрягаются въ эту соху, снявъ съ себя предварительно йимь (штаны) и распустивъ косы. Впрягшіяся въ соху дѣвицы берутъ въ руки жгуты, а управительница—обыкновенный кнутъ. Наряжая дѣвицъ для опахиванія селенія, староста въ тоже время приказываетъ во всѣхъ домахъ тушить огонь, а къ началу процессіи ставитъ у полевыхъ воротъ, при въѣздахъ въ деревню и выѣздахъ изъ нее, караульщикомъ съ строгимъ наказомъ ни изъ деревни никого не выпускать, ни въ нее впускать. Процессія идетъ вокругъ деревни по солнцу. Послѣ опахиванія сохой всего селенія, въ поле выносятся двѣ дубовыя плахи, изъ коихъ одна обдѣливается на подобіе пилы, а другая кладется плашмя, и затѣмъ двое начинаютъ ихъ одна объ другую тереть для полученія огня. Третій наготовѣ держитъ трутъ. Если огонь долго не добывается,—признакъ, что огонь не во всѣхъ домахъ затушенъ. Добывъ огня, участники процессіи немедленно разводятъ его и варятъ яйца, а затѣмъ разносятъ огонь по домамъ. Обрядъ этотъ обыкновенно совершается ночью. Лѣтъ пять тому назадъ, два татарина (торговцы изъ деревни Карамышевой), наткнувшись въ селѣ Тюрлемѣ на опахивающую селеніе процессію, вздумали было, не смотря на предупрежденіе, потѣшиться надъ впрягшимися въ соху дѣвушками, ударяя ихъ кнутами, какъ лошадей. но за это сами были до того чувствительно избиты, что пролежали въ постели по мѣсяцу. Сознавая собственную вину, Татары жалобы на побои ни кому не подавали.

Доказательствомъ повсемѣстнаго существованія во 2 станѣ Чебоксарскаго уѣзда обряда опахиванія у Чувашъ служатъ борозды вокругъ каждой деревни.

Въ деревнѣ Рѣшетниковой (Ватнэр) Чуваши вѣрятъ, что вокругъ ихъ деревни подъ землей проведена желѣзная проволока, и потому у нихъ падежей скота не бываетъ. и

Татары деревни Карамышевой, въ предупрежденіе скотскаго падежа, въ случаѣ появленія его, прокапываютъ въ какомъ нибудь слишкомъ выдавшемся бугрѣ полукруглый сквозной проходъ, въ которомъ по срединѣ зарываютъ по шею живую собаку и затѣмъ въ полень, сквозь вырытый проходъ, прогоняютъ весь свой скотъ. Послѣ этого, вернувшись домой, заливаютъ во всѣхъ домахъ огонь и вновь добываютъ его, какъ и Чуваши, треніемъ.—Добытый этимъ способомъ огонь разводится у полевыхъ воротъ, и чрезъ него прогоняется съ поля домой скотъ. Обрядъ этотъ, по рассказамъ Карамышевскихъ Татаръ, былъ выполненъ у нихъ лѣтъ 15-ть тому назадъ, и съ тѣхъ поръ оврагъ, въ которомъ совершалось изложенное, носить названіе „сыир кичувэ чогры“.

Одна русская женщина изъ села Алексѣевскаго (Сизинери) рассказывала мнѣ, что у нихъ, въ Алексѣевскомъ, на канунѣ перегона скота черезъ огонь, добытый также треніемъ и разводимый въ нарочно-вырываемомъ за селомъ рвѣ, точется—„обыденна новина“ изъ нитокъ, нарочно напряденныхъ, по заказу мірской сходки, дѣвушками или женщинами.

Болѣзни и ихъ лѣченіе.

Для излѣченія болѣзней Чуваши владѣютъ крайне ограниченнымъ запасомъ свѣдѣній о лѣкарственныхъ средствахъ; изъ числа послѣднихъ, сколько мнѣ извѣстно, у нихъ наиболѣе употребительны: деревянное масло, камфара, сахаръ, вино и нѣкоторыя травы,—послѣднія исключительно пережженные для наружнаго натиранія. Болѣе радикальными средствами для излѣченія служатъ у нихъ нижеслѣдующіе обряды, паговоры и жертвоприношенія духамъ, что, впрочемъ, совершенно согласно съ ихъ возрѣніемъ на недуги, какъ существа одушевленные произвольно или по напуску недоброжелателей постигающіе и мучащіе человѣка до изнуренія или до смерти.

1) Лѣченіе оспы (чечек).

Отъ оспы въ деревнѣ Масловой поятъ по 12-ти разъ въ сутки разведеннымъ въ водѣ каломъ отъ жеребятъ и наговоренной наговорникомъ (вируссе) водой съ солью.—Жеребьяче кало (тига пугэ) считается лѣкарственнымъ потому, что жеребенокъ ѣлъ разныя травы, въ числѣ которыхъ, конечно, находятся и лѣкарственные. Кало собственно выжимается и сокомъ отъ жеребьячаго кала поятъ, умываютъ младенцевъ, больныхъ оспой.

2) Лѣченіе золотухи (йыт позе—собачья голова):

Золотушнымъ намазываютъ голову масломъ и затѣмъ призываютъ собаку облизывать ее. Въ то время, какъ собака облизываетъ голову больного; нерѣдко до крови, йомзя, срѣзавъ съ головы собаки клокъ шерсти, сжигаетъ его на лучинѣ, и затѣмъ золой посыпаетъ больное мѣсто, приговаривая:

Йыт посьне сьондарза, Собачью голову жгу,
кюлэбэ сабадып. Йыда- золой посыпаю. Будь
бэк хьда бол! Пизэ бол! твердъ, какъ собачья го-
Тьфу, тьфу! лова! Будь гибкій! Тьфу,
тьфу!

Или же для излѣченія шишки на головѣ, берутъ кость собачьей головы, касаются костью къ шишкѣ и, отводя руку съ костью въ сторону, начинаютъ считать: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Послѣ чего говорятъ: тухурь сирелэ саланза кайдырь, т. е. да разсыплется (болѣзнь) на всѣ девять сторонъ! Потомъ считаютъ до 7, т. е. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, и говорятъ: ситче сирелэ саланза кайдырь. Потомъ считаютъ до 5; и говорятъ: биликъ сирелэ... Считаютъ до 3-хъ виссе сирелэ... Наконецъ дѣкаръ шаркнетъ костью около шишки одинъ разъ и скажетъ: дерь перзырь о полдырь,

тьфу! т. е. пусть будетъ одинъ безъ одного, т. е. пусть не останется вовсе болѣзни! Тьфу! Лѣкаръ плюетъ при этомъ и кость забрасываетъ куда либо дальше. Въ другихъ мѣстахъ считаютъ нечетныя числа, начиная сперва съ 9: 9, 7, 5, 3, 1. Потомъ: 7, 5, 3, 1. Еще: 5, 3, 1. Затѣмъ: 3, 1. Накосецъ 1 тьфу и проч. Подобнымъ счетомъ вылѣчиваютъ золотуху на шеѣ, ячмень на глазу, только въ первомъ случаѣ берется въ руку гнилая веревка, а при болѣзни глазъ—ячменное зерно.

3) Лѣченіе боли въ поясницѣ.

Этого рода больнымъ нарочито отысканная перь азя—ран, ама—ран хирь (единственная дочь у отца съ матерью) топчетъ спину, приговаривая:

Перь азя—ран, амаран хирь таптадып. Санын (казян) сьорым ⁽¹⁾ тѣрль-лендыр! Тьфу, тьфу, тьфу!	Я, единственная дочь у отца—матери, топчу. Твоя спина да исцѣлится (выправится)! Тьфу, тьфу, тьфу!
---	--

4) Лѣченіе ушибовъ.

На то мѣсто, гдѣ упалъ и ушибся ребенокъ, въ деревнѣ Масловой льютъ съ конца ножа соленую воду и плюютъ, приговаривая:

Манын ача ѳкмэн, сьорчик укнэ.	Мой ребенокъ не упалъ; слюна упала.
--------------------------------	-------------------------------------

Потомъ тѣмъ же ножемъ срѣзываютъ съ коровай хлѣба горбушку, которая называется йомъ сынны сѣкры т. е. хлѣбъ на полѣзу, или ради больнаго початой хлѣбъ. И, вынеся ее на дворъ, оставляютъ тамъ гдѣ—нибудь на столбѣ забора.

(1) Словомъ казян въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ означаетъ сиппа, а въ Ядринскомъ уѣздѣ называется этимъ именемъ женскій половой органъ, а сиппа сьорымъ.

5) **Ача нишэ** (¹) — собачья старость или дѣтское худосочіе.

Положивъ ребенка на разсученный слой тѣста, разостланный на лопатѣ, окпрываютъ его сверху другимъ такимъ же слоемъ и, зашпиавъ края въ видѣ пирога, съ отверстіемъ для рта, до 3 разъ просовываютъ младенца въ печь, поверхъ горящихъ въ челѣ углей, причѣмъ йомзя приговариваетъ:

Ача вишлэдеп! Тох нишь! — Излѣчиваю ребенка отъ худосочія. Выходи худосочіе.

Затѣмъ призвавъ собаку, сбрасываютъ ребенка съ лопаты сквозь хомутъ къ порогу, гдѣ собака съѣдаетъ покрывавшее ребенка тѣсто. При этомъ йомзя снова читаетъ молитву, которая мнѣ пока неизвѣстна.

Такимъ же способомъ хилыхъ дѣтей лѣчатъ и Русскіе въ Бѣловолжскомъ приходѣ и даже въ г. Чебоксарахъ.

Въ Чебоксарахъ, какъ мнѣ передавалъ содержатель одной вѣзжей квартиры, — отставной солдатъ села Косякова, Свіяжскаго уѣзда, по поводу хилости своего перворожденного ребенка — для совершенія описаннаго обряда приглашаются двѣ жѣнщины, которыя при залеканіи произносятъ такія же слова, какъ при окуриваніи коровъ.

Въ Бѣловолжскомъ приходѣ, кромѣ того, дѣтей, одержимыхъ собачьей старостью, просовываютъ сквозь разщепленный съ помощью клина дубовый рычагъ и притомъ такъ, чтобы рубашка съ ребенка сорвалась и осталась въ рашелинѣ. Если не ошибалось, рубашка въ послѣдствіи забивается осиновымъ коломъ въ передній уголъ избы.

Въ рукописи К. Степанова о виновникѣ Ниш чирь говорится слѣдующее:

(¹) Нишь персидское слово *نیش* ужалѣніе, уязвленіе, жало.

Хирь, хирь позьнах
ача туза пьдарза, сыва
ача ниш полать, теть.
Ниш пичикь ача халзыр
тувать.

Если дѣвица во время
дѣства родила и скрыла
(т. е. извела) младенца,
то душа этаго младенца
дѣлается, говорятъ, дѣт-
скою болѣзнію—нишемъ.
Болѣзнь нишь маленькихъ
ребятъ дѣлаетъ хилыми.

По сообщенію священника села Старыхъ Шига-
лей, Цивильскаго уѣзда, Г. Ф. Филиппова, въ прихо-
дахъ сель: Тюрлемы и Старыхъ Шигалей, а также
во многихъ другихъ мѣстахъ, Чуваши вѣрятъ:

1) Если дѣвица умереть не нарушивъ своего цѣло-
мудрія, то она на томъ свѣтѣ сдѣлается женою Эсреля
(ангела смерти) и будетъ она у него, Эсреля, мыть
его бѣлье. Въ предупрежденіе такой будущности вся-
кая дѣвица, до выхода замужъ, обязательно должна
завести съ кѣмънибудь любовную связь и нарушить
съ нимъ свою честь. Матери-чувашки, оплакивая до-
черей, умершихъ дѣвственницами, приговариваютъ:

Ах, Тор, Тор, хирим   О; Господи, Господи,
Эсрель арыме больче!   моя дочка сдѣлалась же-
ною Эсреля!

2) Если дѣвица умереть, нарушивъ цѣломудріе, но
не вышедъ замужъ, то на томъ свѣтѣ у нея груди будутъ
сосать змѣи до тѣхъ поръ, пока она на томъ свѣтѣ не
выйдетъ замужъ и не родитъ ребенка, по этому вся-
кая дѣвица должна выйти замужъ и родитъ ребенка.

3) Дѣвица, на томъ свѣтѣ дѣлается женою того
человѣка, съ которымъ она нарушила свое цѣломудріе,
по этому всякая дѣвица нарушаетъ свое цѣломудріе съ
тѣмъ, за котораго ей хотѣлось бы выйти замужъ и это на-
рушеніе цѣломудрія дѣвица ухитряется исполнить и
тогда, когда ее родители просватываютъ за жениха
не по мысли ея, чтобы на томъ свѣтѣ ей не быть же-
ною послѣдняго.

Въ силу такихъ вѣрованій, мужья упрекаютъ своихъ женъ за дѣвственность (1).

4) Когда жены не родятъ дѣтей отъ своихъ мужьевъ, тогда стараются привлечь къ любовной связи мужчинъ, отличающихся плодовитостью.

5) Когда и родятъ, но мужья живутъ бѣдно, вообще въ несчастіи, тогда жены стараются завести любовную связь съ тѣми мужчинами, которые живутъ въ счастіи.

При распросахъ между прочимъ о „противозаконномъ сожителствѣ“, для составленія Этнографическаго очерка преступленій и проступковъ во 2-мъ станѣ Чебоксарскаго уѣзда, мнѣ ранѣе одинъ черемисинъ Красно-ярскаго прихода сообщилъ; что и у Черемисъ рѣдкая дѣвушка выходитъ замужъ дѣвственной, и что мужья этимъ точно также нисколько не возмущаются. Тогда я, какъ и другіе, такое явленіе объяснилъ себѣ поздней выдачей Чуваши и Черемисами дочерей въ замужество, но истинная причина его и у Черемисъ едва-ли не въ религіозныхъ вѣрованіяхъ.

6) Ынзырт — напрасная обида.

Болезнь эта приключается отъ прохода мимо ссорящихся и излѣчивается въ деревнѣ Масловой водой съ обмытыхъ рукъ, ногъ и лица ссорившихся, которую больной пьетъ, какъ лѣкарство.

Въ Ядринскомъ уѣздѣ таже болѣзнь называется хаар. Въ предупрежденіе заболѣванія ею слѣдуетъ, проходя мимо ссорящихся, пнуть ихъ ногой или ткнуть рукой. Когда болѣзнь приключилась, то говорятъ:

(1) Тѣмъ не менѣе однакожъ на сватбахъ въ некоторыхъ мѣстностяхъ, въ подражаніе Русскимъ, свахи выносятъ въ извѣстный день на показъ гостямъ *Signa innocentiae* молодой. Отсутствие ихъ вызываетъ на смѣшки надъ родителями, молодой: имъ подается пиво въ ковшичкѣ, съ дырочкой, зажатой рукой подносчика. См. Исслѣдованія объ инородцахъ.. В. А. Сбоева, стр. 38. Очеркъ юридическаго быта Чувашъ: Казанскія Губернскія Вѣдомости 1868 г. № 89.

„ынжыртъ укрэ“, или „хаяръ ўкрэ“,—болѣзнь напалѣ. Признаки этой болѣзни: тошнота и даже рвота,—ломота въ головѣ и лихорадочное состояніе. Лѣчатъ эту болѣзнь, обыкновенно, корнемъ инбиря и корнемъ полыни.

Наговоры.

1) **Соль хаяре чильги** наговоръ противъ несчастія въ дорогѣ.

Въ предупрежденіе заболѣваній въ пути, Чуваши, отправляясь куда—либо на долго изъ дому, напр. въ работники, солдаты, женихъ съ невѣстою къ вѣнцу,—по выходѣ или выѣздѣ изъ полевыхъ воротъ деревни, вынимаютъ изъ кармана мѣдную копѣйку, обертываютъ ее до 3-хъ разъ вокругъ головы, приговаривая:

Хиресь хаяр сякна   На дорогѣ встрѣтив-
йзэ йолыр, ман—ба пер-   шіеся злые духи это возь-
ле анбырыр, сак окся-   мите, вмѣстѣ со мною не
ба борныр!   ходите, съ этими день-
      гами живите; (будьте до-
      вольны)!

И затѣмъ, положивъ копѣйку на правую сторону дороги (1), отправляются далѣе.

Подлежащіе рекрутчинѣ, чтобы не попасть въ солдаты, въ деревнѣ Масловой передъ наборомъ начинаютъ носить съ собой часть дѣтской сорочки (пузыря), вслѣдствіе чего, по мнѣнію Чувашъ, человекъ тотъ тусрэнъ каять (измѣнится въ лицѣ, т. е. заболѣетъ и сдѣлается непригоднымъ въ солдаты).

Съ тою же цѣлью Чуваши производятъ раны

(1) Такихъ денегъ сами Чуваши никогда не подбираютъ изъ болзни заболѣваній. См. Преданія Чувашъ... Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 24.

сѣменами волчьего лыка, разжеванными съ мышьякомъ (¹).

Въ Мало—Шатминскомъ приходѣ для того—же обертываютъ ноги выбрасываемымъ послѣ покойниковъ бѣльемъ.

Тамъ—же рекруты, проѣзжая мимо своихъ загоновъ, по пути въ городъ, дѣлають загонамъ три земные поклона, а живущіе въ селахъ до 3-хъ разъ объѣзжаютъ приходскую церковь, прощаясь съ селомъ.

Въ Ядринскомъ уѣздѣ въ Богатыревскомъ приходѣ рекруты, отправляясь на службу, захолятъ на гумно и тамъ предъ столбомъ, который стоитъ среди тока, дѣлають три земныхъ поклона и, цѣлуя столбъ, говорятъ:

Эй Тора, сякъ идемъ Боже! не отлучи меня
йобинчень анойэръ. ня отъ этого столба.

Главная мысль Чувашъ при этомъ та, что они не желаютъ умереть на войнѣ, и вообще на службѣ, а желаютъ опять возвратиться на родину и предаться земледѣльческимъ занятіямъ.

2) **Вонкын чильги**, т. е. наговоръ противъ Вонкына.

Вонкын чильги наговаривается отъ боли въ животѣ, чѣмъ Чуваши страдаютъ очень часто. Ощупавъ животъ больного, йомзя лѣбъявляетъ:

Сана Вонкын вонны; Тебя вонкынъ поймалъ;
вирьзэ барзан тўрлэнеть. если (подувши дать)
наговорить, болѣзнь излѣ-
чится.

Въ случаѣ согласія больного, (а противнаго, конечно, никогда не случается), йомзя выпрашиваетъ се-

(¹) Лѣчебныя травы Чувашъ деревни Масловой Чебоксарскаго уѣзда. Протоколы Каз. Общ. Естествениспытателей за 1875 г.

бѣ ковшъ воды, кочедыкъ, щепотку соли и, опустивъ соль въ ковшъ, начинаетъ воду кочедыкомъ взбалтывать, приговаривая:

Е бисьмѣлле! Перъ Тора анбрахъ! Тьфу! Тора-ранъ сырлагу кильдэр, патша-ран ырлыхъ кильдер, йомзя-зэнь, вирусее-зэнь сышлех тивдэр! Тьфу! Тох Вопкын (сяк сын)! Варне (хырымне) ырат-тарва пулгатса ансѳрэ! Тьфу! Късандакъусян тинизе, Адыла, курмана, чола, вот съолымне, тѳдѳме, ойыга, хвэлэ, сьулдырзэнэ Вопкын вопны, сьвын чох (сяк сынна) Вопкын воптыр! Тьфу! Патша ларать, тѳрэ ларать, хвэлъ ларать, ойых тавырнать, кон тавырнать, Вопкын эстэ сьвзем бек таврынза сьурек каска ышнэ кирзе кай! Тьфу!

Во имя Бога! Одинъ Богъ не остави! Тьфу! Отъ Бога помилованіе да придетъ, отъ царя благодать да придетъ, отъ йомзей, отъ наговорниковъ (которые дуютъ) пользительность да коснется больнаго! Тьфу! Выдь Вопкын изъ этаго человѣка! Животу и желудку не причный боли урчаніемъ! Тьфу! Когда море, Волгу, камни, пламя огня, дымъ, мѣсяць, солнце, звѣзды Вопкын испортитъ, тогда пусть этаго человѣка Вопкынъ портитъ! Тьфу! Какъ Царь (твердо) сидитъ (на своемъ тронѣ), какъ судья возсѣдаетъ въ судѣ, какъ солнце заходитъ садитъся, мѣсяць возвращается, день поворотъ дѣлаетъ, такъ и ты, Вопкынъ возвращайся и убирайся въ гнилюю колоду! Тьфу!

Окончивъ заговоръ, йомзя обмываетъ наговоренной соленой водой больнаго, приговаривая:

Шыв ба сьуза, тазатса ярадыш; тазал. Тох Вопкын (сяк сын) ыжынь-чень, чиккинъ чень, цѳве сьенчень, позе - кузинь-

Водою обмываю, очищаю и отпускаю; очистись. Выдь Вопкын изънутри этаго человѣка, изъ всего тѣла, изъ головы,

чень, шумми—шаккинъ-
чень! Тьфу, тьфу, тьфу!

глазь, изъ мозга костей!
Тьфу, тьфу, тьфу!

3) Ййэ, вубур, шадын чильги.

Наговоръ противъ трехъ духовъ: домового (ййэ), вѣдьмы (вубуръ) и шадына (злаго духа)—употребляется для излѣченія ломоты. Страждущему этой болѣзнью йомзя, какъ и въ предшествовавшемъ случаѣ, предварительно объявляетъ:

Ййэ, вубур, шадын сь-
бьсьнэ сана; вирьзень
търледэдын; эпь вирь-
мэ ұста.

Ййе, вубур, шадын при-
стали къ тебѣ; если дуть,
то выльчу; я дуть ма-
стеръ.

Уговорившись съ больнымъ и приготовивъ нужные при наговорѣ предметы, йомзя кладетъ больного на полъ, ногами къ иконѣ, головой къ двери, обкладываетъ его кругомъ соломой и, зажегши ее спичкой, сидя на лавкѣ, произноситъ:

Е бисьмэллэ! Перь То-
ра анбрах! Тьфу! Тора-
ран, сырлагу кильдэр,
пѣтшаран, ырлых киль-
дэр, йомьсь-вирүссень
сыпылех тивдэр! Тьфу!
Тох ййэ, тох вубур, тох
шадын! Сырә хуза кларма
кильдэм. Тьфу!

Е бисьмэллэ! Единъ
Богъ не оставь! Тьфу!
Отъ Бога помилованіе да
придетъ, отъ Царя добро
(благополучіе) да придетъ,
отъ йомзи-заклинателени-
цы польза да получится!
Тьфу! Выйди ййе, выйди
вубуръ, выйди шадын (!)
Я пришелъ изгнать васъ.
Тьфу!

Потомъ начинаетъ хлытать больного пучкомъ связанныхъ шиповыхъ прутьевъ, приговаривая:

(¹) Слово шадынъ, очевидно, происходитъ отъ Еврейскаго корня шудъ שׁוּד , отсюда шедъ שׁוּד темная сила, злой духъ, бѣсъ; во мн. ч. шедимъ שׁוּדִים употребляется о богахъ языческихъ, рассматриваемыхъ какъ демоны. Второз. 32, 17; Псал. 106, 37.

Пурть ийи, вубуре, ша-
дыне тогыр!

Мунча ийи, вубуре, ша-
дыне тогыр!

Карда ийи, вубуре, ша-
дыне тогыр!

Ой ийи, вубуре, ша-
дыне тогыр!

Бурман ийи, вубуре, ша-
дыне тогыр!

Арман ийи, вубуре, ша-
дыне тогыр!

Сьол ийи, вубуре, ша-
дыне тогыр!

Сьырма ийи, вубуре, ша-
дыне тогыр!

Шыв ийи, вубуре, ша-
дыне тогыр! Тьфу!

Хирих перь тапхыр ся-
бадыш, хирих перь тусьлэ
вотпа сьондарадыш! Тьфу!

Домовые: ийе, вубурь,
шадын выходите!

Банные ийе, вубурь,
шадын выходите!

Ийе, вубурь, шадын
скотнаго двора выходите!

Полевые: ийе, вубурь,
шадын выходите!

Льсные: ийе, вубурь,
шадын выходите!

Ийе, вубурь, шадын
мельницы выходите!

Ийе, вубурь, шадын
дороги выходите!

Ийе, вубурь, шадын
оврага выходите!

Водяные ийе, вубурь,
шадын выходите! Тьфу!

(41) Сорокь одинь разь
ударяю, сорока однимь
родомь огней сжигаю!
Тьфу!

Послѣ этаго йомзя начинаетъ больнаго обмывать,
приговаривая:

Тьфу! Виссе тусьлэ
озалэм тогыр! Сырэ хуза
кларашшинь хирих перь
тусьлэ тинис шыве изэ
кильдэм, сявынба сьуза
хуза тазатса кларадыш.
Тьфу!

Тьфу! Трехь родовь
злыевыходите! Чтобь вась
выгнать, сорокь одинь
родь морской воды при-
несь, этой водой смою и
выгоню. Тьфу.

Обмывши больнаго, йомзя начинаетъ крошить
хлѣбь. Раздѣливъ послѣдній на 41 долю, йомзя ку-
сочки эти обертываетъ 41 разь вокругъ головы боль-
наго и залѣмь, вышедши на дворь, выбрасываетъ ихъ
по одному. Тоже самое дѣлаетъ йомзя потомь и съ
наговоренной родой.

Упомянутые въ этомъ наговорѣ духи, иже прежде жили на небѣ, Тора ба перьлэ (вмѣстѣ съ Богомъ), и назывались тамъ шойган. Когда ихъ расплодилось много, Богъ однажды на нихъ за что-то осердился и съ неба стокнулъ; при этомъ тѣ, которые упали на избу, стали пуртъ ийи, на баню—мунча ийи и т. д.

4) Сьумуллхъ ачильги—наговоръ для облегченія болю (отъ глаза).

Наговаривается этотъ наговоръ по просьбѣ страждущихъ общимъ расслабленіемъ. Для излеченія отъ этой болѣзни йомзя, взбалтывая кочедыкомъ въ ковшѣ съ водой соль, наговариваетъ:

И бисмэллэ! Перь Тора анорах! Тьфу! Тора-ран сьырлату кильдэр, патшаран ырлах кильдэр, йомзя-ран, вирүссэрэнь сьыплех полдыр! Тьфу! Епле хумла сьумул, сьавынбэк сьумулландыр (сяк сьын); мамык сьильбэ суренэ бэк хой туллэнь виссе суредыр! Тьфу! Еплэ болиньдэ хуна ху сьумулласть. Тьфу! Патша ларать, турэ ларать, хвэль ларать, ойых тавырнать, конь тавырнать! Тьфу! Сьып полдыр! Ицел садитса, мьсяцъ возвращаеця, день оборотъ дѣлаеть! Тьфу! Польза да будетъ!

Во имя Бога! Одинъ Богъ не оставь! Тьфу! отъ Бога помилованіе да придетъ, отъ Царя благополучіе да придетъ, отъ йомзи, отъ наговорщика польза да будетъ! Тьфу! Какъ хмѣль легокъ, такъ и этотъ человекъ да облегчится (отъ боли); какъ пухъ носится вѣтромъ (подобно тому больной), самъ собою пусть ходитъ! Тьфу! Какънибудь самъ себя облегчи! Тьфу! Царь непоколебимо сидитъ на царствѣ, судія судить, солдатецъ садитса, мьсяцъ возвращается, день оборотъ дѣлаеть! Тьфу! Польза да будетъ!

Затѣмъ, кинувъ наотмашь кочедыкъ къ двери или порогу, продолжаетъ:

«Епле сяк шўшлў ськ-   Какъ этотъ кочедыкъ
сэ кайре! сьвынбэк ськ-   усакаль, поднобно ему
сэ выляза сўрэ! Тьфу!   и ты поскакивай! Тьфу!
Ойри куйн ськэс сўренэ-   Какъ полевой зайць ска-
бэк. ськэс сўрэ! Тьфу!   четь, подобно ему скачи!
Сынь полдыр!   Тьфу! Польза да будеть!»

По окончаніи наговора, йомзя, доить больного наговоренной водой, и затѣтъ начинаеть его щекотать, а больной хохотать и прыгать.

5) Соран чильги—наговоръ противъ ломоты (или раны).

Этотъ наговоръ дѣлается тому, кто страдаетъ отъ тѣлесныхъ поврежденій—порѣза руки, или ноги, раз-береженного чирья и т. д. Получившій которое—либо изъ перечисленныхъ поврежденій обыкновенно бѣжитъ къ йомзѣ съ просьбой:

Мани сине сыпан тох-   У меня вскочилъ чи-
рэ, чазрах, вирьзе пыхха!   рей, скорѣ посмотри—ка,
поворожи!

Йомзя, взявъ меду или масла, произноситъ надъ нимъ:

Е бисьмэлле! Перь То-   Во имя Бога! Боже
ра анбрах! Тьфу! Тора-   единый не остав! Тьфу!
ран сырлагу кильдэр,   Отъ Бога да придетъ по-
патша ран ырлх, киль-   милованіе, отъ царя да
дэр, вирўссень сышьлех   придетъ благополучіе, отъ
тивдэр! Тьфу! Тимирь   наговорщика исцѣленіе да
пуган, йись пуган,   коснется (больного)! Тьфу!
тын, пуган кусян да ку-   Когда у желѣзнаго сту-
сян, сяк пуган оризэм хо-   ла, у мѣднаго стула, у
зилза соранда полесь, ся-   золотого стула ноги сло-

вын чох (ят) соранла пол!
Тьфу!

маются, тогда пусть и у
этого человека рана бу-
детъ (или пусть явится
поврежденіе)! Тьфу!

Затѣмъ йомзя наговореннымъ медомъ или масломъ
намазываетъ больное мѣсто, приговаривая:

Сынь полдыр, тѹпъ пол-
дыр, тѹмэ вырын яга бол-
дыр! Тьфу, тьфу, тьфу!

Исцѣленіе пусть будетъ,
 пусть незамѣтно будетъ
болѣзни, пусть будетъ
гладко на томъ мѣстѣ,
гдѣ была шишка (болѣзнь)!
Тьфу, тьфу, тьфу!

Суевѣрные Чуваши, по словамъ А. Егорова, про-
тивъ Соран чилыги сочинили анти—наговоръ, а именно:

Е бисъмэлле! Перь То-
ра анбрах, сьырлах! Со-
ран синэ соран полдыр!
Шишка синэ шишка бол-
дыр! Кѹпъ синэ—кѹпъ!
Яга вырын—тѹмэ! Цидэ
вырын шыдык полдыр!

Во имя Бога! Боже
единый не оставь, поми-
луй! Вмѣсто раны—рани-
ща да будетъ! Вмѣсто ши-
шечки—шишка да будетъ!
На опухоль—опухоль! Гдѣ
было гладко, тамъ шиш-
ка да будетъ! Гдѣ было
крѣпко, тамъ пусть бу-
детъ дыра!

Жившая въ селѣ Бѣловолжскомъ въ кухаркахъ
старая дѣва изъ деревни Собакиной, Свѣжскаго уѣзда,
слышшая въ селѣ за колдунью и мастерицу вылѣчи-
вать дѣвичью беременность, не задолго до смерти
своей открыла мнѣ слѣдующій, употреблявшійся ею,
наговоръ отъ порѣзовъ:

„На мори на кіони, на островѣ на Буени; тутъ
лежалъ бѣль-горючъ камень. Изъ камня не высѣкати
огня, изъ раба № не бѣтчи руды. Руда запекися, уста
затвориса, руки опустися, ноги подѣкиса“. Прогово-
ривъ этотъ наговоръ надъ порѣзаннымъ мѣстомъ до 3-хъ
разъ, она затѣмъ дула на порѣзанное мѣсто.

6) Сьулень чильги — наговоръ отъ ужальнiя змѣй.

Для наговора отъ ужальнiя змѣй употребляется вода съ солью. Размѣшивая ее кочедыкомъ, йомзи наговариваетъ:

Е бисъмалле! Перь Тора анбрах! Тьфу! Тора-ран сьырагу кильдэр, патша-ран ырлых кильдэр, йомызэнь — вирүзэнь сыпълех тивдэр! Тьфу! Тох сьулэнь сунны! Сана хуза кларма погындымыр: сьулэнь патши, сьулэнь ашше, амыш, ажа батман карчыге, йомысси, вирүссе кильне. Виредып, сорадып. Тьфу! Тох сьулэнь сунны: хора сьулэнь сунны, шора сьулэнь сунны, сара сьулэнь сунны, чибар сьулэнь сунны, туй сьулэнь сунны, хорын посьла сьулэнь сунны, хумур сьулэнь сунны. Тох! Тьфу! Тинис орла, Адыл орла, ажа батман карчыге кильне, виреть, сорать сан си-не. Тох сьулэнь сунны сак (ят): үдень-чень, тиричьень, шумми-шак-кинъчень, пүве сменчень, позе — козинъчень. Тьфу! Тох, сьулэнь сунны! Патша ларать, тўре ларать,

Во имя Бога! Единный Боже! не оставь! Тьфу! Отъ Бога да придетъ помилованiе, отъ царя благополучiе да придетъ, отъ йомзи, отъ наговорщика исцѣленiе да получится! Тьфу! Выдь змѣиное жало! Тебя выгнать собрались: царь змѣи, отецъ и мать змѣи. Яга-баба, йомзи-наговорщикъ. Дую (съ наговорами). плюю! Тьфу! Выходи змѣиное жало: жало черной змѣи, жало бѣлой змѣи, жало желтой змѣи, жало пестрой змѣи, жало змѣи-мѣдницы, жало змѣи бѣлоголовой, жало змѣи дымчатой. Выходи! Тьфу! Черезъ море, черезъ Волгу, пришла Яга-Баба, она дуетъ (съ наговорами) и плюетъ на жало змѣи. Выходи змѣиное жало изъ тѣла этаго чловѣка: изъ кожи, изъ мозга костей, изъ туловища, изъ головы, изъ глазъ. Тьфу! Выходи змѣиное жало. Царь царствуетъ, судья

хвэль ларать, ойых лар
вырынна! Соранзыр пол-
дыр сяк (ят)! Тьфу, тьфу,
тьфу!

судить, солнце закатает-
ся... Луна садись на мѣ-
сто!.. Больной пусть бу-
детъ здравъ отъ раны.
Тьфу, тьфу, тьфу!

Послѣ наговора йомзя поить больнаго наговорен-
ной водой.

7) **Хирь вуршыны чильги** — наговоръ про- тивъ встрѣтившейся внезапно болѣзни.

Наговаривается этотъ наговоръ надъ заболѣвшими
въ дорогѣ. Приглашенный къ такимъ больнымъ йомзя
крошитъ хлѣбъ на нѣсколько кусочковъ, и затѣмъ, по-
вертывая кусочки вокругъ головы больнаго, пригова-
риваетъ:

Вильяли, чирры пиль-
лэдэр! Мазар позе, ма-
зар тюрй пильлэтчер! Сьол
вильли пильлэдэр! Ой
вильли пильлэдэр! Вурман
вильли, сирма вильли
пильлэтчер! Сякна исьеэ,
сййзэ кайчыр! Капкыне,
сьуткуне, сякна хыпса,
сьутса, кайыр!

Мертвые, живые благо-
словите! Кладбищенскій
начальникъ, кладбищен-
скій судья да благословятъ!
Дорожная смерть благо-
слови! Полевая смерть бла-
гослови! Лѣсная смерть,
овражная смерть благо-
словите! Этого напившись,
наѣвшись, ухолите! (Ду-
хи) хапающіе глотающіе,
этого отвѣдавши, прогло-
тивши, уходятъ!

Затѣмъ йомзя беретъ ковшъ съ водой и, вертя
его вокругъ головы больнаго, продолжаетъ:

Турұ шыв бек турұль
за кай! Таза шыв бек
тазалза кай (ят)! Сьом-
нынъчэ антурыр! Озал яба-
лазэм кьста прик онда
кайыр!

Такой то-освѣжись, по-
добно свѣжей водѣ! Очи-
стившись, подобно чистой
водѣ, уходи! Около него не
стойте! Гдѣ худыя вещи,
туда охотно ступайте!

8) **Даяна сынна толлаган чилги** — наговоръ противъ порчи лошади, или человека.

Этимъ наговоромъ йомзи оберегаютъ самихъ себя отъ вредныхъ встрѣчь въ дорогѣ. Увидавъ въ пути грозящую опасность, йомзя беретъ въ руки камень и надъ нимъ наговариваетъ:

Кусянда кусян саяк икке сурь пугла чол хой тұл-ләнъ тапранза кайны, саявын чох эс вырындан тапранза кай! Тьфу! (1)

Въ то время, когда этотъ двух-сотъ пудовой камень самъ собой сдвигается съ мѣста, тогда и ты съ твоего мѣста можешь тронуться! Тьфу!

Затѣмъ, взявъ пукъ соломы, продолжаетъ:

Хирих-дэ перь тўслэ толлаба толлады. Тьфу! Кусянда кусян шыв хирись йохны, саявын чох эс вырындан тапранза кай! Тьфу! Хирих дэ перь тўслэ чилге-бэ виредеп. Кусянда кусян хвэлъ хиресь кайны, саявын чох эс вырындан тапранза кай. Кусянда кусян Адылдан алаба шыв кўрзэ исьессын, саявын чох тапранза кай. Тьфу, тьфу, тьфу!

Сорока однимъ различнымъ путемъ тебя я спутываю. Тьфу! Когда вода потечетъ вверхъ, тогда и ты можешь тронуться съ мѣста! Тьфу! Сорока однимъ различнымъ наговоромъ я наговариваю. Когда солнце пойдетъ назадъ, тогда и ты можешь тронуться съ мѣста. Когда изъ Волги, принесши рѣшетомъ воды, ты напишешься, тогда ты можешь съ мѣста тронуться. Тьфу, тьфу, тьфу!

---

(1) Этотъ наговоръ употребляется особенно когда хотятъ отпугнуть кому либо за что, напр. вору, успѣвшему скрыться, чтобы онъ, по слѣдъ того наговора, остановился и стоялъ, какъ спутанный, или связанный.

9) Уштаганъ сумахъ.

Для возбужденія и охлажденія супружеской любви въ деревнѣ Масловой, между прочимъ, употребляются наговоры: уштаган и сыведэгэнь сумахъ⁽¹⁾. Изъ нихъ уштаган сумахъ наговаривается надъ репейной шишкой (тигенек), которая, послѣ наговора, приносится домой подъ мышкой (теплая) и дома, растеребленная на части, высыпается надъ головой спящаго супруга или супруги; самый наговоръ уштаган состоитъ въ слѣдующемъ:

Епле хвэль хирельзэ тогаты, сывын пэк илем-лэ хирельзэ корнам (ят) косьвэ. Епле кумагаран вот сьонза тогаты, пѣрдэ уштаты, сывын-пэк (ят) ужундыр ман сьома. Епле пыл касмык сьомынче тараган, шына кускालать, сывын пэк ман тавра (ят) кускадаза сѣрэдэр! Тьфу!

Какъ солнце зарумянясь всходитъ, такъ и я красива да покажусь глазамъ №. Какъ изъ печи пламя выходитъ, согреваетъ избу, такъ да согревается № подлѣ меня. Какъ около медовой кадки тараканы, мухи толпятся, такъ около меня да ползаетъ № радостно! Тьфу!

При послѣднемъ словѣ наговорщица дуетъ на тотъ предметъ, на который наговариваетъ, и плюётъ въ сторону; наговоръ повторяется до 3-хъ разъ.

Получившій наговоренный предметъ, прежде, чѣмъ унести его домой, долженъ вокругъ себя до трехъ разъ его обернуть по солнцу, передавъ сзади изъ руки въ руку.

(1) Уштаганъ, отъ *ужуть* горѣть; уштаганъ сумахъ приворотный наговоръ. Сыведегень отъ *сиве* холодъ, сиветь охолодить, татарское суутмакъ или саутмакъ *صوومق ساومق* б. холоднымъ *صوونمق* суутмакъ и саутмакъ остудить; отсюда сыведегень сумахъ отворотный наговоръ.

10) Сыведэгэнь сумах.

Епле тинис синьчи пур сывэ сявын пэк саяк сын (ят) сывиндэр. Епле тинис сынчи пур сывэ, сявын пэк (ят) (ят) ран сывиндэр. Епле кашкырдан, оба-ран хураза суреть, сявын бэк хураза суредер (ятъ) (ятъ) ран. Епле вурманда, уй-ра сүлэндэнь калда хураза сүрэтъ сын, сявын пек (ятъ) ран (ят) хураза тарза сявырнза пыхмазыр суредэр!

Какъ на морѣ холоденъ ледъ, такъ этотъ человекъ да остынетъ. Какъ на морѣ ледъ холоденъ, такъ № отъ Z да остынетъ. Какъ человекъ (отъ) волка, медвѣдя боясь ходитъ, такъ да ходитъ № боясь (отъ) Z. Какъ въ лѣсу, въ полѣ (отъ) змѣи, ящерицы боясь человекъ ходитъ, такъ № отъ Z да ходитъ, боясь бѣгомъ безъ оглядки.

Кромѣ наговоровъ, для возстановленія супружеской любви въ деревнѣ Масловой употребляются еще слѣдующія средства:

1) Жены мужей поятъ водой, стекшей съ выпачканнаго регулами бѣлья.

2) Кормятъ запеченными въ лепешки волосами, остриженными съ *barba inferior*.

3) Поятъ потомъ, стекшимъ въ нарочно поставленную подъ полкомъ въ истопленной банѣ посуду. Два послѣдніе средства одинаково употребляются и мужьями относительно женъ.

Дѣвушки въ своихъ любовныхъ похожденияхъ прибѣгаютъ къ посредству язар корыге, а парни кромѣ того язар шины⁽¹⁾.

Въ Средне-Тимирязнскомъ приходѣ Симбирскаго уѣзда, для возстановленія семейнаго согласія, йомзи, 1) даютъ обращающимся къ нимъ за помощью „заранѣе приготовленный приворотный корешокъ, насыпаютъ въ узелокъ соли и отдаютъ все это пришедшему съ наказомъ:

⁽¹⁾ Лѣчебныя травы чувашь деревни Масловой, Чебоксарскаго уѣзда въ Проток. Каз. Общ. Естеств. за 1875 г.

корешокъ разтолокъ вмѣстѣ съ солью въ порошокъ и тайно посыпать имъ хлѣбъ, который будетъ ѣсть семья, и воду для питья; 2) парнямъ, не встрѣчающимъ расположенія известной дѣвушки. Йомзи совѣтуютъ добыть тайно нитку изъ одежды дѣвушки; затѣмъ эту нитку послѣ ваговора соединяютъ съ ниткой изъ одежды парня, связываютъ ихъ узломъ и отдаютъ парнямъ съ тѣмъ, чтобы при встрѣчѣ предупредили дѣвушку: если она не согласится выйти за парня за мужъ, то онъ добытую нитку отнесетъ въ киреметь, которая поразитъ дѣвушку болѣзнию, и дѣвушка будетъ сохнуть. Такая угроза приводитъ дѣвушекъ въ страхъ и томительное ожиданіе болѣзни⁽¹⁾.

Средства удаленія мертвецовъ (духовъ) отъ больныхъ.

По вѣрованіямъ Чувашъ, болѣзни на людей, между прочимъ, напускаютъ мертвецы. Чтобы они болѣзною не мучили, въ деревнѣ Масловой йомзи.

1) Въ полночь, накаливъ 42 камня, выбрасываютъ ихъ потомъ на дворъ, приговаривая:

Пильлер, изер, сыйер!
Сяк чолзамба турантса
кайыр! Сяк хозяна хинь
азап анпарыр!

Благословите, пейте,
ѣшьте! Этими камнями на
сытившись, уходите! Это-
му хозяину мученія не
причиняйте!

2) Берутъ 42 горошины и, выбрасывая ихъ на дворъ, говорятъ:

Пильлер! Пагиль тувыр!
Сяк пурзяба, турантса кай-
ыр!

Благословите! сдѣлайте
благословеніе! насы-
тившись этимъ горохомъ,
уходите!

3) Поймавъ маленькую рыбку, обратно пускаютъ ее въ воду съ словами:

(1) Поученія Печаяева. Стр. 73 и 75.

Пийбле! Пагиль ту! Сяк
полла кузянда кузян тыт-
са с'сень, с'явын чох сяк
хозяна хинь азап пар,
онзыр сяк хоза батне
к'изе анкирь! Ильтъ!

Благослови, благослови!
Въ то время, когда эту
рыбу, поймавши съѣшь;
тогда этому хозяину мо-
жешь причинить муче-
ніе, иначе ты къ этому
хозяину и не ходи! Слу-
шай же (!)!

Затѣмъ трижды плюетъ. Неваревную рыбу, мер-
твенцы не кушаютъ и даже боятся ее.

Чтобы узнать, выздоровѣтъ ли больной (въ де-
ревнѣ Масловой). йомзя, закуривъ трубку, наблюдаетъ,
куда потянется дымъ, если къ больному,—онъ выздо-
ровѣтъ, а если въ другую сторону — то значить
умретъ.

Вѣра въ силу наговоровъ не менѣе Чувашъ при-
суца Татарамъ⁽²⁾ и Русскимъ простолюдинамъ.

Въ селѣ Бѣловолжскомъ, Чебоксарскаго уѣзда,
напр. между бывшими барскіими крестьянами доволь-
но распространено искусство съ помощью наговоровъ
„заламывать“ (уничтожать нападающихъ лѣтомъ на раны
домашняго скота) „червей“. Этимъ искусствомъ въ одно
время особенно славился покойный крестьянинъ, Ни-
кифоръ Кузьминъ Морновъ (по просту,—Чесной); онъ
вызывалъ удивленіе у всѣхъ и потому, что осуществлялъ
свое искусство заочно, не прикасаясь къ заболѣвшему жи-
вотному, спросивъ лишь обращающагося къ нему за по-
мощью, какой шерсти животное, а между тѣмъ на другой
же день послѣ просьбы черви у животнаго дѣйствительно

(1) Или же поймавъ маленькую рыбку, пускаютъ ее обратно въ воду
съ наказомъ:

Азуна, амуна каказа ярь: с'ют-
мага кайза кильдемерь, эзерь дэ
кайза корырь дезе калырь.

Отцу, матери скажи: мы схо-
дили въ рай, скажите, говоря и
вы сходите.

(2) И. Софійскаго. Заговоры и заклинанія крещеныхъ татаръ Казан-
скаго края. Извѣстія по Казанской Епархіи 1878 г. № 2.

пропадали. Бывши знакомъ съ Морновымъ до пріятельства, я неразъ упрасивалъ его открыть мнѣ его секретъ; но онъ, каждый разъ завѣряя меня, что для уничтоженія червей доподлинно не прикасается къ животному, не удовлетворилъ моего любопытства только потому, что наговоръ его послѣ того не сталъ бы „дѣйствовать“. По рассказамъ видѣвшихъ случайно, Морновъ ⁽¹⁾ произносилъ свой наговоръ надъ растущимъ по оврагамъ мордвинникомъ, для чего онъ выходилъ безъ нижняго бѣлья рано утромъ, а послѣ наговора перевязывалъ сѣмянную головку мордвинника ниткой.

Одновременно съ Морновымъ тѣмъ же искусствомъ занимались крестьянки Шошорина (вдова старуха) и Семенова (молодая женщина).

Въ томъ же селѣ нѣкоторые крестьяне заговариваютъ зубную боль; но ихъ наговоры, по отзывамъ лѣчившихся у нихъ, дѣйствуютъ плохо.

Похороны.

Въ деревнѣ Ишалькиной, Чистопольскаго уѣзда, Чуваши, какъ только завидятъ, что больной умираетъ, перетаскиваютъ его съ того мѣста, на которомъ онъ лежитъ, на конникъ у двери, и кладутъ лицомъ къ стѣнѣ, чтобы онъ передъ собой ничего не видалъ. Въ деревнѣ Масловой Чуваши вѣрятъ, что, если больной умретъ лежа лицомъ къ западу, — то въ домѣ случится несчастіе. Самъ больной — семьянинъ, почувствовавъ приближеніе смерти, собираетъ всѣхъ своихъ семейныхъ и дѣлаетъ передъ ними завѣщаніе относительно своего имущества, а также кто изъ нихъ долженъ обмывать его по смерти, кто первый долженъ начать дѣлать ему гробъ, вырыть для могилы часть земли и т. д. А если умираетъ женщина — въ какую рубаш-

---

⁽¹⁾ По просьбѣ бывшаго Секретаря И. Рус. Геогр. Общества г. Майкова краткій біографическій очеркъ Морнова былъ доставленъ мной въ Геогр. Общество.

ку одѣть ее ⁽¹⁾. Въ деревнѣ Масловой умирающій йом-зя передъ смертью выбираетъ кого-либо изъ своихъ семейныхъ себѣ въ наѣтники; подзвавъ къ себѣ выбраннаго, онъ говоритъ:

Пагиль сана бывлым (хирим) мани вырына!	Благословеніе тебѣ сынъ мой (или дочь моя) на мое мѣсто!
--	--

Умирающій колдунъ, по вѣрованіямъ въ селѣ Тюрлемѣ; долженъ безусловно избрать себѣ преемника изъ остающихся жить, иначе ему на томъ свѣтѣ будетъ плохо. Принявшій отъ него наслѣдство обязательно долженъ испортить самъ если не человѣка, то хоть какую нибудь скотину.

Въ Старо—Шигалинскомъ приходѣ Цивильскаго уѣзда, по сообщенію Г. Филиппова, если умирающій долго мучится, то для ускоренія выхода души изъ тѣла починается бочка съ пивомъ. Для почина отыскивается бочка, въ которой пиво было сварено умирающимъ, — хотя бы это было для чужаго семейства.

Какъ только больной умретъ, въ деревнѣ Ишалкиной, кто — либо изъ семейныхъ его беретъ куриное яйцо и бросаетъ его въ сторону, говоря: „на мѣсто души—душа, на мѣсто туловища — туловище“. Затѣмъ трое приглашенныхъ родственниковъ или знакомыхъ идутъ за водой для омовенія покойника, куда одинъ изъ нихъ несетъ ковшъ, другой—ведро, а третій—котель и три пасма нитокъ, которыя бросаетъ въ водомѣстилище. Принесенная вода подогрѣвается и разводится мыломъ. Покойникъ для омовенія кладется на приготовленный въ его ростъ на полу лубокъ, на которомъ, послѣ омовенія, переносится обратно на конникъ. Семейные въ это время готовятъ тѣсто, пекутъ изъ него на сковородѣ тоненькій сочешокъ, подъ названіемъ хыймалу, и затѣмъ начинаютъ поминать

---

(1) Похороны и поминки у чувашъ язычниковъ деревни Ишалкиной, Чистопольскаго уѣзда, Саврушскаго прихода. Сергѣя Тимряева. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 9.

покойника, приговаривая: будь доволенъ, будь сытъ! Благослови насъ! Не гнѣвайся на насъ и не накази насъ болѣзною! Спустя нѣсколько времени готовится особое жидкое тѣсто, которое уносится въ поле, гдѣ обыкновенно дѣлаются гробы для покойниковъ, и тамъ выливается на землю.

Въ Старо-Шигалинскомъ приходѣ яйцо, прежде выбрасыванія, до трехъ разъ обносится вокругъ головы умершаго. Если умершій младенецъ, то яйцо выбрасывается на дворъ, если же взрослый, то—на улицу. Яйцо предназначается въ даръ злымъ духамъ, чтобы они не приступили къ душѣ умершаго. Съ момента смерти покойника до положенія его въ гробъ не топится печь.

Выбранные умершимъ для обмыванія люди прежде, чѣмъ идти за водой, обертываютъ руки нужнымъ для обмыванія холстомъ. Кромѣ нитокъ они берутъ съ собою къ ключу или колодцу нохратку или копѣйку денегъ. Деньги опускаются въ водовыѣстилице въ знакъ того, что вода для обмыванія берется не даромъ, а покупается, нитки же опускаются для того, чтобы по нимъ текла вода въ ротъ умершаго для утоленія жажды, если за грѣхи умершій будетъ лишенъ ея.

Гробы въ Ишалькиной лѣтомъ дѣлаются въ полѣ за околицей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—на улицѣ, чтобы на дворъ не пришли злые духи, а зимой—на дворѣ.

Въ Абашевскомъ приходѣ Чебоксарскаго уѣзда гробовщикъ предварительно ударяетъ до трехъ разъ въ доски для гроба носкомъ топора, съ пожеланіемъ: изе позе кодышла болдыр! т. е. начало дѣла будь ничтожнымъ т. е. чтобы предпринимаемаго имъ дѣла ни для кого болѣе совершать не понадобилось. Это пожеланіе гробовщикомъ и могильщиками высказывается, при этомъ всегда, что бы они не начинали дѣлать—укладывать покойника въ гробъ, рыть могилу, зарывать покойника. Въ послѣднемъ случаѣ кромѣ того благожелается покойнику: йивыр тупра сьумул полдыр! Тяжелая земля будь легкой!

Одѣвъ покойника въ новыя штаны, рубашку, чул-

ки, лапти и кафтанъ, кладутъ его въ гробъ, и затѣмъ на голову надѣваютъ шапку, въ которой крещенные вносятъ покойниковъ для отпѣванія и въ церковь, изъ зачего у нихъ съ духовенствомъ православнымъ возникаютъ непріятныя столкновенія. Въ деревнѣ Чешламъ, Чебоксарскаго уѣзда, по словамъ г. Орлова, къ положенному въ гробъ покойнику подходитъ одна изъ женщинъ и кладетъ ему въ уши, ноздри, ротъ и на глаза изъ краснаго шелка нитки, свернутыя въ комокъ, приговаривая: „ыйдѣсь сана *леш сшурде*“, т. е. ежели тебя спросятъ мертвецъ на томъ свѣтѣ, отвѣчай:

Хулгаба илтъмень, кось-
ба корман, сумзаба шырш-
ламан, сьуварба ниминь-
де озал сумах каламан.

Ушами не слыхаль,
глазѣми не видаль, ноздря,
ми не обоняль, устами
ничего худаго не гово-
рилъ (1).

Далѣе первенствующія въ этомъ случаѣ старухи, какъ древнія учительницы или знахарки своихъ гнусныхъ обрядовъ, говоритъ г. Орловъ, кладутъ въ гробъ мужчинѣ кочедыкъ, ножикъ и деньги. Въ деревнѣ Чувашицкихъ Исеньяхъ деньги кладутся и женщинамъ въ кошелекъ, въ карманъ верхняго платья, и притомъ по немногу, кладутъ всѣ пришедшіе на похороны родственники (2), а въ Ишалъкиной—мужчинамъ трубку съ табакомъ, восковыя свѣчи и блины (3), приговаривая:

(1) Въ селѣ Тюрлемѣ.—разсказывалъ мнѣ г. Филипповъ,—одинъ Чувашинъ сознался ему, что онъ въ день похоронъ матери, раздумавшись надъ несообразностью обряда затыканія ушей и проч. съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей, до того увлекся своимъ размышленіемъ, что въ ту же ночь тайно отправился на кладбище и, раскопавъ могилу, нитки съ трущя сбросилъ,—и снова зарылъ могилу.

(2) Зная это, Русскіе деревни Барскихъ Исень не оставляютъ неразрытой, для ограбленія денегъ, ни одной могилы съ богатымъ чувашскимъ покойникомъ, о чемъ 1 марта 1877 года возникло у Судебнаго слѣдователя 2 участка Чебоксарскаго уѣзда дѣло.

(3) Всѣ перечисленныя вещи въ гробы покойниковъ кладутъ въ Черемисы въ Красно-ярскомъ (Чак-мари) приходѣ, Чебоксарскаго уѣзда.

Ээ авлан онда! Ись-
зэрь ан-бол!

Женись тамь! Безь дѣ-
ла не будь!

Женщинамъ кладутъ кусокъ холста и иголку съ ниткой, наказывая:

Ээ качча кай онда лай-
ыхъ сынна! Чиберь борн!

Выходи тамъ замужъ
за хорошаго человекка! Жи-
ви хорошо!

Въ деревнѣ Масловой Чуваши, положивъ покойника въ гробъ, ноги его поверхъ одежды закрываютъ кускомъ холста, длиною въ аршинъ, съ приказомъ:

“Козу кордыр, аллу ан-
ситтэр!

Глаза твои пусть ви-
дятъ (смотрятъ), но руки
твои пусть не касаются!

Иначе покойникъ, чрезъ три дня послѣ своей смерти, когда въ него возвратится душа, будетъ плакать и тосковать о томъ, что онъ померъ, и въ это время онъ можетъ, съ тоски и горя, затащить въ ротъ холстъ, проглотить его; тогда—люди будутъ умирать безпрестанно, одинъ за другимъ, и тогда—погибель всему міру.

Для отвращенія такой бѣды, Чуваши, замѣтивши частые случаи смерти; считаютъ нужнымъ открыть могилу того человекка, коего они подозрѣваютъ въ затащеніи холста въ ротъ, вынуть у него холстъ изъ рта и зарыть снова могилу.

Въ предупрежденіе этой гибели, въ Шуматовскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда, поперегъ гроба, надъ сгибомъ рукъ въ локтяхъ мертвеца, вставляется деревянная поперечинка. Такъ какъ гробы съ этою поперечинкою дѣлаютъ только въ Шуматовскомъ приходѣ, то мѣстный священникъ никакъ не могъ убѣдиться показаніемъ своихъ прихожанъ, будто поперечинка вставляется для поддержки крышки гроба, наконецъ одинъ изъ прихожанъ объяснилъ, что поперечинка вставляется съ цѣлью лишить покойника возможности, заташивъ руки

въ ротъ, искусать ихъ и тѣмъ причинить погибель міру (¹).

Если покойнику, по словамъ г. Орлова, случится дома переночевать, то семейные его созываютъ на ночь сосѣдей и родственниковъ, которые, сидя при свѣтѣ лучины и ни мало не помышляя о загробной участи усопшаго, шумятъ, хохочатъ, играютъ, болтаютъ всякій вздоръ и такимъ образомъ проводятъ ночь до самой зари.

Также поступаютъ въ этомъ случаѣ и старокрещенные Татары въ Мамадышскомъ уѣздѣ, въ предупрежденіе похищенія духами души покойника (²); причемъ, въ некоторыхъ старо-крещеныхъ татарскихъ мѣстностяхъ, какъ мнѣ передавали, молодежь между прочимъ заводитъ игру „въ лычки“, во время коей дѣвушки съ парнями цѣлуются (³).

Въ Вайтерьяковскомъ приходѣ и въ деревнѣ Масловой обряженный покойникъ ставится вперёдъ на нары. Если послѣ покойника остались круглые сироты—дѣти, то въ Масловой ихъ заставляють трижды взадъ и впередъ перелѣзть черезъ трупъ (⁴), тулух пумандан, т. е. чтобы избѣжать угнетенія сиротства. Известно, что сироты остаются безъ призора, чахнутъ и плохо растутъ, поэтому ихъ заставляють перелѣзть черезъ трупъ въ отвращеніе угнетенія сиротства, съ желаніемъ, чтобы сироты скорѣе сдѣлались семейными.— Тулухъ ача тухуръ хутъ абатъ сизень дѣ, тогда болмасть; ашшъ амышле ача перъ сизеньде тода болать. Т. е. Сирота хотя бы 9 разъ поѣлъ, сытъ не бываетъ, а дѣти при родителяхъ, поѣвши одинъ разъ, бываютъ сыты.

(¹) Обыкновенно гробъ Чувашъ дѣлають какъ можно тѣсный, руки умершаго простирають вдоль его боковъ, но не слагають ихъ на грудь умершаго, какъ русскіе.

(²) Погребальные обычаи и повѣрья старо-крещеныхъ татаръ деревни Никифоровой, Мамадышскаго уѣзда. Б. Гаврилова. Известія по Казанской Епархіи 1874 г. № 9.

(³) Игра эта въ употребленіи и у Чувашъ въ деревнѣ Чешламъ, но не при покойникахъ, а на обыкновенныхъ вечеркахъ.

(⁴) Тоже и у татаръ Мамадышскаго уѣзда.

(1) Вынося покойника из избы для проводов на кладбище въ Ишалькиной заставляютъ его три раза пнуть ногой о косякъ двери, въ знакъ того, что ему въ этомъ домѣ нѣтъ уже дѣла. На кладбище покойника всегда везутъ на саняхъ или телѣгѣ, причемъ правящій лошадыо садится поверхъ гроба. Передъ выѣздомъ со двора къ уложенному въ сани или телѣгу покойнику подходитъ какой нибудь старикъ или старуха и начинаетъ пѣть пѣсню: Летить вереница дикихъ гусей; голоса ихъ слышимъ, а голоса твоего больше не слышимъ.

Въ деревнѣ Масловой эта пѣсня поется еще до выноса покойника изъ избы. Вотъ эта пѣсня:

Кукку килэть сассыбэ,	Кукушка прилетаетъ съ
Эс сассубэ килэс сьок!	голосомъ,
Шыпчик килэть йор-	Тебѣ съ голосомъ не
рибэ,	придти!
Эс йорлаза килэс сьок!	Соловей прилетаетъ съ
Чигес килэть чильгибэ.	пѣсней,
Эс чильгубэ килэс сьок!	Тебѣ распѣваючи не
Шорым бось килэть шо-	придти!
ралза,	Ласточка прилетаетъ
Эс шоралза килэс сьок!	съ разговоромъ,
Хвэль тогаты хирельзэ,	Тебѣ съразговоромъ не
Эс хирельзе тогас сьок!	придти!
Шывзам йогать шовлаза,	Заря всходитъ бѣлѣючи,
Эс шовлаза килэс сьок!	Тебѣ бѣлѣючи не прид-
	ти (1)!
	Солнце всходитъ зару-
	мянясь,
	А тебѣ (покойникъ) ужъ
	не выходитъ разрумянясь!
	Воды текутъ съ шумомъ,
	Тебѣ съ шумомъ не
	придти (2)!

(1) Т. е. ты почернѣлъ теперь, тебѣ не побѣлѣть!

(2) М. В. Апаковымъ, авторомъ ст. Святочные игры и т. д. доставлена намъ слѣд. похоронная пѣсня у Татаръ:

Если покойника не проводить съ пѣсней, то онъ; по сообщенію г. Тимряева, въ обществѣ мертвечевъ будетъ жить безъ голоса.

Одновременно съ покойникомъ изъ избы выносятся бѣлье, въ которомъ покойникъ померъ, лубокъ, на которомъ его обмывали, и щепы, если гробъ дѣлался на дворѣ, и все это выбрасывается за околицей. По вѣрованіямъ Чувашъ въ деревнѣ Масловой, выброшенный лубокъ будетъ служить въ послѣдствіи покойнику санями и телѣгой при поѣздкахъ его, съ дозволенія кладбищенскихъ начальниковъ, изъ царства мертвечевъ въ царство живыхъ, покормиться у своихъ живыхъ родственниковъ.

Въ Шуматовскомъ приходѣ при встрѣчѣ съ покойникомъ мимопроходящіе произносятъ слова:

Йывыр тупра сьумул Тяжелая, земля надъ полдыр! тобой да будетъ легкой!

Разъ одинъ молодой парень, встрѣтившись съ гробами двухъ утонувшихъ дѣвушекъ, словъ этихъ не проговорилъ, — отъ этаго черезъ двѣ недѣли померъ и самъ.

Опустивъ покойника въ могилу, въ деревнѣ Ишалькиной погребаяющіе бросаютъ на гробъ по комку земли, а въ Чешламѣ, закопавъ могилу, три раза кругомъ обходятъ ее, приговаривая:

Пиль ду! Сьутмахра Благослови! Будь въ бол (1)! раю!

Живущіе въ Чешламѣ некрещеные Чуваша покойниковъ хоронятъ на особомъ кладбищѣ, на лѣвомъ берегу р. Вѣлой Воложки, извѣстномъ подъ названіемъ сьиччъ, кас мазаре — кладбище семи деревень, на кото-

Бигракъ менеу кычкыла. Кара урманнын кукусы. Уба белься коча бельей Матур кызларнын кубесе. Алтын аяклы урындык. Жебяк баулы чыбылтык. Бербез мында беребез (?) Адашкан былбык без былдыбыр.

(1) Слово Сьутмахъ есть несомнѣнно татарское — *اوچماخ* уджмагъ рай, небо.

ромъ до сихъ поръ сохраняются два камня съ рисунками и татарскими письменами (1); на западной сторонѣ могилъ ставятъ стоймя извѣстняковыя плиты съ выдолбленными на верхушкахъ ямками, отъ 1—3, на нѣкоторыхъ—же могилахъ воткнуты столбики изъ досокъ съ фигуркой на вершинѣ.

Татарскія надписи съ камней лѣтомъ 1876 года были сняты Н. И. Золотницкимъ и его спутникомъ г. Апаковымъ, авторомъ статьи о святочныхъ играхъ старо-крещеныхъ татаръ.

Черемисы деревни Обшіаръ, Помарскаго прихода, или Яльчикъ,—Алексѣевского, на обратномъ пути съ кладбища, по дорогѣ, въ лѣсу, въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ; срубаютъ, смотря по возрасту покойника, соразмѣрной толщины дерево, на аршинъ отъ земли, и затѣмъ на пенькѣ дѣлаютъ насѣчки (ступеньки), по которымъ покойникъ, вздумавъ побывать домой, могъ бы взобраться на пенькъ, посидѣть и отдохнуть. Мѣсто, гдѣ деревья Обшіарскими Черемисами срубаются, какъ разъ находится по срединѣ пути между кладбищемъ и деревней, и выбрано на такомъ разстояніи для того, чтобы покойникъ, увидавъ съ пенька, что до дому еще далеко, вернулся обратно на кладбище.

Факты погребальныхъ обрядовъ Чувашъ и Черемисъ, приведенные въ изслѣдованіи Тэйлора „Первобытная культура“, сомнительны.

Въ южной части Ядринскаго уѣзда, веревки у лаптей на ногахъ покойника завязываются въ направленіи обратномъ тому, въ какомъ онѣ завязываются у живыхъ, что называется вильны сын тѣви (2) т. е. мертвый узелъ.

Въ Аликовскомъ приходѣ, по сообщенію г. Филиппова, могильщики передъ тѣмъ, какъ опускать гробъ

(1) Старая покинутая кладбища во 2 станѣ Чебоксарскаго уѣзда. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1866 г. № 46.

(2) Похоронные обряды и повѣрья чувашъ и проч. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г.

въ могилу, разстегиваютъ пуговицы у одежды покойника; дѣлается это для того, чтобы покойникъ не могъ погнаться за могильщиками, когда они пойдутъ съ кладбища. По приѣздѣ могильщиковъ въ домъ умершаго, тотчасъ починается бочка пива, свареннаго въ честь умершаго, затѣмъ зажигается передъ иконой свѣчка и читается слѣдующая коротенькая, изъ уваженія къ утомившимся могильщикамъ, молитва.

Тора, она бра вырын Боже, дай ему; хоро-
пар; йивыр тупрыне сьу- шее мѣсто; тяжелую зем-
мул ту! му слѣлай легкой!

Въ Старо-Шигалинскомъ приходѣ, по сообщенію того же Филипова, мѣсто, на которомъ лежалъ покойникъ до положенія его въ гробъ, и подъ гробомъ, окуривается мукой и сухими грибами, а такъ же гробъ, когда онъ будетъ поставленъ для отвоза на кладбище въ телѣгу или сани. Во время этого окуриванія всѣ семейные умершаго до трехъ разъ по солнцу обходятъ гробъ и каждый разъ дотрогиваются до его угловъ: дѣлается это для того, чтобы впоследствии не бояться покойника. Остатки муки и грибовъ отъ окуриванія одни выбрасываютъ, другіе же изъ нихъ валятъ впоследствии салму. Окуриваніе производится для изгнанія изъ дома и удаленія отъ покойника злыхъ духовъ.

При выносѣ покойника изъ избы гробъ до трехъ разъ раскачивается въ двери изъ стороны въ сторону для того, чтобы съ покойникомъ не ушелъ изъ дому хирт—сорт—домовой. Тоже и съ той же цѣлью повторяется при провозѣ покойника съ двора въ воротахъ.

На кладбищѣ, прежде, чѣмъ начать рыть могилу, на выбранное для нея мѣсто пришедшій съ могильщиками родственникъ умершаго бросаетъ серебряную или мѣдную монету. Это дѣлается для того, чтобы мертвецъ не имѣли основанія упрекать покойника, что онъ настолько бѣденъ, что не могъ купить себѣ мѣста для жилья. По зарытіи могилы, могильщики до

З-хъ разъ по солнцу обходятъ ее съ кускомъ хлѣба въ рукахъ. Кусокъ этотъ затѣмъ дѣлится на части, которыя оставляются на могилѣ, въ честь присутствовавшихъ при погребеніи мертвецевъ.

Поминки:

1) Частные семейные.

По возвращеніи могильщиковъ съ кладбища, хозяинъ дома, въ деревняхъ Масловой и Чешламѣ, тотчасъ же начинаетъ топить для могильщиковъ баню, а семейные его варить для поминокъ курицу и готовить пиво и вино.

Въ это время въ домѣ усопшаго собираются родственники и сосѣди. По выходѣ могильщиковъ изъ бани (1), имъ дается разрѣзанный мотокъ нитокъ, изъ котораго они выдергиваютъ по три нитки. Значеніе этихъ нитокъ то, что нитка протягивается, по мнѣнію Чувашъ, чрезъ адъ и служитъ какъ бы мостомъ для души при переходѣ ея въ рай. По этимъ ниткамъ, получившій ихъ, гадаетъ: если нитки окажутся совершенно равномѣрными, то у получившаго въ домѣ будетъ въ скоромъ времени три покойника, а если неравномѣрными, то покойники будутъ не въ скоромъ времени. Или же Чуваша подпаливаютъ эти нитки, и если пепель держится, не отрываясь отъ горѣвшей нитки, то это знакъ счастья, въ противномъ случаѣ— если пепель сыплется отъ нитки, то это—знакъ несчастія (2).

Самые поминки состоятъ въ слѣдующемъ: собравшіеся отламываютъ и отливаютъ въ честь усопшаго

(1) Въ обыкновенное время въ деревнѣ Масловой Чуваша моются въ банѣ, разъ въ три недѣли, въ неопредѣленные дни, при чемъ для мытья не дѣлаютъ ни щелока, ни горячей воды, а парятся лишь въ нѣскольکو приемовъ вѣнникомъ и обливаются холодной водой.

(2) У крещеныхъ татаръ и у некрещеныхъ во время поминокъ, по приходѣ съ могилы умершаго, также раздають нитки, которыя имѣютъ тотъ смыслъ, что ими, какъ веревкой, можно вытаскивать изъ ада душу

часть приготовленныхъ яствъ и питій и складываютъ ихъ въ особо—приготовленную порожнюю посуду, изъ которой въ послѣдствіи содержимое выбрасывается на улицѣ собакамъ! Находящіяся при этомъ женщины оплакиваютъ усопшаго, приговаривая:

Миньма борнас саньн   Зачѣмъ не захотѣлъ
кильмере, прахса кайрын   жить, зачѣмъ покинулъ
пире!   насъ!

Если по умершемъ не будетъ плачевнаго воя, то, по словамъ г. Орлова, „его будто бы будутъ бить (кто?) безопасно“.

Въ деревнѣ Кугеевой (Чинге-касы), Байгуловскаго прихода, провизію для первыхъ поминокъ приносятъ родственники и сосѣди въ то время, какъ покойника повезутъ въ церковь для отпѣванія. Приносятъ они обыкновенно, кто муки, кто крупы, масла, хмѣлю и солоду, изъ чего тотчасъ же заваривается пиво и пекутся упомянутые выше хыймаллу⁽¹⁾, что все называется поминовениемъ въ 7-й день—сыичишна туvas. Въ деревнѣ Ишалкиной обрядъ „сителе“ совершается на третій день похоронъ, какъ и въ некоторыхъ селеніяхъ Чебоксарскаго уѣзда (напр. въ селѣ Байгуловѣ); при чемъ для выполненія обряда закалается овца. Когда мясо овцы сварится, голова и ноги ея отвозятся на кладбище, гдѣ бросаются на могилу покойника. По возвращеніи съ кладбища тѣхъ лицъ, кои отвозили означенные предметы, собирается въ домъ покойника множество людей, изъ коихъ каждый несетъ съ

умершаго, если бы она туда попала. При этомъ рассказывается, что однажды богатый купецъ ни когда ни чего не подавалъ и только подавалъ однажды длинное перо зеленого лука! Послѣ смерти онъ попалъ въ адъ и его хотѣли вытащить изъ ада, подавая ему перо лука, но перо это обрывалось. Вотъ, если бы онъ подавалъ при жизни нятку, тогда на нятку можно было бы его вытащить изъ ада.

^{опт.} (1) Хыймаллу—это родъ ватрушки. Обыкновенно прѣсное тѣсто расчучивается тонко, какъ сочень, и кладется на сковороду. Поверхъ этого сочня кладется смѣсь изъ кислаго молока, пшеничной или полбенной муки и яицъ, такъ что хыймаллу отчасти походить на ватрушку.

собой блины или лепешки ⁽¹⁾. Самые поминки затѣмъ совершаются такъ: на конникъ, гдѣ лежалъ покойникъ, ставится пустая чашка, а у прорубленнаго въ этой стѣнѣ окна—зажженная восковая свѣча. Наполнивъ чашку кусочками яствъ, какъ въ Чешламѣ, содержимое изъ нея выбрасываютъ на дворѣ въ извѣстномъ определенномъ мѣстѣ.

Русскіе въ Бѣловолжскомъ приходѣ въ дома покойниковъ, до выноса ихъ въ церковь, также приносятъ свѣстные припасы, деньги и восковыя свѣчи, причемъ свѣстное отдаютъ на руки семейнымъ покойника, а деньги и свѣчи оставляютъ подлѣ покойника.

По прошествіи 2 или 3-хъ недѣль, по умершемъ въ Чешламѣ совершаются новые поминки, для которыхъ варится пиво и покупается полведра и болѣ вина ⁽²⁾. Приготовивъ все нужное для поминокъ, хозяинъ дома посылаетъ въ извѣстный день кого-либо изъ домашнихъ верхомъ съ колокольчикомъ приглашать родственниковъ и сосѣдей. Посланный, подѣзжая къ каждому дому, кричитъ:

Сьорда айне! Подъ свѣчку (собирайтесь)!

На это ему отвѣчаютъ:

Омынче болдыр! Да будетъ передъ нимъ!

Въ сумерки того-же дня всѣ приглашенные начинаютъ сходиться и свѣзжаться въ домъ покойнаго, причемъ несутъ и везутъ съ собой, кому что заблагоразсудится. Между тѣмъ семейные усопшаго начинаютъ

⁽¹⁾ Телѣга или сани, на которыхъ отвозился покойникъ на кладбище, по возвращеніи оттуда могильщиковъ, на трое сутокъ оставляются на улицѣ; это—потому, что съ могильщиками прѣзжаютъ умершіе ранѣ родственники и знакомые. И вотъ, если не принять давной предосторожности, то непрошеные гости со двора войдутъ въ избу и тогда и ихъ надобно поминать, что обходится не дешево; оставленные же безъ вниманія на улицѣ, они, недостойные чести приглашенія, уходятъ обратно на кладбище.

⁽²⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти поминки называются: *сьорда баны касъ*, т. е. вечеръ раздаванія свѣчъ.

варить въ большихъ котлахъ конину или говядину и, сваривши въ большихъ чашкахъ ту или другую, ставить на столы. По приглашенію хозяина, кушать предоставляется собравшимся кому что нравится—взять ли цѣлую ляшку или ребро и т. д. и гости кушаютъ всю ночь безъ всякаго стѣненія. Въ это-же время кто либо изъ близкихъ посылается на кладбище пригласить усопшаго. Посланные отправляются на саняхъ или телѣгахъ съ колокольчиками и, подѣвжая къ кладбищу, говорятъ:

- Айда бичче (атте) пирень! батра! Эбирь поминка! туватперь сана! Ларахъ сына сине!

Пойдемъ братецъ (или батюшка) къ намъ! Мы поминки дѣлаемъ тебѣ! Садись на сани!

Проговоривъ это приглашеніе и думая, по легкомысленности своей, что усопшій уже съѣтъ, посланные мчатся стремглавъ домой.

По возвращеніи посланцевъ, оставшіеся дома встрѣчаютъ покойника, какъ живаго челоука, — кто отворяетъ ему дверь избы, кто зоветъ его въ избу, говоря:

Килех, килех, ачам! Иди, иди, сынокъ!

Другіе, сажая усопшаго на печь, приговариваютъ: Ой, ачам (бичче), лар, Ой, дитя, (или братецъ), лар кумага, сине! — Ой, садись, садись на печку! сыве; шындын' поле ээ! О, холодно; чать, ты озябъ!

Убранная на это время, говядина вновь выставляется на столъ вмѣстѣ съ калабашками, къ которымъ добавляются блины и оладьи и починается бочка съ пивомъ, съ произношеніемъ при каждомъ дѣйствіи: пиль ду, т. е. благослови! Затѣмъ начинаются самыя поминки, какъ и въ день похоронъ, а именно: каждый изъ присутствовавшихъ подходитъ къ нарочно-поставленной на столъ большой чашкѣ, ставитъ (на край ея?) зажженную восковую свѣчку, потомъ крошитъ въ чашку хлѣба и льетъ въ кадушку пиво, говоря:

Пиль ду! Сьутмахра   Знай! Будь готовъ глотать (все, что для тебя принесено) (!)

Къ этому времени является приглашенный скрипачъ или гусельщикъ. котораго принимаютъ вѣжливо и угощаютъ пивомъ и виномъ для того болѣе, чтобы онъ веселѣе игралъ и игру свою продолжалъ всю ночь...! Вотъ, выходитъ изъ среды толпящихся полупьяныхъ гостей одна ближайшая родственница умершаго и, кланяясь всѣмъ, подходитъ къ столу, цѣлуетъ лежащую на немъ хошпу; оставшуюся послѣ умершей женщины; затѣмъ, надѣвъ ее на себя, пляшетъ до самой усталости, т. е. до другой перемѣны. Скрипачъ же, настраивая, какъ можно лучше, свою скрипку и притопывая ногами подъ ладъ своей музыки, приводитъ всѣхъ въ движеніе, вызывая къ продолженію пляски и пѣнію пѣсень, въ чемъ и проходитъ вся ночь. На утренней зарѣ запрягается лошадь въ сани, на которые кладется лошадиная голова или коровья, недоѣденное мясо, и два или три человѣка съ колокольчиками отправляются провожать покойнаго на кладбище, гдѣ все взятое изъ дома оставляютъ на съѣленіе собакамъ и воронамъ; кромѣ съѣтнаго въ этотъ разъ оставляются усопшему: поношенная бѣлая рубаха, ведро, блюдо, ковшъ и ложка. Прощаясь съ усопшимъ, провожавшіе его говорятъ:

Пиль ду! пирэ анси-   Благослови! на насъ
лень!   не сердись!

Между тѣмъ оставшіеся дома выносятъ столъ съ пивомъ и со всей стряпней на улицу. гдѣ скрипачъ начинаетъ играть прощальную пѣсню. Подъ эту пѣсню одинъ изъ толпы гостей начинаетъ плясать и, разно-

(¹) Выше (стр. 165) эти слова нами переведены совсѣмъ иначе. Тамъ слово пиль принято за сокращеніе (биль—*пиль* благословеніе) пиль, а слово сьутмахра за татарское *уджмазъ* рай. Здѣсь мы принимаемъ слово *пиль* отъ плясъ знать, а слово *сьутмахра* отъ слова *сьутасъ* глотать (татарское ютмакъ, 'жутмакъ *یوتق* глотать). Но первый переводъ мы считаемъ вѣрнѣе настоящаго.

образно кривляясь, опрокидывает ногою столъ со всѣми бывшими на немъ припасами. Поджидавшіе этого собаки тотчасъ же подхватываютъ свою добычу и поднимаютъ лай, вой и драку между собой. „По окончаніи сего гнуснаго и мерзостнаго обряда“, починается новая бочка пива и поминальщики, помянувъ Бога, продолжаютъ пировать, говоря:

Спасиба, чиберь иртерзе
ядымыр поминкыне. Ха-
мыра сыхладыр Асла
Тора, вилесрень! Сьыв-
лых палыр, пирэ!

Благодаримъ, что хоро-
но проводили поминки.
Да сохранить насъ Ве-
ликій Богъ отъ смерти!
Да подасть намъ здо-
ровья!

Въ деревнѣ Масловой поминки по умершихъ совершаются: на первой недѣлѣ, по смерти покойника, въ четвергъ на пятницу, на 2-й недѣлѣ, на 3 и въ 40-й день, какой будетъ найденъ болѣе удобнымъ. Въ первый разъ для поминокъ пекутся блины и варится курица, причемъ созываются родственники и всѣ, кого покойникъ при жизни любилъ. Начинаются поминки обыкновенно съ того, что, по сборѣ перечисленныхъ лицъ, выставляются на столъ, стоящій впереди, упомянутыя кушанья—хлѣбъ, пиво и вино, а на столъ, поставленный нарочно удвери,—порожня чашка, а подъ столъ—порожнее ведро. Послѣ этого собравшіеся, по очереди, подходятъ къ стоящему впереди столу и, отламывая частички отъ каждаго выставленнаго кушанья, относятъ и кладутъ ихъ въ чашку на столѣ у двери, приговаривая:

Пиляэ! Пагиль ду! Перь
турам перь сьук полдыр!

Знай! Благослови (будь
доволенъ, т. е. малое при-
ми за большое)! Одинъ
домоть (или крошка) да
будеть беремемъ хлѣба!

Точно также поступаютъ и съ пойломъ. Когда обрядъ этотъ будетъ выполненъ всѣми, наполненные

кусочками кушаній и поила чашка и ведро выносятся на дворъ, гдѣ содержимое ихъ выбрасывается собакамъ, причѣмъ поется приведенная выше пѣсня, а затѣмъ начинается обыкновенная попойка.

На второй недѣлѣ, сверхъ перечисленныхъ яствъ, для поминокъ закалается овца; на третьей, если умеръ старикъ, — жеребенокъ, въ честь старухи — теленокъ, а въ честь младенца — овца. На поминки въ 40-день, родственники, кромѣ пива, вина и оладьевъ, приносятъ съ собой по 1 коп. сер. денегъ, на покупку восковыхъ свѣчъ, которыя прилѣпляются потомъ къ порожней чашкѣ. Свѣчъ налѣпляется вѣкругъ чашки у нѣкоторыхъ штукъ до полутора. Ставя свѣчки, поминающіе приговариваютъ:

Пиллэ! Пагиль ду! Са-
на сьорда барадып: сьу-
дара сьурэ!

Отламывая кусочки отъ

Пиллэ! Пагиль ду! Перь
турам перь сьук полдыр!
Ху торттарза каймазас-
сын, нѣмя туза кай! Са-
на тига барадып, лаих
пыхса фетэры! Хон прах-
рым, ораба, сьона туза
сьурэ! ырлых, сывлых, те-
лэй бар! Пире хинь азап
анбар!

Знай! Будь доволен!
Тебѣ свѣчку даю (или
ставлю): во свѣтъ ходи (!)

Отламывая кусочки отъ яствъ, говорятъ:

Знай! Будь доволен!
Одна крошка да, будетъ
цѣлымъ беремемъ хлѣба!
Если самъ не можешь
свезти (взять то, что мы
тебѣ дали), то сдѣлай
помочь и возвращайся! Те-
бѣ жеребенка даю, хоро-
шенько его присматри-
вай и вырасти! Для те-
бя бросилъ я лубокъ,
сдѣлай себѣ телѣгу и са-
ни! Дай намъ благопо-
лучіе, здоровье и счастье!
Не насылай на насъ му-
чительной болѣзни!

(!) На томъ свѣтѣ Чуваши признаютъ для умершихъ мѣсто вѣчно темнымъ; по этому ставятся свѣчи въ честь умершаго, чтобы онъ на томъ свѣтѣ освѣщалъ свою жизнь и жилище свѣтомъ отъ свѣчъ.

На эти послѣдніе поминки, кромѣ родственниковъ и знакомыхъ, въ деревнѣ Масловой приглашаются: йомзя и музыкантъ. Лишь только обрядъ поминовенія кончится, тотчасъ начинается музыка, подъ которую поминавшіе заводятъ пляску и пѣсни. Пьянство въ это время продолжается иногда до разсвѣта. Утромъ столъ, съ выставленными на немъ чашкой съ кусочками и ведромъ съ отливками пошла выносятся на дворъ, гдѣ йомзя, захлопавъ въ ладоши, и закричавъ: хайт, хайт, хайт! пускается плясать, и въ это время столъ, задѣвъ ногой, опрокидываетъ и начинаетъ „сасъ кларас“ т. е. ревѣть заунывнымъ голосомъ. Вернувшись со двора въ избу, поминавшіе приказываютъ закладывать лошадей ѣхать провожать покойника на кладбище. На кладбищѣ сначала поется кукку килѣтъ...⁽¹⁾, а потомъ начинается пляска. Передъ тѣмъ, какъ уѣзжать съ кладбища, покойнику на могилѣ оставляются: чашка, ложка, ведро, ковшъ, ножъ, кочедыкъ, рубаха, штаны и лапти⁽²⁾ съ тѣмъ же причитаньемъ: Пилле! Пагиль ду! Эбирь каятпыр! Знай! Будь доволенъ (потому что мы все для тебя вывезли)! Мы уѣзжаемъ! Простившись съ покойникомъ, всѣ ѣдутъ обратно въ домъ, а потомъ уже гости разѣзжаются каждый по своимъ домамъ.

Въ Байтеряковскомъ приходѣ для поминокъ въ 40 день варится до 100 ведеръ пива и закалается корова или быкъ. По сборѣ родственниковъ домохозяйинъ, видя, что съ ними нѣтъ усопшаго, посыластъ за нимъ сына или брата. Отламывая въ честь усопшаго частички кушаній, поминающій произноситъ:

Сахаръ, пиль ту! ак сана   Захаръ, знай! Вотъ
на чих кагай, ак сана   тебѣ курятина, вотъ тебѣ

(1) Пѣсня эта помѣщена выше, стр. 164.

(2) Тейлоръ въ своемъ сочиненіи: «Первобытная культура» передаетъ этотъ фактъ не совсемъ въ точномъ видѣ.

кагай; ак сана племъ ⁽¹⁾, ак говядина, вотъ тебѣ племъ, куймак. ак сана сра, ак лепешка, вотъ тебѣ пиво, эрек-де. Эй, Сахар, леш вотъ тебѣ и водки! Эй, сырде сяпла иссе, сый- Захарь, какъ здѣсь ты зе порни сяккынды бе наслаждался, ѣлъ и спилъ, гех!

Въ Аликовскомъ приходѣ Ядринскаго уѣзда, по сообщенію Г. Филиппова, для ѣзды на томъ свѣтѣ, вмѣсто лошади, во время поминокъ въ день погребенія кладется въ чашку съ кусочками грудинная кость (кобылка) съѣденной курицы съ словами:

Сяк лажа-ба суре, по-
зе, ярассе!

На этой лошади разъ-
ѣзжай, если пустятъ на-
чальники!

Собаки, пожирающихъ выбрасываемые ими изъ чашекъ послѣ поминокъ кусочки, Чуваши не трогаютъ, потому что онѣ пожранное относятъ покойникамъ.

Въ Старо—Шигалинскомъ приходѣ, Цивильскаго уѣзда,—по сообщенію того же Филиппова, семейныя поминки бываютъ малые и большіе; малыми называются устраиваемые въ первые семь дней послѣ смерти покойника; большими—устроаемые въ день на четной недѣлѣ послѣ смерти покойника.

Въ періодъ малыхъ поминокъ кто желаетъ, можетъ поминать умершихъ каждый день; въ день же погребенія, въ ночь на пятницу и въ седьмой день поминки обязательны.

Для малыхъ поминокъ въ день погребенія варится курица и пекутся оладьи; въ поминки въ ночь на пятницу готовится то же, но въ этотъ разъ родственники приносятъ съ собой пиво и оладьи; въ седь-

---

(1) *Племъ* есть родъ ватрушки изъ кислаго тѣста, но вмѣсто творога, кладется толченое конопляное сѣмя, немного разведенное водой или молокомъ.

мой день сверхъ обычныхъ кушаній для поминокъ закалается овца. Овца закалается для того, чтобы съ нее покойникъ имѣлъ шерсть для обуви и кафтана на томъ свѣтѣ.

Для большихъ поминокъ, если умершій былъ мужчина, закалается лошадь или жеребенокъ, для пашни и ѣзды на томъ свѣтѣ; въ честь женщины закалается корова или телка, для полученія тамъ масла и молока. У бѣдняковъ для мущины. вмѣсто лошади, закалается менѣе цѣнная корова или телка, коихъ онъ уже самъ долженъ обмѣнять на томъ свѣтѣ на лошадь, для чего въ придачу ему даются, по силѣ возможности, деньги. Рѣзаніе скотины сопровождается плачевнымъ пѣніемъ:

Шурум пусь шураза
килетъ,

Санын сассуна ильдес
сѣук!

Хвель хирельзе тогать,

Санын сассуна ильдес
сѣук!

Чигес килетъ сассыбе,

Санын сассуна ильдес
сѣук!

Заря бѣлая всходитъ,
побѣлѣвши,

Твоего голоса не услы-
хать!

Солнце всходитъ, зару-
мянѣвшись,

Твоего голоса не услы-
хать!

Ласточка прилетаетъ съ
щебетаньемъ,

Твоего голоса не услы-
хать!

Одно бедро съ ногой отъ заколотыхъ животныхъ для большихъ поминокъ отдѣляется для поминокъ въ третью ночь, извѣстную подъ названіемъ „салам сѣуръ“—ночь поклона. Въ эту ночь происходитъ прощаніе съ покойникомъ:

Халь инде тепре азы-
натченъ сыв бол!

Теперь уже до другихъ
поминокъ прощай (будь
здоровь)!

Послѣ того, какъ мясо животныхъ сварится и въ нѣсколькихъ чашкахъ будетъ выставлено на столъ, кто либо изъ семейныхъ на лошади отправляется на

кладбище звать на поминки покойника. При этомъ, выставленная на столъ для складыванія кусочковъ, отламываемыхъ отъ приготовленныхъ кушаній, чашка уставляется по краямъ зажженными восковыми свѣчами. Свѣчи для этого домохозяиномъ покупаются въ церкви и раздаются собравшимся на поминки родственникамъ за деньги. Если желающихъ помянуть соберется столько, что мѣста для свѣчъ вокругъ чашки будетъ недостаточно, то свѣчи разставляются сверхъ того по угламъ стола.

Обрядность затѣмъ поминокъ и проводовъ покойника—та же, что и въ перечисленныхъ выше мѣстностяхъ, съ тою лишь особенностью, что возвратившіеся съ проводовъ зажигаютъ свѣчку передъ иконой, молятся Богу и потомъ начинаютъ угощаться сами по себѣ. По вычисленію г. Л—а поминки обходятся Чувавамъ въ 35—40 р. (¹).

До наступленія большихъ поминокъ вдовцы не могутъ вступать въ новый бракъ, какъ и умершій; а также до этого времени не должно прятать черную шерсть и бѣлить печку, чонна лаих полдыр!—чтобы душѣ было хорошо!

Въ знакъ траура до 7 дня, со дня погребенія, Чуваши не мѣняютъ бѣлья.

Обряды поминовенія усопшихъ, какъ у горныхъ, такъ и у луговыхъ Черемисъ совершенно одинаковы съ чувашскими (²).

2) Общіе годовые поминки.

Кромѣ частныхъ семейныхъ поминокъ, у Чувашъ бываютъ еще общіе годовые поминки. Они совер-

(¹) Религіозное состояніе Чувашъ въ Цивильскомъ уѣздѣ (Казанской губ.). Л—ъ. Церковно-общественный Вѣстникъ. 1877 г. № 87.

(²) Моляровъ. Бесѣды съ Черемисами. Стр. 278—280. Поминки покойниковъ у луговыхъ Черемисъ. Л. И. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1873 г. № 9.—Черемисы Яранскаго уѣзда.—Русскія Вѣдомости 1872 г. № 114 и 117; Красноуфимскаго уѣзда.—Русскія Вѣдомости 1872 г. № 32.

шаются осенью, весной и лѣтомъ, и носятъ свои спеціальныя названія. Такъ, осенніе поминки, во 2-мъ станѣ Чебоксарскаго уѣзда, называются повсемѣстно авдан—сыры, весенніе—сьорда гоне, а лѣтніе—семик.

Авдан сыры.

Поминки Авдан сыры (пѣтушиное пиво) въ Чебоксарскомъ уѣздѣ начинаются въ 1-хъ числахъ Ноября, а оканчиваются въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца,—въ разныхъ домахъ въ разное время, въ деревнѣ Чешламѣ напр. на другой день послѣ моленья „Синь тыр полба“—объ урожаѣ новаго хлѣба. Названіе свое осенніе поминки получили отъ закаланія въ день совершенія ихъ пѣтуха (Авданъ). Обрядъ совершенія осеннихъ поминокъ совершенно схожъ съ частными семейными поминками.

Въ деревнѣ Ишалькиной, Чистопольскаго уѣзда, осенніе поминки называются—йоба (столбъ), отъ чего и мѣсяць Ноябрь получилъ названіе йоба ойыхъ мѣсяць столба. Для ноябрьскихъ поминокъ въ деревнѣ Ишалькиной закаляютъ теленка, жеребенка или лошадь, ягненка и проч., а также варятъ много пива, чтобы его достало для всѣхъ присутствующихъ на поминкахъ.

Когда будетъ все готово, тогда запрягаютъ лошадь, привязываютъ къ дугѣ колокольчикъ и ѣдутъ въ лѣсъ. Туда берутъ съ собой полштофъ водки, свареннаго пѣтуха и блиновъ для того, чтобы угостить покойника.

Въ лѣсъ привозится еще кошма или войлокъ. Въ лѣсу срубаютъ липу, не очень тонкую, приблизительно вершка въ два съ половиною или въ три вершка толщины. Съ липы кору соскабливаютъ и ставятъ ее столбомъ (йоба). На верхнюю часть этаго столба надѣваютъ нѣчто въ родѣ фуражки, сдѣланной изъ той же липы и называемой салам, что значитъ съ арабскаго языка поклонъ, привѣтствіе мира. Длина

столба бываетъ около двухъ аршинъ. Этотъ столбъ обвертываютъ войлокомъ и везутъ домой. Привезенныя кушанья всѣ оставляются въ лѣсу, а водку выпиваютъ сами, выливая часть на землю покойнику. Когда прѣзжаютъ домой, то этотъ столбъ на томъ же войлокѣ, которымъ онъ обернутъ былъ, четыре человѣка несутъ въ избу, какъ покойника, и укладываютъ на конникъ. На конникѣ уже заранѣе бываетъ постлана перина. На эту перину укладываютъ привезенный столбъ и одѣваютъ его чѣмъ—нибудь, какъ бы человѣка. Если поминаютъ дѣвицу, то на этотъ столбъ надѣваютъ головной уборъ, называемый тохья, который дѣвица носила при жизни. Послѣ этаго начинаютъ играть на скрипкѣ, пляшутъ, а нѣкоторые плачутъ.

Послѣ этого всѣ отправляются на могилу помянуть покойника.

На поминки непременно собираются всѣ родные, мушны и женщины, и ѣдутъ на могилу. Если поминаютъ дѣвушку, то ѣдутъ на могилу и дѣвушки. Они берутъ съ собой вареную телятину, баранину и лошадину, пиво, водку, блины и прочіе съѣстные припасы.

На могилу везутъ и столбъ, который привезенъ былъ изъ лѣсу, а одноногую скамью оставляютъ тамъ, гдѣ передъ похоронами покойника брошено было бѣлье, въ которомъ онъ скончался. На эту скамейку, по вѣрованію Чувашъ, покойникъ по временамъ станетъ садиться. Означенный же выше столбъ ставятъ на могилу и говорятъ, будто это домъ покойника. На могилу берутъ скрипача и тамъ играютъ, пляшутъ, поютъ и пьютъ водку.

Вернувшись съ могилы домой, сажаютъ какого—нибудь мальчика верхомъ на лошадь и отправляютъ его по улицамъ извѣстить всѣхъ о наступленіи поминокъ. Когда мальчикъ ѣдетъ по улицѣ, то, называя по имени того хозяина, который совершаетъ поминки, кричитъ: приходите въ домъ такого—то пиво пить!

Такимъ образомъ народу на поминки собирается очень много.

Если въ деревнѣ есть еще другіе поминки, тогда изъ одного семейства одинъ идетъ къ одному, а другою къ другому. Почти изъ каждаго дому приносятъ блиновъ и восковую свѣчку, чтобы зажечь ее во имя покойника. Поминающіе не спятъ всю ночь. По чувашскому обычаю въ это время въ домѣ, гдѣ совершаются поминки, спать нельзя, по крайней мѣрѣ нѣсколькимъ человекамъ. Каждый человекъ, присутствовавшій на поминкахъ, будетъ ли то молодой, или старый, или дѣвица, — всѣ пляшутъ попеременно. Если присутствующій на поминкахъ не будетъ плясать, то говорятъ, что покойникъ наведетъ на него за это нездоровье. Для поминокъ пекутъ много курниковъ (пирогі съ говядиной), которые и ѣдятъ послѣ полуночи. Къ свѣту же готовятся провожать покойника, который, по вѣрованію Чувашъ, присутствовалъ на поминкахъ. Для этого берутъ чашку, ложку и другую посуду, дровъ и огня, и идутъ куда-нибудь сажень на сорокъ отъ дома и тамъ разводятъ огонь. Не доходя до этого мѣста, на дорогѣ пляшутъ въ трехъ мѣстахъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ разведенъ огонь, пляшутъ раза три. На этомъ же мѣстѣ послѣ пляски разбиваютъ всѣ посудины и возвращаются домой. На дворѣ или въ сѣняхъ, или около двери каждый умываетъ руки и лицо и только тогда уже проходитъ въ переднюю часть дома (не умывшись нельзя входить въ переднюю часть избы), гдѣ пьютъ по одному стакану пива, а послѣ того идутъ въ баню. Банею поминки оканчиваются. Послѣ бани бываетъ угощеніе, но это уже не поминки. Остающееся отъ поминокъ мясо въ пину уже не употребляется поминавшими, а раздается татарамъ — мухаммеданамъ, или выбрасывается на дворъ ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Похороны и поминки Тимряева. Извѣстія по Казанской Епархіи, 1876 г. № 9.

Въ Старо-Шигалинскомъ приходѣ осенніе поминки называются Алдан—сыры. Въ день этихъ поминокъ домохозяева, выпарившись въ банѣ, оставляютъ въ ней вѣники для покойниковъ.

Чувашскіе поминки, ради выпивки, усердно посѣщаются русскими крестьянами. Съ наступленіемъ Авдан—сыры, послѣ предшествовавшихъ морозовъ и выпаденія снѣга, нерѣдко начинаютъ идти дожди и Русскіе въ Бѣловоложскомъ приходѣ это явленіе природы въ насмѣшку объясняютъ плачемъ Чувашъ по родителямъ ихъ, а когда дорога отъ дождей сдѣлается, какъ говорится, ни санная, ни колесная—посылаютъ ихъ родителямъ проклятія.

У Черемисъ луговыхъ осенніе поминки называются—Кишаль (кисель) и справляются въ Октябрѣ, въ Дмитріевскую субботу (¹).

Сьорда гоне.

Сьорда гоне—свѣчной день. Такъ называются въ Карачевскомъ и Бишевскомъ приходахъ весенніе поминки. Весенніе поминки совершаются во всѣхъ домахъ въ одинъ день заразъ, но въ разныхъ мѣстностяхъ не въ одинаковые дни; такъ напр. въ Тюрлеминскомъ и Аттиковскомъ приходахъ они справляются въ субботу на Страстной недѣлѣ, въ ночи на первый день Христіанской Пасхи, въ другихъ—на второй день Пасхи. Для весеннихъ поминокъ въ деревнѣ Масловой варится, по словамъ А. Егорова, корчага пива, пекутся блины и красятся яйца. Когда все это будетъ готово, вся деревня выходитъ въ поле, гдѣ раскладывается жарникъ изъ изношенныхъ лаптей, нарочно сберегаемыхъ и просушиваемыхъ въ теченіи недѣли, и затѣмъ черезъ жарникъ пришедшіе начи-

---

(¹) Праздники у Черемисъ. Свщ. А. А. Извѣстія по Казанской Епархіи 1868 г. № 5; Черемисы Яранскаго уѣзда. М—ъ. Русскія Вѣдомости 1872 г. № 114. Ibid. 32.

наютъ, до трехъ разъ, перепрыгивать. Послѣ этаго, уходя домой, приглашаютъ къ себѣ покойниковъ, которые въ это время изъ могилъ отпускаются на волю.

Килэр пабайзэм, эби-зэм, ачазэм мун гон кор-ма! Сьиринжин сьымарда, плэм пизерне.

Приходите дѣдушки, бабушки, дѣтушки участвовать (въ празднованіи) въ великомъ днѣ! Для васъ сварены яйца, напечены блины.

Въ деревнѣ Масловой обувшійся на Пасхѣ въ старые лапти обзывается — тогатмыш наговорщикъ, колдунъ ⁽¹⁾. Тамъ же старые лапти кидаются въ догонку уѣзжающему изъ деревни начальству: Волостному Писарю, Становому Приставу и Судебному Слѣдователю. Едвали не съ какою—нибудь особенной цѣлью вѣшаются Чуваши старые лапти на сучья березъ по почтовымъ трактамъ.

Въ деревнѣ Малой Карачевой (Сядырга) одинъ чувашинъ рассказывалъ мнѣ, что сьорда—гонне у нихъ совершается, смотря по времени, въ какое бываетъ Пасха,—или предъ Пасхой или послѣ нея, что вмѣсто лаптей сожигается *кожура съ лыкъ*, что огонь разводится или среди улицы, или въ оврагѣ за околицей. Чуваши, зажегши кожуру, приглашаютъ покойниковъ грѣться. Самые же поминки затѣмъ справляются въ избѣ, гдѣ передъ иконами ставятся восковыя свѣчи, почему и самые поминки называются сьорда—гонне.

Въ деревнѣ Кугсевой жарникъ изъ старыхъ лаптей и лычныхъ кожуръ разводится въ полдень на лугахъ подъ деревней, на берегу рѣки Аниша, куда приносится по ведру пива.

---

(1) Чувашское слово тогатмыш производимъ отъ арабскаго ^{دوعا} *дуга* молитва, и глагола ^{ایتمک} *айтмакъ* говорить, отсюда *дуга айтмакъ* молиться, читать, совершать молитву. Есть даже *дугаламакъ* прочесть молитву, заколдовать молитвой. Поэтому *дуга айтмыш* или *тугатмыш* колдунъ, наговорщикъ.

Въ Бичуринскомъ приходѣ, по сообщенію М. Ѳ. Ѳедорова „Сьорда гоне“ бываетъ въ понедѣльникъ на Пасхѣ; для него съ утра лѣплятъ изъ желтаго воска самодѣльные свѣчи и приготавливаются необходимыя для поминокъ кушанья. Вечеромъ, по закатѣ солнца, жители со всей деревни собираются для поминокъ въ тотъ домъ, который для этого былъ избранъ дѣдами и пра-дѣдами; въ этомъ домѣ хранится и нужная при поминкахъ посуда. Поминки начинаются съ того, что каждый собравшійся прилѣпляетъ къ воткнутой въ стѣнѣ у порога лучинѣ столько зажженныхъ свѣчъ, сколько лицъ имѣетъ въ виду помянуть, причемъ ставящій свѣчку произноситъ: омынче болдыр! т. е. да будетъ предъ нимъ! Обрядъ отламыванія кусочковъ кушаній поминаемому и отливанія пива одинаковъ съ семейными поминками.

Въ Старо—Шигалинскомъ приходѣ, по сообщенію о. Филиппова, весенніе поминки совершаются—въ самомъ селѣ ночью въ страстной четвергъ; въ приходскихъ же деревняхъ—въ понедѣльникъ на Пасхѣ, причемъ называются виль тухны кун—день выхода мертвыхъ.

Для поминокъ пекутся лепешки, намазанные сверху картофелемъ, и оладьи и варится каша и курица. Передъ началомъ поминокъ собираются со всего дома старые лапти и сожигаются—одними въ банѣ, другими—на горѣ за рѣчкой. Поминки сопровождаются пляской подъ скрипку и пузырь.

Въ Шуматовскомъ приходѣ Ядринскаго уѣзда, въ дѣтствѣ, во время обхода на Пасхѣ киреметей, для сбора въ нихъ денегъ, мнѣ не разъ доводилось въ оврагахъ при деревняхъ находить одновожные досчатые столики въ пол-аршина и менѣе длиною, а около нихъ битую деревянную посуду: блюда, ложки, пивныя чашечки и чирясы (кадочки, выдолбленныя изъ липы или осины); посуда эта, передъ уходомъ Чувашъ послѣ моленья домой, ударялась объ землю, и если она отъ этого не разбивалась, то ударять ее вторично не по-

лагалось. Само собою разумѣется. не разбитую посуду я уносилъ съ собою, и изъ пивныхъ чашекъ угощаль въ послѣдствіи приходившихъ къ отцу во время Пасхи Чувашъ. О сожиганіи лаптей и кожуры въ Шуматовскомъ приходѣ мнѣ слышать ниразу не доводилось, а въ Чебоксарскомъ уѣздѣ не доводилось находить въ оврагахъ описанные столики и битую посуду, не смотря на непрерывные разѣзды по нему во всехъ направленіяхъ.

Черемисы, Красно-Уфимскаго уѣзда, Пермской губерніи. въ Великую Субботу моются въ баняхъ, надѣваютъ на себя чистое бѣлье и во время торжественной Воскресной заутрени идутъ на моленное мѣсто, въ поле, и преимущественно на гору, гдѣ, ставъ на колѣна, лицомъ къ востоку, кланяются, слушая при этомъ изустное толкованіе молитвъ однимъ изъ стариковъ, особенно твердо-знающихъ ихъ вѣру. Въ молитвахъ этихъ разсказывается, какъ свѣтло на небѣ, какъ тамъ живетъ Богъ, какую онъ имѣетъ силу и въ какой степени святы его угодники Николай и Василій; другихъ же святыхъ они не знаютъ. Помолвившись Богу, они уходятъ домой обѣдать, и такъ продолжаютъ молиться по утрамъ въ теченіе всей пасхальной недѣли; въ домахъ же своихъ они Богу никогда не молятся ⁽¹⁾.

Горные Черемисы весенніе поминки справляютъ въ Великую Субботу, на канунъ Пасхи Христовой.

Семиц.

Семиц—лѣтніе поминки. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ они совершаются—въ однихъ приходахъ въ четвергъ передъ Троицей, а въ другихъ въ субботу, на приходскихъ кладбищахъ, куда въ нѣкоторыхъ приходахъ является духовенство и служить панихиды. Подроб-

---

(1) Русскія Вѣдомости 1872 г. № 32.

ности совершенія Семика можно читать въ Запискахъ Г-жи Фуксъ. (¹).

Въ деревнѣ Масловой по словамъ А. Егорова, въ Семик Чуваши сажаютъ передъ окнами, какъ у Русскихъ въ Троицу, деревья для того, чтобы ушедшіе съ кладбища души умершихъ могли сидѣть на нихъ и еще—сынна сябынмандан, т. е. чтобы не прикоснулись къ человѣку и чтобы на нихъ не лаяли собаки; если жъ это случится, мертвые пиллемессэ, т. е. не благословятъ.

Въ честь тѣхъ—же умершихъ ставятся кусты деревъ на телѣгахъ во время свадебнаго поѣзда,—виле дуй сынна сябынмандан, т. е. чтобы свадебный поѣздъ мертвыхъ не прикоснулся къ живымъ (²). Сѣвши на кусты, души умершихъ ѣдутъ тогда вмѣстѣ съ живыми. Кусты втыкаются на телѣгахъ и для того, чтобы другіе знали, что у жителей свадебнаго поѣзда есть лѣсъ.

Во время общихъ поминокъ каждый умершій, по словамъ А. Егорова, поминается столько лѣтъ, сколько прожилъ на землѣ.

Въ Старо Шигалинскомъ приходѣ, по сообщенію о. Филиппова, въ Семикъ для поминокъ приносится на кладбище, сверхъ обычныхъ кушаній. яичница и яйца. Одно яйцо передъ отъѣздомъ съ кладбища между прочимъ зарывается въ могилу противъ головы покойника. Во время поминокъ поется приведенная пѣсня: Шурум пусь.

Русскіе—въ Бѣловожскомъ приходѣ родительскія поминавенія исправляютъ во вторникъ на Троицкой недѣлѣ, въ субботу передъ Троицей и въ Дмитриевскую субботу, передъ праздникомъ осенней Казанской Божіей Матери. Во всѣ три раза исправленіе родительскихъ состоитъ у нихъ въ томъ, что какъ

(¹) См. Записки о Чувахахъ и Черемисахъ. Стр. 12—19.

(²) Чуваши думаютъ, что души мертвыхъ женятся на живыхъ (въ такомъ случаѣ дѣвицы, или женщины умираютъ). Чуваши разсказываютъ, что съ кладбища иногда мертвые съ огнями выѣзжаютъ и направляются (огни, духовъ не видно обыкновенно) къ какому либо дому, гдѣ вскорѣ случается покойникъ.

только начнется благовѣсть къ обѣднѣ, дѣти, преимущественно дѣвочки, женщины и старухи, отправляются въ церковь съ блинами и яйцами, завязанными въ платкахъ на тарелкахъ и, раздавъ ихъ тамъ собравшимся со всего прихода съ кузовьями и мѣшками нищимъ, возвращаются обратно домой, за исключеніемъ старухъ, которыя подаютъ поминанья, ставятъ свѣчи и заказываютъ послѣ обѣдни панихиды. Муштинъ и представителей семействъ некрестьянъ, хотя послѣднихъ въ приходѣ нѣсколько, въ церкви никого не бываетъ; даже нищіе въ эти дни уходятъ изъ церкви до окончанія службы, едва волоча щедрую милостыню. Нѣкоторыя старухи ко дню родительскихъ ставятъ по корчагѣ пива, но угощаются, по выходѣ изъ церкви, только сами.

Сьурасьма (Примиреніе).

Въ Тюрлеминскомъ и Аттиковскомъ приходяхъ, кромѣ описанныхъ поминокъ, совершаются еще, во время татарской уразы, въ честь умершихъ поминки сьурасьма или примиреніе. Обыкновенно эти поминки устроятся среди Чувашъ, когда кто либо изъ живыхъ не успѣлъ помириться съ умершимъ. Для примиренія устроятся поминки, на которые живые просятъ придти умершихъ. Приготавливаемые для Сьурасьма въ деревнѣ Масловой кушанья и способъ совершенія этихъ поминокъ тѣже, что и во время частныхъ семейныхъ поминокъ, за исключеніемъ чтенія, во время обряда, нижеслѣдующей молитвы:

Е бисьмедле! Ажа ка-
зяр! Исмэшкен, сіймэш-
кен перегеть пар! Выли-
га — чырлига сьывлых
пар! Хамырада сьывлых
пар ачам—пычамба! Сьу-
расьмаран сьурасьмана

Во имя Бога! Пожа-
луйста не оставь! Пить,
ѣсть благодать дай! До-
машнему скоту здоровья
дай! И самимъ съ дѣть-
ми здоровья дай! Отъ об-
ряда примиренія до об-

боримашкын съивлѣх пар!
Хувыра сягын пэк исъмэ-
сѣймэ хывра хывмашкын!
Сьурасьмаран сьурась на
кизэ каир! Выгытрап ки-
лэр, выгытсыр ангилэр.
Хинь азап анбарыр! Перь
турам перь сьук полдыр!
Пагиль тувыр!

ряда примиренія (т. е. отъ времени поминокъ до другихъ поминокъ) здоровья дай! Вамъ самимъ также чтобы пить, ѣсть, когда мы вамъ накрошимъ хлѣба ⁽¹⁾! Отъ поминокъ до поминокъ (т. е. въ каждыя поминки) приходите! Во время (т. е. въ поминки) приходите, а безъ времени не приходите! Мучительной болѣзни не причиняйте! Одна кропка пусть будетъ возомъ! Благословите (Простите)!

Въ Старо-Шигалинскомъ приходѣ, по сообщенію о. Филиппова поминки Сьурасьма въ однихъ селеніяхъ справляются осенью послѣ Алдан сыры, въ другихъ же—въ рождественскій мясоѣдъ. Особенностью ихъ въ этомъ приходѣ является то, что одна свѣчка прилѣпляется и зажигается на стѣнѣ подлѣ печки въ честь хирт—сорта—домоваго.

Камалзыр виле ⁽²⁾.

Помянувши всѣхъ своихъ родственниковъ по именамъ, Чуваши наконецъ поминаютъ „камалзыръ виле“, т. е. такихъ умершихъ, которыхъ не кому помянуть, или же такихъ, которые умерли неизвестно гдѣ. Въ память такихъ лицъ отломленный кусокъ, вмѣсто того, чтобы положить его въ чашку (что считается неудоб-

⁽¹⁾ Обыкновенно при поминкахъ Чуваши отдѣляютъ хлѣба для умершихъ и отлавляютъ шты въ особенныя посудины.

⁽²⁾ *Камалзыръ* можетъ быть объяснено какъ сложное слово: *камъ* кто, *алъ* рука, *зыръ* безъ, т. е. кто безъ рукъ, т. е. кто умеръ безъ родственниковъ, безъ дѣтей (какъ онъ безъ рукъ). Но върѣбѣ, кажется,

нымъ—мѣшать его съ своими родными), выбрасываютъ изъ двери на дворъ, говоря: „камалзырзене барадыпъ, изеръ, сйеръ, тода болыръ, т. е. даю безроднымъ, вшыте, пейте и будьте сыты!

У Русскихъ, въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, поминкамъ камалзыр виле соотвѣтствуютъ поминки „заложныхъ“: утопленниковъ, удавленниковъ, пропавшихъ безъ вѣсти, сгорѣвшихъ во время пожара, вообще—всѣхъ, неудостоившихся отиѣванія.

Загробная жизнь умершихъ.

Душа умершихъ, по вѣрованіямъ въ деревнѣ Масловой, говоритъ А. Егоровъ, „чинграу подать“ т. е. впадаетъ въ яму (چونگر او чунграу татар. яма, котловина). Тамъ же одни вѣрятъ, что на кладбищахъ есть „тамык хоранъ“ адскій котель—бездна, адъ, въ которомъ души умершихъ по распоряженію кладбищенскихъ начальниковъ, въ теченіи 140 лѣтъ обжигаются, а затѣмъ, по указанію Бога, черезъ Эрееля переводятся на новое кладбище, на которомъ начальники мертвецовъ должны ихъ съуть—не шыва кўртме,—т. е. молокомъ обмыть, или въ молоко искупать. Послѣ этого умершіе женатыми могутъ отыскивать своихъ женъ, сколько они ихъ имѣли, холостые—жениться, дѣвушки и вдовы—выходить замужъ, богатые—вновь сдѣлаться богатыми, торговцы—торговать, бѣдные должны оставаться бѣдняками, коштаны—коштанами, воры—ворами, йомзи—йомзями, ни разу не бывшіе при жизни на свадьбѣ—ходить на свадьбы мертвыхъ и т. д.; другіе же говорятъ, что ада вовсе нѣтъ.

производитъ это слово отъ арабскаго слова *كمال* *кемалъ* совершенство, полнота, отсюда *кемалзыръ* бѣдный, несчастный, безродный; бездомный. Чуваши называютъ икону, не извѣстно кому принадлежащую, наир. найденную въ полѣ, пущенную на воду, «камалзыръ тора». Въ честь такихъ иконъ иногда йомзи заставляетъ молиться Чуваши, чтобы не поломала такая икона кого пибудь. Чуваши, для исполненія такого наставленія йомзи, ставятъ свѣчи гдѣ либо за деревней къ пеньку, или дереву, или же бросаютъ тамъ кусокъ хлѣба, или калача.

Царствомъ мертвыхъ управляютъ на кладбищахъ: 1) Мазар позе—кладбищенскій начальникъ ⁽¹⁾—тотъ, кто первымъ на кладбищѣ схороненъ; 2) Мазар тѳри—кладбищенскій судья,—служившій при жизни въ какой—нибудь должности; 3) Мазар сыхчи—сторожъ,—служившій при жизни по найму караульщикомъ; 4) Виль туи—умершій въ поѣздку на свадьбу и 5) Мазар тѳр килли,—имѣвшій въ домѣ тѳр килли (мазарская или кладбищенская киреметь).

Въ 2 верстахъ отъ Масловой, на западъ, на границѣ Цивильскаго уѣзда, на правомъ берегу Бувы, на Юмашевской землѣ, находится старинное покинутое кладбище съ нѣсколькими уцѣлѣвшими на немъ камнями съ татарскими надписями; на немъ—то въ Октябрѣ 1875 года Масловцы слышали, какъ мертвые шумѣли, переселяясь съ своимъ тамык хоранъ т. е. адскимъ котломъ на лѣвый берегъ Бувы, на кладбище некрещеныхъ Чувашъ, Чебоксарскаго уѣзда, подъ деревней Семенчиной. На этомъ послѣднемъ кладбищѣ растетъ осиновый кустъ—киреметь.

Въ Аликовскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда, по словамъ г. Филиппова, Чуваши рассказываютъ, что вселенная состоитъ изъ 7 этажей, изъ коихъ три пахотятся поверхъ земли, четвертый этажъ составляетъ земная поверхность, остальные три—внизу, подъ землей. Жилище покойниковъ приходится въ седьмомъ этажѣ, подъ землей и называется: сиччъ сьирь ними—мозгъ семи земель. Отсюда—бранное выраженіе, употребляемое въ этомъ приходѣ: сьирь сьуттыр—земля проглотила-бы (тебя)!

Въ виду своеобразныхъ воззрѣній на загробную жизнь покойниковъ, неудивительно, если и Чуваши, подобно Татарамъ и Черемисамъ, отнесутся враждебно къ

---

(1) Слово мазаръ отъ арабскаго зара زارъ посѣщала, отсюда зіарать, زیارة—посѣщеніе, мазарки مزارъ мѣсто посѣщенія.

предпринимаемъ Казанскимъ Обществомъ Естествоиспытателей раскопкамъ старинныхъ кладбищъ (1).

Помѣщаемъ чувашскую сказку въ русскомъ переводѣ, найденную въ посмертныхъ бумагахъ Н. И. Золотницкаго; она показываетъ, что Чуваши признаютъ и рай.

Жили-были старикъ со старухой. Старикъ пошелъ въ лѣсъ. Съ нимъ встрѣтился Татаринъ. Старикъ его спросилъ: куда идешь Татаръ—бечей? Въ вѣру войти (креститься)! Дай-ка я самъ окрещу тебя. Ну—такъ, пожалуй, окрести, вотъ тебѣ деньги, какіе при мнѣ есть. Старикъ положилъ Татарина на колоду, въ низъ лицомъ, взялъ топоръ да по шеѣ зарубилъ; Татаринъ умеръ. Старикъ деньги его взялъ и сталъ богатѣть, и разбогатѣлъ. Спустя нѣсколько времени, жена его родила сына. Этотъ сынъ, подросши, лошадь запрягъ и поѣхалъ въ лѣсъ той дорогой, гдѣ отецъ татарина зарубилъ. Татаринъ вышелъ ему на встрѣчу: куда, молодецъ, отправляешься ты? Въ лѣсъ! Не ходи туда, а взойди молодецъ, ко мнѣ въ гости. Но гдѣ же твой домъ? Татаринъ ему говоритъ: вотъ здѣсь, только закрой глаза да за мной три шага сдѣлай.—Молодецъ закрылъ глаза, три раза шагнулъ и вдругъ очутился на томъ свѣтѣ. Идетъ молодецъ дорогой, видитъ двѣ женщины сидятъ да молоко изъ горшка въ горшокъ переливаютъ, а молоко больше прибываетъ, такъ что и помѣститъ его не куда. Идя дальше видитъ, двѣ женщины молоко разливаютъ, одна говоритъ: тебѣ много, мнѣ мало, другая отвѣчаетъ: тебѣ много, мнѣ мало. Идя еще дальше видитъ: двое лежатъ подъ тулупомъ, одинъ говоритъ: мнѣ тепло, другой говоритъ и мнѣ тепло. Еще дальше: двое лежатъ подъ тулупомъ, одинъ говоритъ: мнѣ холодно: другой говоритъ, и мнѣ холодно. Еще дальше—онъ видитъ мостъ изъ

---

(1) Отчетъ о раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ въ Лашевскомъ и Спасскомъ уѣздахъ Казанской губерніи. А. Н. Стоянова. Приложение къ протоколу 23 засѣданія, 21 апрѣля 1871 г., Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Знаніе 1876 г. Замѣтка д-ра Маліева.

людей смощенный; столбы и перекладины изъ людей; какъ на одного наступишь—онъ стонетъ, на другаго наступишь и тотъ стонетъ. Прощедши это, онъ видитъ небольшое строеніе, въ которомъ поютъ всякаго рода птицы, всякая трава зеленѣетъ; чувствуется запахъ отличный. Наконецъ онъ зашелъ въ большой домъ; въ немъ сидитъ старикъ съ сѣдою бородою. Ну, молодецъ, издалека пришелъ ты, сядь-ка, отдохни у меня, куда угодно смотри, а въ эти окна не гляди. Сказавши это, старикъ вышелъ.—Молодецъ подумалъ: зачѣмъ это старикъ не велѣлъ мнѣ смотрѣть туда? Что будетъ? Взглянулъ: въ одномъ мѣстѣ большой котелъ со смолой кипитъ, народу въ немъ и сосчитать нельзя, глѣдѣлъ—глядѣлъ да и увидалъ своего отца, схватилъ его за волосы; волосы выдернулись. Послѣ того онъ началъ плакать. Вскорѣ пришелъ старикъ и говоритъ: что ты надѣлалъ? я тебѣ запретилъ туда смотрѣть. Молодецъ говоритъ: дѣдушка! вѣдь и мой отецъ тамъ кипитъ, какъ его вынуть (избавить)? Старикъ сказалъ: не бойся, молодецъ, отецъ твой теперь дома, а скажи-ка, что ты видѣлъ и слышалъ дорогою? Ахъ, старецъ, многое я видѣлъ: въ одномъ мѣстѣ двѣ женщины молоко разливаютъ, не куда дѣвать—прибываетъ; старикъ сказалъ: онѣ молока ни для кого не жалѣли. Молодецъ говоритъ: а это что такое: двѣ женщины молоко разливаютъ, одна говоритъ: тебѣ много, мнѣ мало, и другая—тоже? А вотъ что: онѣ для людей молока жалѣли. Еще старецъ: двое лежатъ подъ тулупомъ, одинъ говоритъ: мнѣ тепло и другой—тоже. Старикъ отвѣчаетъ: они ни для кого не жалѣли одежды. А еще, дѣдушка, двое лежатъ и говорятъ, что тому и другому холодно. Старикъ сказалъ: они прежде для людей жалѣли одежды, ни кому не давали, вотъ за то-то и страдаютъ.—Ну, теперь, дѣдушка, это что: видѣлъ я мостъ изъ людей смощенный. Старикъ сказалъ: это конокрады и тѣ, которые портили людей, за то они страдаютъ. А это что, дѣдушка: въ небольшомъ строеніи всякія птицы

и всякія травы?—Это приготовлено для людей безгрѣш-
ныхъ.—Ахъ; дѣдушка, мнѣ туда попастьъ-бы!—Ты взой-
дешь туда—отвѣтилъ старикъ. Потомъ онъ напоилъ и
накормилъ молодца и сказалъ: ну, ступай, молодецъ,
домой! Молодецъ возвратился домой; отецъ—мать его
состарѣлись; отецъ въ болѣзни третій годъ лежалъ.
Что же это, батюшка; я, кажется, только три дня хо-
дилъ. Эхъ, сынокъ, ты, отправившись изъ дому, трид-
цать лѣтъ пропадалъ. Отецъ спросилъ сына: гдѣ ты
шатался? И, батюшка, пошелъ въ лѣсъ, тамъ меня
татаринъ позвалъ въ гости, тамъ я видѣлъ тебя, ты
кипишь въ адскомъ котлѣ. Услышавши это отъ своего
сына, старикъ началъ плакать, молиться Богу и все
какія у него были вещи, деньги, и платье роздалъ
бѣднымъ людямъ и нищимъ. Послѣ того, спустя до-
вольно времени, старикъ со старухой умерли, а послѣ
того умеръ и сынъ ихъ.

И: Сказка—въ ту сторону, а я—въ эту сторону!

IV. **Родины** (1):

При нормальныхъ родахъ, тотчасъ по рожденіи
ребенка! баушка, въ Масловой беретъ яйцо, гореть
хмѣлю и солоду и выбрасываетъ все это на дворъ
(а по сообщенію г. Сбоева, йомзя разбиваетъ яйцо
надъ головой новорожденнаго). Вернувшись въ избу,
она беретъ ребенка на рѣки и начинаетъ его обмы-
вать, читая молитву:

Висьмэлле! Перь Тора анбрахтыр! Тэтти йолдыр, какки кайдыр!

Во имя Бога! Единый, Богъ, не оставь! Доброе останься, а худое, уйди!

Идны, отыр, ...

(1) Современные остатки и проч. Свящ. Н. Каменскаго. Казань 1879 г. Стр. 24—27.

Родившійся ногами впередъ считается счастливымъ, — такого ребенка съ малыхъ лѣтъ все уважаютъ, а по немъ и его родственниковъ, — впоследствии онъ долженъ быть коштамъ и богачъ. — По мнѣнію Чувашъ, родившаяся въ сорочкѣ дѣвочка азамысь полать — знхаркой (колдуньей) будетъ, а родившійся въ сорочкѣ мальчикъ — ял-бозе полать — главой народа будетъ, или руководителемъ во всемъ.

Послѣ родовъ, матери, какъ только замѣсятъ хлѣбы, каждый разъ подходятъ къ ребенку и, трепля (лаская) его, говорятъ: квас чирезынчи чуста бэк хубар. Тфу! Рости, какъ хлѣбъ въ квашнѣ поднимается. Тьфу!

О плачущихъ дѣтяхъ говорятъ, что дѣти плачемъ выговариваютъ:

Ах кибинэ сотса, шыв . Эхъ, продалъ-бы рубашку, да воды напился!

По смерти дитяти, родители его въ Масловой не ѣдятъ до Пасхи яицъ и яблоковъ до Преображенія, иначе-де ни тѣхъ, ни другихъ не будутъ давать ихъ дѣтямъ на томъ свѣтѣ.

Души дѣтей, умершихъ прежде, чѣмъ они успѣли насосаться материнской груди, по вѣрованію Чувашъ въ деревнѣ Масловой, превращаются въ ар-сьори (полумущина, лѣшій).

Паря дѣтей, въ банѣ, матери ихъ приговариваютъ:

Е бисьмэля! Тутла Во имя Бога! Пріятнаго пару дай, душѣ спокойнаго сна! Большимъ будь, коштамомъ будь! Вши перемрите, гниды перелопайтесь!

Чон кърдэс.

Чувашки родять дѣтей далеко не всегда такъ легко⁽¹⁾, какъ рассказываетъ г-жа Фуксъ⁽²⁾; для родовспоможения и онѣ ко времени родовъ приглашаютъ баушекъ, но послѣднія, къ сожалѣнію, являются не столько для родовспоможения, сколько для совершенія различныхъ обрядовъ. Изъ числа послѣднихъ мнѣ извѣстенъ чонъ кърдэс—впускать душу—обрядъ впускания души. Обрядъ этотъ совершается въ случаѣ безжизненности ребенка (при недоноскахъ). Какъ только такое дитя родится, приглашенные баушки, взявъ въ руки сковороду, желѣзный ковшъ или заслонку, отправляются — одна на подволоку и тамъ, бряча въ сковороду, выкликаетъ:

Тора! Эс ача чоннэ бар!

Боже! Ты дай душу ребенка (ребенку)!

Другая спускается въ подполье и тамъ выкликаетъ:

Шойтан, эс тэ болинъ ача-чоннэ бар!

Шайтанъ, хотъ ты дай душу ребенку!

Третья, съ заранѣе приготовленнымъ короваемъ хлѣба, выходитъ на дворъ и взываетъ:

Сьирди сьир йиш, сьирди Тора, минь тунчи ыраозал, ача чоннэ бары!

Семейство духовъ земныхъ, земной Богъ! добрые и злые (духи) всего свѣта, дайте душу ребенку!

Внесши затѣмъ коровай въ избу, кладетъ его на столъ и вмѣстѣ съ двумя первыми принимается кушать.

⁽¹⁾ Голось 1873 г. № 324; Казан. Губ. Вѣд. 1874 г. № 28.

⁽²⁾ Фуксъ. Записки. ... Стр. 59. Чувашскіе разговоры и сказки, составленные Сьиридономъ Михайловымъ. Казань. 1853 г. Стр. 4—9.

Покупка поворожденных дѣтей.

Въ предупрежденіе смерти дѣтей, родившихся живыми въ тѣхъ семействахъ, въ которыхъ они умираютъ, въ деревнѣ Масловой совершается обрядъ заклинанія.

Ко дню родовъ въ упомянутомъ случаѣ, кромѣ баушки, приглашается йомзя, который, пока роды совершаются, остается гдѣ нибудь на дворѣ. Лишь только новое существо на свѣтъ явится, баушка немедленно зарертываетъ его въ тряпки и выноситъ на улицу. Поджидавшій этаго, йомзя тотчасъ-же новорожденнаго подбираетъ и вноситъ обратно въ избу съ заявленіемъ:

Ача топрым; содадып;
илэр! Сыре кирле болэ
сяк ача?

Ребенка нашель; про-
даю; купите! Можетъ
быть, вамъ нуженъ этотъ
ребенокъ?

Штан топрым?
Сьудь синьчэ топрым!

Гдѣ нашель?
Въ сору нашель (1).

Понятно, отказа отъ покупки никогда не бываетъ. Заплативъ йомзѣ копѣекъ пять, баушка беретъ у него изъ рукъ новорожденнаго и, обрѣзавъ ему пуповину(2), начинаетъ его обмывать, а загѣмъ новорожденному дается имя сьуппи, съ которымъ онъ и остается навсегда. Названнаго такимъ именемъ младенца йомзя вновь беретъ къ себѣ на руки и начинаетъ его окуривать, приговаривая:

Е бисъмэлле! Сяк Сьуп-
пи-рэнъ тох кось, — хора

Во имя Бога! Изъ эта-
го (младенца) Сьуппи выдѣ

(1) Въ другихъ мѣстахъ йомзя отвѣчаетъ: сьулъ козинчанъ топрымъ т. е. въ родникѣ нашель. Сравни. Каз. Губ. Вѣд. 1874 г. № 28. Чувашскія баушки — повитухи. Замѣчаемъ, что въ Казахскихъ Губ. Вѣд Чувашскія слова этого обряда сильно искажены.

(2) Въ деревнѣ Масловой баушки отрѣзываютъ пуповину мальчикамъ на топорницѣ, а дѣвочкамъ на веретенѣ; причемъ, въ отмщеніе за плохой приемъ, иногда приговариваютъ первымъ: вуру бол (будь воромъ), а вторымъ: язар бол (распутницей, будь).

кось, хумур кось, чагыр
кось, квак кось, шора
кось, сьымись кось!

глазь,—черный глазь, кар-
рий (масляный) глазь, ко-
сой глазь, голубой глазь,
бѣлый глазь, зеленый
глазь!

При этомъ трижды дунувъ на ребенка и плюнувъ
въ сторону, йомзя продолжаетъ:

Тох. кось! Ажа батман
карчык кильне Адыл ор-
ла, тинис орла, ой орла,
вурман орла. Виредэпъ,
сорадып; тох, кось!

Видь, глазь! Переходя
черезъ Волгу, черезъ мо-
ре, черезъ поле, черезъ
лѣсъ—неутомящая ста-
руха пришла. Дую, плюю;
видь, глазь!

Н. И. Золотницкій происхождение этого обряда
объясняетъ заимствованіемъ изъ библейскаго сказанія
объ обстоятельствахъ дивнаго спасенія отъ неминуемой
гибели младенца Моисея, когда Чуваши находились въ
подчиненіи Хазарь, слѣдовавшихъ закону Моисееву⁽¹⁾.

Въ Бишевскомъ приходѣ, въ случаѣ вымиранія въ
семействѣ дѣтей, совершается моленье пряниками въ
честь 8-ми нижеслѣдующихъ духовъ:

- 1) Кебе.
- 2) Кебе ашше.
- 3) Кебе амыже.
- 4) Кебе умыньче сѹрегень Пулѹхси.
- 5) Кебе хаяр.
- 6) Кебе иньгеги.
- 7) Кебе сынгерс.
- 8) Кебе сынгерь сѹренэ.

Молитва имъ:
Тора анбрах! Сьорат- Боже не оставь! Рокъ
ныне пить алыбэ бар, денное крѣпкой рукой

(1) Ажа батман карчык кильне. V Прилож. къ Слов. стр. 173.

сьоратманнине сьоратса
бар! Сьирлах, анбрах!
Преник-бэ киль твап сана.

дай, не рожденное родив-
ши дай! Помилуй, не
оставь! Съ пряникомъ мо-
литву творю тебѣ.

Истребленіе тройней.

Чувашки, по рассказамъ, считаютъ стыдливымъ рожденіе двойней, а если, сверхъ всякаго ожиданія, случатся тройни, то третій ребенокъ, прежде, чѣмъ объ этомъ кто узнаетъ, баушками немедленно истребляется. Объ этомъ въ первый разъ, мнѣ довелось слышать отъ семейныхъ священника въ селѣ Шуматовѣ, Ядринскаго уѣзда, а затѣмъ въ деревнѣ Большой Аккозиной (Тоба Исмель), Чебоксарскаго уѣзда отъ одного писаря. Не сомнѣваясь въ достовѣрности этихъ разсказовъ, я сущность ихъ и помѣстилъ въ статьѣ о чувашскихъ баушкахъ; но, по независѣвшимъ отъ редакціи Каз. Губ. Вѣд. причинамъ, объ этомъ не было напечатано. Прочитавъ заявленіе редакціи, я и самъ смутился за свою рѣшимость огласить фактъ, никѣмъ до сихъ поръ незаявленный; но при новыхъ распросахъ объ немъ одинъ татаринъ деревни Карамышевой заявилъ, что третій ребенокъ истребляется у Чувашъ въ предупрежденіе свѣто-преставленія, а, случившійся при этомъ А. Егоровъ отъ себя добавилъ, что тройни, по убѣжденію Чувашъ, предвѣщаютъ какое-нибудь въ дому несчастіе; такимъ же предвѣстіемъ служатъ у нихъ двойни нѣкоторыхъ животныхъ—напр. лошадей, коровъ. Отрицать достовѣрность сообщаемого мною факта не слѣдуетъ, кажется, и потому, что случаи убійства младенцевъ чудовищнаго вида по невѣжеству или суевѣрію специально предусмотрѣны 1469 ст. Улож. о нак. изд. 1866 г.

Услыхавъ въ ноябрѣ 1876 г. о рожденіи тройней одной чувашкой въ селѣ Тюрлемѣ, я, для полученія интересовавшихъ меня свѣдѣній, обратился съ пись-

момъ къ приходскому священнику, при личномъ свиданіи подтвердившему событіе. Въ данномъ случаѣ не было дѣтубійства: потому, что роды совершались черезъ день и объ нихъ зналъ священникъ, приглашенный послѣ первыхъ родовъ для исповѣди роженицы и внушившій мужу ея беречь ее; тѣмъ не менѣе, по рассказамъ, послѣ рожденія третьяго ребенка, священникъ нашель роженицу въ холодныхъ сѣняхъ, равъ избѣт толпу женщинъ. Отъ этого, или отъ другихъ причинъ, роженица и новорожденные, какъ мнѣ передавали, вскорѣ померли.

Накидываніе горшковъ.

Въ супружескомъ состояніи, какъ извѣстно, люди естественно желаютъ имѣть дѣтей. Но иногда у супруговъ не бываетъ дѣтей. Поэтому употребляются средства для возстановленія супружеской способности къ дѣторожденію. Въ деревнѣ Масловой напримѣръ, для возстановленія этой способности, совершается слѣдующій обрядъ. Жены, желающія имѣть дѣтей, обращаются за совѣтомъ къ йомзямъ, которыя раздѣляютъ, не рождающихъ женщинъ до—нага, ошупываютъ у нихъ животъ, затѣмъ накидываютъ на него горшки и объявляютъ, что у нуждающейся въ дѣтяхъ—женщины негодится мужъ и предлагаютъ временно въ мужа кого-либо изъ молодыхъ людей. Въ случаѣ согласія, заранѣе подкупившій йомзю, временный супругъ вступаетъ въ супружескія права до трехъ разъ и за это получаетъ отъ временной супруги подарокъ деньгами или холстомъ, а йомзя отъ той же супруги плату копѣекъ до 30-ти. Обрядъ этотъ совершается всегда въ отсутствіе законныхъ мужей и заканчивается попойкой.

V.

Женитьба.

«Дѣвочки» по достиженіи ими 9-ти лѣтъ, Чувашіи, по выраженію А. Егорова, «сильно принуждають ко всякой работѣ; мальчиковъ же въ эти годы посылають только водить на волопой лошадей боронить и т. п. Какъ только мальчику исполнится 18—19 лѣтъ, родители его начинаютъ пріискивать ему невѣсту (1). Въ день сватовства, если договаривавшіеся согласились, невѣста даритъ жениху *кѣрѣ тотры* — жениховъ платокъ, родителямъ его по французской красной рубашкѣ, а родственникамъ ихъ по бѣлой самотканной рубашкѣ.

Въ назначенный для брака день женихъ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты съ особой свадебной свитой. Последняя, вошедши въ домъ, послѣ обычнаго привѣта о здоровьѣ, спрашиваетъ домохозяевъ, можно ли ей повеселиться? Получивъ желаемый отвѣтъ, *той бозе* — начальникъ свиты (распорядитель пира) приказываетъ пріѣхавшему со свитой музыканту играть (2).

Невѣста, окруженная подругами, дѣвушками (хирь съомынычы хирьзем), подъ звуки музыки тотчасъ же начинаетъ привывать:

Аю-ю-ю-ю-ю-ю-юй! Ахъ, батюшка, ма-
ма! Ах, аттезэм, аниззэм! тушка!

Раньше д. . . . .

(1) См. Очеркъ Юридическаго быта чувашъ Ядринскаго, Козмодемьянскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ. Казанск. Губ. Вѣд. 1868 г. №№ 85—89 и 93. Современ. остатки и проч. Свѣд. П. Камеискаго. Казань 1879 г. Стр. 26—29.

(2) Во 2-мъ станкѣ Чебоксарскаго уѣзда на сватбахъ употребляется преимущественно *сурнай*: Это въ сущности тотъ же *шыбыр* — родъ волынки, отличающийся отъ послѣдней тѣмъ, что въ сурнай вмѣсто рога, вставляются двѣ выдолбленныя калиновыя дудки, а въ концы ихъ расколотые стволы гусиныхъ перьевъ, издающіе, при надуваніи пузыря, жужжапіе. На нѣкоторыя сватбы сверхъ того приглашаются скрипачи и гуслисты. Скрипачи у чувашъ, во время игры, ущемляютъ скрипку промежъ ногъ; при чемъ, какъ скрипачъ, такъ гуслисты и пузырьники, во время игры, прытопываютъ въ тактъ погами.

Ах, Торазэм, пұлхэм! Ахъ, Боже, податель
(или Вѣстникъ)!
Посры тыра хумганать, Полевой хлѣбъ ка-
чается,
Пирин атте хйрь ба- Нанъ батюпка дочь
рать; выдаетъ;
Посры тыра шоралать, Полевой хлѣбъ бѣлѣ-
еть (зрѣеть).
Манын позэм шора- Моя головушка бѣ-
нать! лѣть (!)

Привывають невеста сначала членамъ родной семьи, начиная со старшаго, а потомъ однокровенцамъ, пришедшимъ поглядѣть на сватъбу. Последнихъ — мужчинъ невеста величаетъ старше себя именемъ *биче*, сверетниковъ — *тандыш*, а младшихъ — *шыл*, женщинъ величаетъ именами: *шуге*, *тандыш* и *шымик* (2); при чемъ этимъ лицамъ невеста привывають:

Ай, бичезэм, (3) (имя), Эхъ, господинъ (имя)
биче! господинъ!
Мана корма кильне Если меня посмотрѣть
болзан, пришесть сюда.
Ман омма кизэ тур! То (подонедъ) встань
предо мной!

Чье имя невеста упомянетъ, къ тому тотчасъ же подходятъ двѣ дѣвушки и, подавъ ему ковшъ пива, поютъ:

Ай, йге бус окся—икъ Эхъ, двѣ копѣчки—не
сом мар! два рубля!

Принявшій ковшъ съ пивомъ обязаць пиво выпить; а дѣвушкамъ заплатитъ кофѣйку или двѣ денегъ.

(1) Этимъ невеста намекаетъ на то, что скоро она голову свою будетъ повязывать женскимъ, а не дѣвичьимъ, уборомъ (чехломъ — волосникомъ).

(2) См. Словарь Н. Золотницкаго стр. 149 и дал.

(3) Приставка множественнаго числа *ээм* здѣсь ставится въ знакъ уваженія. См. Корневой Чувашско-Русск. Словарь Н. Ш. Золотницкаго, стр. 235.

Когда невѣста переберетъ всѣхъ родныхъ и приходныхъ смотрѣть сватьбу, свита женихова, захлопавъ въ ладоши, выкликаетъ: хайт, хайт, хайт!

По этому сигналу выступаютъ на середину избы двѣ дѣвушки и пускаются плясать, хлопая въ ладоши и приговаривая:

Сябах парза—ямыбыр;
хамырба перлю ильза-
йолыбыр!

(Если хотите) такъ от-
дать—не пустимъ мы; (за-
хотите) вмѣстѣ съ нами
взять—мы останемся!

Черезъ нѣсколько времени, той бозе, вставъ на ноги, заявляетъ:

Сумзыбэ сывлаган, ко-
че-бэ шугаган, айдыр дуя!

Гнусари (и) сидни—
ползуны, идите (съ нами)
на пирь!

Камын хошпу сьок,
кышкар тыгныр; кибе
сьокки-ажык тыгныр!

У кого *хошпу* нѣтъ—
надѣвайте (*кышкар*) вьюш-
ку⁽¹⁾; а рубахи нѣтъ—
надѣвайте рогожу.

На это дѣвушки отвѣчаютъ:

Ай, чиберь аппазем⁽²⁾
Марья бор!

Эхъ, есть (у насъ) кра-
савица сестра (старшая =
сударыня) Марья!

Ай, йысназем лайых
Иван бор!

Эхъ, есть пригожій
(старшій сударь) зятюш-
ка Иванъ!

Пирин аппа ай пить
чиберь!

Эхъ, очень красива на-
ша (сударыня) сестрица!

Пирин йысна ай чох
чиберь!

Эхъ, (ужъ) сколь при-
гожъ нашъ (сударь) зя-
тюшка!

(1) Кышкаръ—вьюшка възъ дубка, употребляется для навивки пряжи.

(2) Приставка зем'и названіе жениха и невѣсты старшими употреб-
ляется въ знакъ уваженія.

Пропѣвъ эту пѣсню нѣсколько разъ, дѣвушки прощаются съ невѣстой и уходятъ, а невѣста, одѣвшись въ подвѣсечный нарядъ, входитъ въ избу и, подойдя къ печкѣ, говоритъ:

Айда, хирт сорт, хамба Пойдемъ, кикимора, со
перьлэ! мною вмѣстѣ!

При чемъ отламываетъ отъ печки кусочекъ глины. Затѣмъ, невѣста начинаетъ прощаться съ отцемъ и матерью.

По выходѣ изъ избы, взобравшись въ поѣздную кибитку, невѣста причитаетъ:

Сыв полыр! да борныр! Будьте здоровы, поживайте!

Манын вара ыра корыр! Послѣ меня (меня проводивши) будьте благополучны!

Поѣздъ тронулся.

Велѣдъ за невѣстой (хирь хыссын) отправляются и ея родственники, за исключеніемъ отца съ матерью.

За полевыми воротами, въ полѣ, поѣздъ останавливается и совершаетъ съол хаяре, чильги.

По вѣздѣ невѣсты во дворъ жениха отъ вѣнца, чрезъ повозку ея съ крыльца жениховой избы перебрасывается какая-нибудь бросовая деревянная посуда, наполненная мукой, солодомъ и хмѣлемъ съ куринымъ яйцомъ; затѣмъ къ кибиткѣ подходитъ который-либо изъ младшихъ братьевъ жениха и до 3-хъ разъ приподнимаетъ и опускаетъ спущенную изъ кибитки ногу невѣсты, что по чувашски называется *йирап суклас*. По рассказамъ, иной, надувъ, на потѣху публики, производитъ эту операцію такъ, что невѣста приходитъ въ конфузъ, а публика хохочетъ.

Если невѣста больна глазами, то ее провозятъ во дворъ жениха, съ задовъ, для чего тамъ нарочно разбирается прясло; въ разобранномъ промежуткѣ растилается, поперекъ, *сорбанг*, ставится корыто съ водой,

кладутся камни и разводится огонь; затѣмъ йомзя читаетъ молитву:

Е бисъмәллә! Перь Тора анбрах! Карда осьса кӯрдәтпер вурман видерь, шыв видерь. вот орла. чол орла; сыуза, тазатса, шылза, сьондарза кӯрдәтпер. Сяк кинень козь, шор сорбан-бәк тазалза, тьўрләнъзә кайдыр (!).

Во! имя Бога! Единъ Богъ не оставь! Раство-ривъ, ограду, вводимъ мы (молодую) сквозь лѣсъ, сквозь воду, чрезъ огонь и чрезъ камни; умѣвши, очистивъ, вытерши и вы-жегши, вводимъ мы (ее). Да очистятся, какъ бѣлое (чистое) полотно, и испѣ-лятся совершенно глаза этой (пришлой) моло-душки!

Въ Абызовскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда, по со-общенію М. Дмитріева, какъ только женихъ съ невѣстой отъ вѣнца подъѣдутъ къ крыльцу женихова дома, млад-шій жениховъ братъ подводитъ къ нимъ назначенную отцемъ въ подарокъ лошадь и поводъ отъ надѣтой на нее узды вручаетъ жениху. Этотъ послѣдній беретъ поводъ, обернувъ предварительно руку полой надѣтаго на немъ кафтана, и передаетъ его своей молодой, ко-торая принимаетъ также обернувъ руку полой кафта-на. Принявъ поводъ, молодая три раза по солнцу обхо-дитъ съ лошадыю вокругъ собравшагося поглядѣть моло-дыхъ народа и затѣмъ дѣлаетъ три земныхъ поклона (кому?). Обрядъ этотъ называется „таянчикъ тыттарис“, т. е. подарокъ давать. Для подарка молодымъ пред-почтительно выбираются кобылицы. Отецъ и мать же-ниховы, въ ожиданіи входа молодыхъ, во время опи-санныхъ дѣйствій, сидятъ въ избѣ за крегере-свадеб-нымъ столомъ.

(¹) Случай провоза невѣсты съ большими глазами по задамъ, раз-сказывали мнѣ чуваша, былъ въ дер. Тогаевой, Вичуринскаго прихода, но безъ описанныхъ церемоній, послѣ чего больноглазая осталась все-таки таковой же.

По отъздѣ невѣстиныхъ родственниковъ обрат-
но домой, сваха или йомзя ведетъ молодую на ключь,
куда съ ними, кромѣ публики, отправляется еще
особо выбираемая дѣвочка лѣтъ 10 — 15. Молодая
на ключь идетъ съ коромысломъ, а сваха съ тремя,
положенными въ чашку, калабашками и сыромъ. На
ключѣ дѣвочка до 3-хъ разъ зачерпываетъ ведро, а
молодая столько же разъ это ведро правой ногой опро-
кидываетъ. Сваха въ это время читаетъ молитву, или
какъ выражается А. Егоровъ: „все бормочетъ что-то
непонятно“. Окончивъ молитву, сваха отламываетъ по
кусочку отъ принесенныхъ яствъ и даетъ молодой.
Послѣдняя, съѣвъ кусочки, даритъ чѣмъ-нибудь чер-
павшую ей воду дѣвочку и затѣмъ, поднявъ коро-
мысло съ ведрами воды на плечи, идетъ домой. Въ это
время, сопровождающая молодую, публика забѣгаетъ
ей на встрѣчу и кричитъ: *Салам пар!* — отдай почте-
нiе (поклонись)! Кланяться молодая обязана столько
разъ, сколько потребуетъ публика (1).

Изъ принесенной воды молодая тотчасъ же начи-
наетъ готовить салму. Когда салма сварится, сваха
приказываетъ срубить яблонный кустъ съ 3 сучками,
на которые втыкаетъ по одной салминкѣ (катышку изъ
тѣста) и вручаетъ кустъ особо выбранному мальчику.
Послѣднiй съ кустомъ начинаетъ плясать; при чемъ
до 3-хъ разъ приближается къ молодой и каждый разъ
спрашиваетъ ее:

Инге салма сійэт' не?—

Тѣтинька, кушаешь ли
ты салму?

Эс сійн-дэ, эпь памып!

Ты кушаешь, да я не
дамъ!

---

(1) Въ деревнѣ Чирш-Тузя (2-я Тонза) мнѣ довелось лично видѣть,
какъ мальчики перегородили молодущкѣ съ ведрами дорогу уздами, свя-
занными и протянутыми поперекъ на самомъ выходѣ молодущки изъ
подъ горы и не пропускали ее, требуя за то денегъ, до тѣхъ поръ
пока сваха, упершись въ преграду, не выпустила ихъ концы узды вы-
пустить изъ рукъ.

— Какъ только молодая салминки съ куста сниметь и съѣсть, мальчикъ кустомъ снимаетъ съ нее фату (пургенчикъ) и уноситъ послѣднюю, въ клѣтъ, а сваха, подойдя къ молодой, говоритъ:

Халь инде эз сыне   Теперь ты стала моло-
сын полдын, сыра ись-   душкой, потчуй же пи-
терь!   вомъ!

Насытивъ гостей до пьяна, молодая, въ сопровожденіи свахи, отправляется въ клѣтъ, гдѣ приготовлена брачная постель.

Въ Абызовскомъ приходѣ, по сообщенію г. Дмитриева, по входѣ со двора въ избу обращенные уже женихъ съ невѣстой становятся подлѣ печки, промежъ двухъ свяхъ по бокамъ, при чемъ головы ихъ тотъ часъ же накрываются (къмъ?) сорбаномъ и войлокомъ, затѣмъ начинается (къмъ?) варка молочной салмы (салма яшки). Пока салма варится, въ избѣ происходитъ пляска. Какъ только салма сварится, младшій братъ жениха подлѣваетъ на заготовленную имъ деревянную вилочку двѣ салминки и, держа ихъ въ рукѣ на вилкѣ, начинаетъ плясать. Во время пляски онъ до трехъ разъ приближается къ жениху съ невѣстой и, поднося имъ ко рту салму на вилкѣ, каждый разъ спрашиваетъ, какъ и въ Масловой: инге, салма сійэт-не? Пичче (братецъ), салма сійэт-не? Послѣ третьяго раза, давъ имъ въ ротъ салму, онъ снимаетъ съ ихъ головъ войлокъ, сорбанъ и (съ невѣсты) пургенчикъ (фата, холщевая простыня), подѣ коимъ невѣста находилась во всю свадьбу. Сорбанъ и пургенчикъ братъ жениховъ уноситъ въ анбаръ и тамъ зарываетъ въ муку, а изъ анбара приноситъ въ чашкѣ муку, которою обсыпаетъ новобрачныхъ. Весь описанный обрядъ называется: хачмак ильны.

На брачное ложе въ Абызовскомъ приходѣ приводитъ молодыхъ мун крѣ т. е. старшій дружка, при чемъ беретъ съ собой въ назначенное помѣщеніе пива, коровай хлѣба и сырецъ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, новобрачные молятся Богу, а затѣмъ молодая въ знакъ покорности на-

чинаетъ разувать своего молодого мужа. Въ знакъ любви молодой въ обувь кладетъ какую-либо серебряную монету—до рубля, которую молодая беретъ себѣ.

По сообщенію М. Ѳ. Ѳедорова, обычай класть въ обувь для молодой деньги существуетъ и на его родинѣ, въ Бичуринскомъ приходѣ Чебоксарскаго уѣзда.

Въ Байтеряковскомъ приходѣ, Тетюшскаго уѣзда, по словамъ Доброхотова, чувашинъ -- отецъ, задумавшій женить сына на дочери извѣстнаго ему крестьянина, чтобы узнать, на сколько дѣвица хороша, какъ по наружному виду, такъ по уму и по характеру, начинаетъ слѣдить за ней вмѣстѣ съ своей женой, гдѣ-нибудь въ гостяхъ, а самъ женихъ—въ хороволахъ; если дѣвица понравилась,—начинаютъ ее сватать чрезъ особо выбираемое лицо, хорошо знакомое семейству невѣсты. Въ условленный день отецъ жениха съ матерью и сватуномъ отправляются въ жительство невѣсты, гдѣ, остановившись у кого либо изъ знакомыхъ, посылаютъ въ домъ невѣсты сватуна. Послѣдній, по приходѣ къ невѣстѣ, ставъ подъ матицу съ ременнымъ кнутомъ (саламат) въ рукѣ, послѣ обычнаго привѣтствія, заявляетъ: у васъ есть дочь—невѣста, а у меня—женихъ, сынъ такого-то крестьянина; если желаете отдать за него вашу дочь, — отдайте. Отвѣтъ на это всегда бываетъ уклончивый, въ родѣ: подумаемъ, да спросимъ свою дочку; если она будетъ согласна—увѣдомимъ. Въ ожиданіи отвѣта, сватунъ уходитъ. Вслѣдъ за его уходомъ родители невѣсты тотчасъ-же начинаютъ совѣщаться, при чемъ, уговорившись сами, призываютъ дочь и спрашиваютъ ея согласіе. Получивъ отъ нее утвердительный отвѣтъ, посылаютъ кого-либо изъ семейныхъ извѣстить сватуна о согласіи. Явившійся вторично сватунъ, повторивъ первое свое предложеніе и удостовѣрившись въ согласіи непосредственнымъ спросомъ, подходитъ къ невѣстѣ и ударяетъ ее по спинѣ кнутомъ для того, чтобы во 1-хъ дѣло не разстроилось, а во 2-хъ, чтобы невѣста, отказавшись, не могла

выйти за другого жениха. После этого, приглашаются родители жениха и между ними и родителями невесты начинается уговоръ о калымѣ за невесту, днѣ сватъбы и другихъ предбрачныхъ условіяхъ.

Ко дню сватъбы въ домахъ жениха и невесты готовится отъ 100 — 200 ведеръ пива и рѣшается вопросъ, кого пригласить на сватъбу и выбрать въ дружки. Последнихъ, съ жениховой стороны, изъ числа родственниковъ его, выбирается отъ 5—6; одинъ изъ нихъ—главнымъ руководителемъ свадебнаго пиршества.

Пиршество начинается съ того, что старшій братъ жениха, по приказанію отца и матери, въ условленный день отправляется, въ сопровожденіи своей жёны, съ ведромъ пива по тѣмъ лицамъ, коихъ рѣшено было пригласить на сватъбу и дѣйствительно приглашаетъ ихъ. После заката солнца, всѣ приглашенные, нарядившись въ свадебные наряды, собираются къ жениху, отъ коего, угостившись, переходятъ къ старшему дружкѣ и т. д.

Въ домѣ невесты пиршество начинается точно также, только нѣсколько раньше, потому что невесту нужно предварительно выучить причитать подъ покрываломъ. Для этого приглашается какая-либо, хорошо знающая причитанья, женщина, которая, сидя рядомъ съ невестой, диктуетъ ей что нужно.

Въ то время, какъ невеста учится причитать, подруги ея, хлопая въ ладоши, поютъ и пляшутъ.

После того, какъ невеста изучитъ причеты, ея кто-нибудь на рукахъ переноситъ въ избу, гдѣ она сажается на перину; занавѣшивается занавѣсомъ изъ ея рукодѣля и, окруженная подругами, ждетъ пріѣзда женихова поѣзда.

Между тѣмъ родственники жениха, посѣтивъ другъ друга, начинаютъ собираться въ поѣздъ за невестой, что бываетъ обыкновенно къ вечеру. — Прежде всѣхъ пріѣзжаютъ къ жениху верхомъ на осѣдланныхъ лошадахъ дружки, одѣтые, какъ и женихъ, въ казачьи

выѣ или бѣконныѣ кафтаны и кожанныѣ сапоги; въ рукахъ у нихъ у каждаго по ременному кнуту. Отправившись въ путь, поѣздъ на границѣ своей земли останавливается, распиваетъ тутъ часть взятаго съ собой въ боцкѣ пива и минутъ черезъ 10-ть ѣдетъ далѣе. Въ деревнѣ невѣсты поѣздъ вѣзжаетъ во дворъ сватуна, откуда, по приглашенію невѣстинныхъ родителей, переѣзжаетъ къ нимъ, Женихъ и дружки, вѣзхавъ во дворъ невѣсты, тотчасъ же начинаютъ хлыстать имѣючимися у нихъ въ рукахъ кнутами ворота, заборъ и проч., а вошедши въ избу, приготовленную для ихъ сидѣнья у двери перину; другіе члены поѣзда разсаживаются въ избѣ, впереди, вокругъ большаго стола, за которымъ, рядомъ съ ними, располагаются и родители невѣсты. Лишь только всѣ размѣстятся, невѣста съ своего мѣста передъ печкой, начинаетъ распѣвать:

Ай-хай, бра тованзем,
атте!

Ай-хай, бра тованзем,
эпъ епле сан-дан ой—
рыла каипши!

Ай-хай, бра тованзем,
атте!

Старшій дружка съ товарищами въ это время подходитъ къ ся отцу и матери и подаетъ имъ по чашкѣ пива, взявъ тоже и себѣ въ руки, дружки встаютъ передъ ними на колѣна, при чемъ старшій говоритъ стишекъ (такмакъ):

Сяк хозьянн вурри обор,

Вул хапха-ран кирей-
мес, а влюдося живей!

Хуме сүтсе жүрдессе: то
(Дюни из) атте!

Эй вы, добрые родствен-
ники (подруженьки), ба-
тюшка!

Эй вы, добрые родствен-
ники, какъ я разстанусь
съ вами!

Эй вы, добрые подру-
женьки, батюшка!

У этаго хозяина естъ
быкъ,

Онъ въ ворота не мо-
жетъ пройти,

Изломавши заборъ, его
вводятъ (впускаютъ).

Онц, перь мыйраги серь мыит Однимъ, рогомъ онъ зем-
чавать, он лю роеть, днн

Тебри дүлүт чавать... днн А другимъ небо роеть.

Сяк хозяини перь пички днн У этаго хозяина есть
пор, днн одна бочка, днн ан добу ээ

Перь поккинъ чень пыл днн Изъ одного дея гвоздя
югать, днн медь течеть, днн

Тебри поккинъ чень днн Изъ другаго днн пиво
сра югать. днн

Пройзнеси этотъ стйшекъ, днн Дружки встайотъ на
ноги и, выпивъ чашки съ пивомъ, днн садятся на днн мѣсто,
а семейныя невѣсты днн начиняютъ угощать гостей. Друж-
ки днн въ это время днн заводятъ пѣсни.

Ологорам сюле днн ту сине, днн Поднялся на высокую
гору,

Убилъ черного змѣя.

Изъ кожи его днн шляпу
сшить заказалъ,

По краю ея днн 12 кисто-
чекъ днн разувѣшать днн попро-
силъ.

Она для меня днн—дневной
свѣтъ;

Въ числѣ этихъ днн сверст-
никовъ днн я краше днн всѣхъ.

Малдан сюземе днн вырысла днн Спереди свои волосы я
кастардым, днн порусски днн подстригъ,

Традавра уга днн костар-
дым, днн Вокругъ днн золотистой
ленточкой днн ихъ обвилъ.

Сяга ялын хирезе, днн Здѣшней деревни дѣ-
вицъ,

Хам коземрано, днн сохрымъ днн Моимъ взоромъ я за-
чодтардым, днн ставилъ днн ихъ версту днн бѣ-
(этомъ) днн жать днн (за мной).

и Сбхрым чопса отартма-иноды Пробъжавши версту, я
рым, а в... .. им ихъ не посадить, 111

Тотыр парзан ретиньтос. А давши платокъ, едва
лартрим, а в... .. посадилъ, а отъ... ..

на да отъ... .. 3. ... ..

Хозандан ильне хора. Въ Казани купленную
лажа. воронную лошадь.

Хора сюмурть сидерзе. Я черной смородиной
самытрым, раскормилъ,

Мердень видерь шив. Сквозь кораллы водой
йсытардым, напоилъ,

Кось киськи видерь. Къ зеркалу смотреть
пыхтардым. се приманилъ.

Сяга ялын хирезе хам. Взоромъ своимъ этихъ
козем-ран. деревенскихъ дьвушекъ

Пыхтарза торатрым. Предо мною смотреть
дьянишестого дьва. привлеку.

4. ... ..

Хрегень кильдемер хирь. Насъ сорокъ человекъ
ильме, пришло за дьвицею,

При кильче арым ильме, Одинъ прихалъ за же-
ной.

5. ... ..

Пром-пром пусмазе. На извилинную лѣстни-
цу вокругъ столба,

Эбирь пусмазыр, кам. Мы не наступимъ, такъ
пузасъ? кто наступитъ?

Авалдан килегень сьо-
рта. Въ издревле призва-
емый домъ

Эбирь кильмезыр, кам. Мы не придемъ, такъ
килесъ? кто придетъ?

Одновременно съ пѣснями начинаются музыка и
подъ звуки скрипки, пляска. Пляшутъ, по очередно пла-

рами—дружки съ подругами невесты, а ждущие этой

очереди хлопаютъ въ ладоши и притопываютъ ногами.

На другой день жениховъ поѣздъ отправляется въ гости по роднымъ невесты. Посѣтивъ ихъ, поѣздъ передъ закатомъ солнца отправляется въ церковь, куда вслѣдъ невеста, уложивъ свое имущество въ экипажъ свой, ѣдетъ съ своими родственниками, за исключеніемъ отца съ матерью, вообще всѣхъ стариковъ и старухъ, для которыхъ отъ жениха послѣ свадьбы бываетъ особое приглашеніе.

Пріѣхавъ отъ вѣнца во дворъ жениха, невеста не выходитъ изъ своей кибитки до тѣхъ поръ, пока одна изъ сестеръ жениха не потреплетъ ее за ноги: это дѣлается, по словамъ Доброхотова, для того, чтобы хорошо родились дѣнь и конопель (*). Перенесенная послѣ этаго изъ кибитки въ избу на рукахъ, она сажается, какъ и у роднаго отца, передъ печкой на церину, на которой, вмѣсто подругъ, рядомъ съ ней усаживаются сопровождавшіе ее къ вѣнцу родственники, и начинается завывать. Въ самый разгаръ пиршества къ новобрачной внезапно подходитъ съ трехзубчатой палочкой какой-либо молодой человекъ и сдергиваетъ съ нее покрывавшее до сихъ поръ ее покрывало, послѣ чего она остается въ одной хоппу на головѣ. Въ это же самое время присутствующая молодежь, приплясывая и махая руками, высыпаетъ изъ рукавовъ кафтановъ и рубахъ заранее насыпанную туда ржаную муку, отчего въ избѣ подымается пыль столбомъ. Какъ только пыль усядется, родители жениха начинаютъ благословлять новобрачныхъ, говоря:

Вылымъ кинем, аванъ сынокъ и невестушка,
подаръ перне-при хизеп- будьте исправны! другъ

(*) У чувашъ дочери въ первый годъ замужества зимою пропорцію льна и конопли получаютъ отъ своихъ родителей изъ общаго семейнаго посѣва. Доля эта выдается имъ снохами, за которыми онѣ отправляются вмѣстѣ съ мужьями по окончаніи жнѣтва, передъ тѣмъ какъ конопель «клась» въ мочку. Ко времени ихъ пріѣзда, для угощенія ихъ, родителями молодой варится пиво. Онъ называется «пиво» — пиво.

тихій, скромный, трезвый, не сопровождающийся никакими особенными церемоніями. По окончаніи бракосочетанія, молодая ѣдетъ въ свой домъ, а женихъ — въ свой. Я думаю, что наше православное духовенство особенно содѣйствовало и благопріятствовало учрежденію этаго малаго поѣзда, замѣтивъ въ большомъ нѣкоторыхъ слѣды язычества и не желая, чтобы таинство христіанское совершалось надъ пьяными и при пьяныхъ свидѣтеляхъ. Это отдѣленіе христіанскаго обряда отъ таинства отъ шумныхъ оргій дѣлаетъ честь попечительности и заботливости духовенства о своей паствѣ. Очень можетъ быть, и дѣйствительно Чуваши установили; такъ называемый г. Сбоевымъ малый поѣздъ подъ вліяніемъ духовенства; но, несомнѣнно, съ цѣлью безпріяятственнѣе совершить необходимый большой поѣздъ для переѣзда молодой въ домъ своего супруга. Жаль только, что и съ учрежденіемъ малаго поѣзда не уничтожился древній обычай оставлять молодую послѣ брака въ родительскомъ домѣ, какъ это дѣлается у единоплеменниковъ Чувашъ—Татарь. У Татарь, — рассказывалъ мнѣ одинъ татаринъ — мухаммеданинъ деревни Янгильдиной (Карамышева), въ день поѣздки его сына за своей молодой супругой. — послѣ того, какъ надъ женихомъ и невѣстой мулла прочитаетъ брачную молитву, съ какого момента бракъ между ними считается заключеннымъ, молодая известное время, недѣль 6, остается въ домѣ своихъ родителей, гдѣ молодой навѣщаетъ ее, какъ супругъ. Переѣздъ молодой изъ дома ея родителей въ домъ молодого въ условленный день совершается не иначе, какъ въ сопровожденіи родственниковъ молодого, пріѣзжающихъ на нѣсколькихъ тройкахъ, съ колокольцами въ кибиткахъ. Молодая передъ отъѣздомъ, какъ и у Чувашъ, прощается съ остающимися дома родственниками и однодеревенцами. Въ ожиданіи пріѣзда молодой, какъ мнѣ далѣе довелось видѣть лично, во дворъ мухаммеданина собралась любопытная публика, особенно много мужчинъ, коимъ хозяинъ выставилъ, по обычаю,

бочку пива. Въ благодарность за это мужчины подарили гармоникѣ завели на дворъ пляску. Лишь только поѣздъ съ молодой въехалъ во дворъ, къ кибиткѣ, въ которой сидѣла молодая, подошла тетка молодого съ заранее приготовленной полной чашкой коровьяго масла. Что она дѣлала съ этой чашкой, вълѣдствие наступившей темноты и суматохи, произшедшей отъ окружившей молодую толпы, ни видѣть, ни спросить мнѣ не удалось. Изъ кибитки молодая была переведена родственницами молодого въ особо-приготовленную для нея комнату, а сопровождавшие ее родственники мужчины отпраздничали въ комнату отца молодого, гдѣ имъ было подавъ самоваръ. Вскорѣ къ нимъ явилась мать молодого и начала развѣшивать на проволоку, протянутую подъ потолкомъ поперегъ комнаты близъ середины ея, привезенное молодой нижнее мужское бѣлье, а по стѣнамъ на протянутыя бичевки — красно-клетчатыя салфетки, вдоль косяковъ оконъ бѣлыя холщевыя съ красными концами полотенца. Салфетки и полотенца у богатыхъ татаръ висятъ въ комнатахъ на упомянутыхъ мѣстахъ и въ обыкновенное время. Такъ дѣлается между прочимъ и у Ижорянъ подъ Петербургомъ (*). Вслѣдъ за матерью въбжали младшіе братья молодого и начали показывать отцу только что полученные ими отъ молодой подарки.

На другой день прѣзда молодая водится у бѣдныхъ, какъ и у Чуваши, съ ведрами на ключъ за водой, изъ которой затѣмъ приготовляетъ салму.

По магометанскому закону свекоръ не долженъ видѣть лица своей невѣстки во всю свою жизнь; но этотъ законъ, по словамъ рассказчика, соблюдается съ грѣхомъ — по поламъ только у богатыхъ, имѣющихъ по два жилыхъ покоя; у бѣдняковъ же невѣстки начинаютъ показываться свекрамъ очень скоро, у нѣкоторыхъ — черезъ мѣсяць, черезъ два и даже не только показываться, но и ругаться съ ними. Въ обычаѣ закры-

(*) Ежедѣльникъ. 1874 г. № 51.

вать лице отъ свекра Г. Жиро Тёленъ видить остатокъ) реакціи, противъ существовавшаго въ первобытныя времена коммунизма половъ и кровосмѣшенія (1). А. О. Риттихъ съ обычаемъ татарокъ закрывать лице передъ мужчинами, сопоставляетъ обычай чувашекъ (не показываться передъ мужчинами съ босыми ногами (2)); но въ Чебоксарскомъ уездѣ замужнія чувашки считаютъ не менѣе неприличнымъ показываться передъ ними и съ голой головой—безъ чалмы (головной повязки).

Въ заключеніе свадебныхъ обрядовъ, и приве-
ду нижеслѣдующую пѣсню, сложенную по народ-
нымъ сказаніямъ, одной чувашской дѣвушкой, выдан-
ной братьями противъ ея согласія въ замужество за
Черемисина. Пѣла-де она-ее, сидя на берегу Волги
и, какъ только кончила, бросилась съ лодки въ воду
и, потонула.

Ай, аттезэм, аннезэм!	Эхъ, батюшка; матушка!
Аттемъ, аннемъ пулма- ре де.	Не стало моего батюш- ки, моей матушки.
Мана да ыра кунзэм пулмаре.	Не стало у меня и доб- рыхъ дней.
Алгахъ ядымъ, — потмаре;	Жемчугъ (въ воду) опу- стила, — не, потонулъ.
Мерчень ядымъ, — йох- маре.	Кораловыя бусы опу- стила, — не потекли (не по- сыпались).
Хурын — сьырлы пьсьнэ чухъ.	Земляника, когда по- спѣла,
Хурындашъ зенчэнь уй- рчесь;	Отъ родственниковъ от- дѣлили;
Сьир — сьырлы пьсьнэ чухъ.	Клубника, когда по- спѣла,

(1) Происхождение семьи. О состояніи общества, до патриархальнаго периода. Пролож. къ Журн. Знаніе за 1876 годъ. Стр. 53.

(2) Матеріалы для Этнографіи Россіи. Казанская губернія. Казань. 1870 г. Ч. 2-я стр. 59.

Сырь дәнъ, шывъ ранъ. Отъ земли, отъ воды
уйрчесь; те сире кура сукъ отдѣлили;

Танды — кўпси дўсьнә. Бѣлоголовики (дягили),
чухъ; до онъ сире кура сукъ когда посѣбли,

Тандыш зенчәнъ уйрчесь. Отъ сверстниковъ от-
рчесь. те сире кура сукъ отдѣлили.

Ай, хай, чунзәм, сямъ. Ай, хай, душенька,
рык чун! Молодая душа!

Кандыр пегех дўсьре. Какъ конопель, мы рос-
мер, вырчесь; те сире кура сукъ (вѣстѣ),

Пуза бегех уйрчесь. Какъ посконь (отъ ко-
нопокъ) отдѣлили; те сире кура сукъ (нопля насъ) отдѣлили.

Ай, атгезәм, аннезәм! Эхъ, батюшка, ма-
тушка!

Ай, пичезәм, йингезәм! Эхъ, братецъ, невѣ-
зем! Матушка!

Эзыр мана курас сукъ. Вы меня не увидите.

Эпъ-те сире курас сукъ. И я васъ не увижу.

Манын дусьри нухра. Мои головные похра-
дымъ; те сире кура сукъ (матушка) отдѣлили.

Адыл тўпне сарылдыр! По дну Волги разсыпъ-
тесь!

Манын дўмри кўмульте. Мои нагрудные сереб-
тенге; те сире кура сукъ (серебряные рублевки) отдѣлили.

Адыл тўпне сьудылдыр! На днѣ Волги свѣти-
тесь! (1).

Шарагатъ (Разводъ).

Когда женѣ не нравится мужъ, то она не послу-
шаніемъ своимъ и капризами вынуждаетъ его къ раз-
воду: «У! Чувашь» въ Белебеевскомъ уѣздѣ, Уфимской
губерніи, разводъ дѣлается такъ: мужъ и жена при-
глашаютъ, каждый съ своей стороны, въ посредники

(1) Пѣсня эта записана и доставлена мнѣ учителемъ — чувашинимъ
села Тюрлемы, Чебоксарскаго уѣзда, Максимомъ Петровымъ Арзамасовымъ.

стариковъ для разбора обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ разводу, что называется шарагатъ. Шараятки до приступа къ дѣлу, рядятъ себя за хлопоты вина съ виновной стороны. Сдѣлавъ подобныя условія, они первоначально раздѣляютъ между недозвольными супругами дѣтей. Если они есть, и имѣніе; потомъ выводятъ супруговъ на средину улицы, ставятъ другъ къ другу спинами и связываютъ ихъ кушакомъ. Затѣмъ шараятки со стороны мужа становятся въ линію по правую сторону, а со стороны жены — по лѣвую и дѣлается условіе, чтобъ не жить вмѣстѣ. Одинъ изъ шараятиковъ острымъ ножомъ перерѣзываетъ поясъ, связывавшій мужа съ женою и недозвольные супруги, въ знакъ презрѣнія, въ то самое время, стараются пятами ногъ пнуть другъ друга въ задъ и бѣгутъ на рѣчку умыться, приговаривая: „какъ берега рѣчки никогда не сходятся, такъ бы и мы не сходились“. Послѣ того шараятки принимаются за попойку и тѣмъ разводъ не ужившихся супруговъ оканчивается и всѣ супружескія ихъ отношенія прекращаются (1).

Убѣжденіе въ возможности супружескаго развода, съ соблюденіемъ подобнаго приведенному обряда, по преданію, сохраняется и у Чувашъ Казанской губерніи. Такъ, между прочимъ, въ деревнѣ Масловой А. Егорова одна женщина увѣряла, что развестись съ мужемъ можно, только-де на судѣ нужно въ одинъ махъ разорвать сорбан (полотенце) сперва поперегъ, а потомъ каждую половинку — вдоль.

VI.

Христіанскія святыни, чтимыя Чувашами.

Изъ предшествовавшаго изложенія видно, что Чувашамъ, вопреки увѣренію г. Сбоева, далеко не забыли

(1) Меньшовъ. Этнограф. очеркъ быта и обычаевъ чувашскихъ плем.

своихъ! „языческихъ боговъ“, а изъ послѣдующаго изложенія мы увидимъ, что они чисто по шамански обращаются, и съ христіанскими святынями (¹). Самымъ сильнымъ побужденіемъ къ перемѣнѣ шаманскаго міросозерцанія на христіанское для Чувашъ должны были служить: организація изъ чувашскихъ селеній церковныхъ приходовъ, постройка въ послѣднихъ церквей и назначеніе притовъ. Но все это во 1) совершилось еще не, особенно давно и окончено не повсемѣстно, во 2) русское духовенство до сихъ поръ слишкомъ еще поверхностно знакомо съ міросозерцаніемъ Чувашъ и ихъ говоромъ, и потому вниманіе духовенства обращалось на первыхъ порахъ особенно на соблюденіе Чувашами внѣшнихъ христіанскихъ обрядовъ. Отъ этаго, когда въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Святейшій Синодъ въ виду безуспѣшности принимавшихся до того мѣръ: для просвѣщенія инородцевъ христіанствомъ, предписалъ Епархіальнымъ Архіереямъ озаботиться переводомъ священныхъ и вѣручительныхъ книгъ на инородческія нарѣчія, вслѣдствіе чего и были выбраны священники — знатоки инородческихъ нарѣчій, то знатоки эти, какъ оказалось, чуждыя инородцамъ христіанскія понятія перевели (²) словами, заимствованными изъ ихъ же міеологіи. Такъ, напр. слово пророкъ было переведено словомъ пигамбар, въ честь коего Чуваши и сейчасъ совершаютъ Кард' йишъ пугтты; слово ангелъ — цѣлѣхъ (³) и т. д., а В. А. Сбоеву показалось, будто сами Чуваши Пигамбара передѣляли въ Георгія Побѣдоносца (⁴).

¹) (¹) Религіозное состояніе Чувашъ въ Цивильскомъ уѣздѣ (Казан. губ.). Лезъ. Церковно-общественный Вѣстникъ 1877 г. № 87.

(²) Перечень переводовъ см. въ Запискахъ Г-жи Фуксъ. Стр. 133—136.

(³) Замѣтки для ознакомленія съ чувашскимъ нарѣчіемъ. И. Золотницкаго. — Нѣсколько словъ о языкѣ, которымъ сообщаются истинны Христіанской вѣры черемисавъ — Ф. Земляницкаго. Изв. по Казан. Епарх. 1874 г. № 12. — Практическія замѣчанія о переводахъ и сочиненіяхъ на инородческихъ языкахъ Н. Пальминскаго. Прав. Собесѣд. 1874 г. Мартъ.

(⁴) Изслѣдованіе объ инородцахъ В. А. Сбоева. Стр. 38.

На основаніи 14 § Уст. Дух. Консист. Причты¹ обязаны заботиться объ открытіи въ приходахъ школъ. Въ сожалѣнію, до послѣдняго времени духовенство обязывали трудиться въ школахъ безмездно, отчего¹ усердіе духовенства слабѣло. Въ чувашскихъ селеніяхъ¹ въ настоящее время довольно школъ, содержимыхъ или¹ на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, или на средства Земства, въ которыхъ чувашскіе дѣти, раціонально обучаемые, по большей части учатся успѣшнѣе (имѣю въ виду смѣшанныя школы) русскихъ. Въ деревнѣ Чешламѣ потомки жившаго въ ней некрещенаго служилаго Чувашина Ишуга, умершаго въ прошломъ столѣтіи, до послѣдняго времени учились грамотѣ самоучкой, другъ отъ друга. Такихъ же единичныхъ фактовъ мнѣ извѣстно и еще нѣсколько. На эти факты я желалъ-бы обратить особенное вниманіе въ виду мнѣнія Коммисіи Казанской Губернской Земской¹ Управы по вопросу о введеніи обязательнаго обученія грамотѣ инородцевъ отъ обязательности освободить, изъ опасенія въ противномъ случаѣ бунта!...

Вторымъ побужденіемъ для Чувашъ къ перемѣнѣ¹ ихъ шаманскаго міросозерпанія должны были-бы служить ихъ сношенія съ поселившимися въ ихъ сре-¹дѣ Русскими, но Русскіе, поселившіеся среди Чувашъ въ самомъ незначительномъ количествѣ, какъ видно изъ сопоставленія ихъ обрядовъ съ чувашскими, явились на новое мѣстожителство съ такимъ міросозерпаніемъ, которое въ сущности ничѣмъ не отличается отъ чувашскаго, и потому не только не могли ничѣмъ повліять на міросозерпаніе Чувашъ, но даже по нѣкоторымъ вопросамъ сами до сихъ поръ подчиняются авторитету чувашскихъ йомзей⁽¹⁾. Въ деревнѣ Барскихъ Исеняхъ, Кармалинскаго прихода, напр., Русскіе, не имѣя ровно никакихъ понятій о христіанскомъ

(1) Сибирскіе шаманы и Чувашскіе йомзей IV прилож. къ Словарю Н. П. Золотницкаго, стр. 166—172.

вѣроученіи, въ то же время отлично знаютъ всѣ чувашскіе религиозные обряды, неопустительно присутствуя при ихъ совершеніи для даровой выпивки, и даже избы свои устроили на чувашскій ладъ — съ нарами вдоль передней стѣны, вмѣсто лавокъ. Чтобы не подвергнуться упреку въ преувеличеніи, я приведу слѣдующій фактъ, извѣстный мнѣ изъ офіціального источника. Въ 1865 году, по дѣлу о самовольной лѣсной порубкѣ, одному изъ Чебоксарскихъ Судебныхъ Слѣдователей понадобилось допросить въ качествѣ свидѣтелей 5 человекъ русскихъ крестьянъ изъ села Кушниково. И вотъ, на обычные въ то время вопросы—бы валь-ли допрашиваемый на исповѣди и у Св. Причастія, одинъ изъ допрашиваемыхъ, 45 лѣтній мужчина, отвѣчаетъ Слѣдователю, что онъ былъ не болѣе 5-ти разъ въ жизни, другой, столькихъ же лѣтъ,—2 раза, третій, 22 лѣтній парень, — только разъ передъ жевитьбой, четвертый, 25 лѣтній холостякъ, — не былъ „отродясь“. Эти показанія Слѣдователь занесъ въ протоколъ допроса, а Чебоксарскій Уѣздный Судъ, по поступленіи туда дѣла, показанія крестьянъ передалъ, на основ. 17 ст. Уст. Дух. Конс., на разсмотрѣніе въ Казанскую Духовную Консисторію. Нѣсколько ранѣе тому же Слѣдователю на тотъ же вопросъ одинъ русскій крестьянинъ деревни Водолѣвки, Кушниковскаго же прихода, отвѣтилъ—не былъ на исповѣди и у причастія 14 лѣтъ сряду.

Кругъ знакомства крещеныхъ Чувашъ съ христіанскимъ вѣроученіемъ едва-ли не ограничивается только: 1) умѣньемъ изображать на себѣ крестное знаменіе; 2) знаніемъ, что по русской вѣрѣ праздничный день—Воскресеніе и 3) что, въ среду и пятницу по русской вѣрѣ грѣхъ ѣсть скоромное, что однакъ нигдѣ не соблюдается⁽¹⁾. Но если (разсказывали

ни. (1) Матеріалы для географіи и статистики Казанской губерніи. М. Лаптева. Стр. 238.—239.

мнѣ), въ татарскую уразу татаринѣ застанетъ. Чувашѣ днемъ за пищей, то они (въ Ковалинскомъ приходѣ, Цивильскаго уѣзда) приходятъ въ сильное смущеніе отъ сознанія нарушенія ими татарскаго поста.

Вотъ напр. чувашскія названія важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ:

1) Пасха Мун гон—т. е. большой день⁽¹⁾. Въ селѣ Малой Шатымѣ наканунѣ Мун гон Чувашки прячутъ до будущаго года свои прялки и обязательно вынимаютъ изъ сундуковъ (кадушка съ крышкой и запоромъ) весь свой праздничный нарядъ для слѣдующаго дня.

2) Троица Сьулъче прасникъ т. е. праздникъ листьевъ.

3) Преображеніе Мун Оспажи—главнѣе Госпожинки; въ Ядринскомъ уѣздѣ—Олма прасникъ т. е. яблочный праздникъ.

4) Успеніе Удә кинә гон т. е. разговѣнье.

5) Воздвиженіе Сьуләнъ эрни (змѣиная недѣля); въ Ядринскомъ уѣздѣ—Мар прасникъ т. е. Маровскій праздникъ; это второе названіе отъ названія ярмарки въ селѣ Марахъ, Нижегородской губерніи, куда Чувашки Чебоксарскаго уѣзда возятъ для продажи хмѣль⁽²⁾.

6) Рождество Раштав ойыхъ т. е. рождественскій мѣсяцъ; въ Ядринскомъ уѣздѣ—Соргоры т. е. овечья нога.

7) Богоявленіе, Крещеніе Кыжарни кон—день зимней недѣли⁽³⁾.

8) Благовѣщеніе Сьона брагас прасникъ—праздникъ бросанія саней.

9) Вербное Воскресеніе Кычка прасникъ—праздникъ почекъ древесныхъ.

(1) Сьолдалык кнеги (Календарь). Казань. 1874 г.

(2) Рус. Вѣд. 1868 г. № 9.

(3) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Крещеніе называется «Турашйва» кне кунь т. е. день вхожденія Бога (Исуса Христа) въ воду.

Для остальных двенадцятих праздниковъ, если не ошибаюсь, нѣтъ у Чувашъ никакихъ названій. Въ этомъ отношеніи не безупречны и Русскіе. Въ селѣ Въловолжскомъ, напр. крестьяне не празднуютъ Срѣтеніе Господне; когда случается этотъ праздникъ въ субботу, то крестьяне, не смотря на праздникъ, топятъ бани, какъ въ обыкновенную субботу, что для другихъ праздниковъ считается большимъ грѣхомъ.

По словамъ А. Егорова, въ деревнѣ Масловой Чуваши хорошо знаютъ Семеновъ день (1 сентября), но кто это званіе обнаружить передъ другими, тотъ — тогатышъ. Въ Семеновъ день Чуваши въ деревнѣ Масловой: 1) пекутъ пироги, чтобы зимой не голодать; 2) не пьютъ во весь день воды, чтобы зимой не забнуть; 3) затыкаютъ мохомъ дыры въ избахъ и заваливаютъ завалины; 4) во весь день ходятъ въ шубахъ или кафтанахъ, хотя бы день былъ и теплый, для того, чтобы зимой жарко было (1) и 5) хоронятъ мухъ, приговаривая:

Сырэ вилермэ сымёнъ,
ятлы мор кильны; виле-
редып сырэ, тигедып; сяк
тунченэ айюлыр; пит-
тэр!

— Чтобы васъ умертвить
пришелъ моръ, по имени
Семень (т. е. Семеновъ
день); васъ убиваю, хоро-
ню; не оставяйте на
этомъ свѣтѣ; пропадите!

Семеновъ день — тулукъ т. е. сирота (2).

Ильинъ день въ этой же деревнѣ называютъ Чуваши по татарски — индзиль гоне, и по своему — паранга прасникъ — картофельный праздникъ. Кто въ этотъ день начнетъ кушать картофель, у того онъ уродится крупный — и на оборотъ.

(1) Въ др. мѣстахъ все это исполняется на Покровъ Пресвятыя Богородицы.

(2) О. Каменскимъ въ описаніи этого дня приведена чувашская исьня, намъ кажется неумѣстно. См. Современные остатки..... Стр. 20.

Не смотря на то, что нѣкоторыя сельскія церкви въ чувашскихъ приходахъ построены, по преданію, изъ деревъ, вырубленныхъ въ киреметяхъ (въ селѣ Тогаевѣ, напр: изъ киремети Кардулай), а въ нѣкоторыхъ на мѣстѣ даже самыхъ киреметей (въ селѣ Кучкеяхъ, Малые Тимирчи); Чуваша до сихъ поръ слишкомъ неохотно посѣщаютъ свои приходскіе храмы, предпочитая имъ часовни, нерѣдко удаленныя отъ ихъ жительства на нѣсколько десятковъ верстъ. Странность послѣдняго явленія, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ, что часовни болшею частію стоятъ въ уединеніи, а это, какъ нельзя болѣе, благоприятствуетъ избѣжанію разныхъ неблагоприятныхъ встрѣчъ; — существенное условіе благоприятности молитвы при посѣщеніи киреметей; поэтому, временемъ выхода на поклоненіе христіанской ли святынѣ, или киремети Чувашами всегда выбирается полночь. Въ доказательство этого я приведу слѣдующій случай. Въ декабрѣ 1866 года въ деревнѣ Еметкиной (Кунарь), Бишевскаго прихода, вслѣдствіе кражи въ ночи лошади, были задержаны ѣхавшіе не въ урочное время татаринъ деревни Янгильдиной (Карамышева) и чувашинъ деревни Малой Карачевой (Сядырга). Заподозрѣнные въ кражѣ лошади, и задержанные, оправдываясь, они показали, что, когда они подъѣзжали къ деревнѣ, то видѣли, какъ по оврагу подозрительно пробирался одnodеревенецъ обокраденнаго. Этотъ послѣдній оправдываясь, показалъ, что онъ, по случаю болѣзни дѣтей, пробирался по оврагу для совершения чука въ киремети. Судебный слѣдователь, не довѣряя показанію киреметника, произвелъ объ немъ и задержанномъ чувашинѣ съ татаринѣмъ повальный обыскъ, на которомъ одnodеревенцы запозрѣнныхъ единогласно показали, что у нихъ, Чувашъ, для жертвоприношенія киреметямъ дѣйствительно ходятъ ночью.

Прежде, чѣмъ отправиться на богомолье, Чуваша заготовляютъ деньги, нужныя какъ на покупку свѣчъ, такъ и для приношенія духамъ. Деньги Чуваша укладываютъ на дворъ въ разныхъ мѣстахъ, откуда передъ

самымъ уже выѣздомъ въ киремети и собирають ихъ, чтобы съ такими деньгами въ свою избу болѣе уже не возвращаться. Чуваши Бичуринскаго прихода, обмывъ въ холодной водѣ приготовленную для богомолья монету, завертываютъ въ тряпичку и затѣмъ наблюдаютъ, если доска, на которой лежитъ монета, затрещитъ, то, значитъ, духъ, которому обѣщано поклониться, требуетъ этого; въ противномъ случаѣ повѣзка откладываетъ ся. Въ такомъ случаѣ иногда монеты подбрасываются другимъ. Нашедши монету совѣщается съ йомзей, и если йомзя скажетъ, что она подброшена съ зложелательной цѣлью, долженъ ѣхать на богомолье обязательно. По рассказамъ, находка мѣдныхъ монетъ, каждый разъ сильно тревожитъ Чувашъ⁽¹⁾. Мѣсто и цѣль путешествія, кромѣ семейныхъ, хранится всегда въ глубокомъ секретѣ; но о цѣли путешествія въ дорогѣ всегда можно догадаться по уклончивому отвѣту путниковъ на вопросы встрѣчныхъ: куда идешь—каядыпске иду-ста... Въ Ядринскомъ уѣздѣ мѣст. извѣстно семейство одного священника, состоящее въ близкомъ родствѣ съ семействомъ священника села Ишакъ; изъ нихъ первое, зная, что приходскіе Чуваши часто ѣздить для богомолья въ Ишаки, постоянно просятъ ихъ, извѣщать о времени повѣзки, но услужливые Чуваши всегда извѣщаютъ своего приходскаго батюшку, и до сихъ поръ послѣ того, какъ вернутся изъ Ишакъ; при чемъ нерѣдко привозятъ оттуда своему пастырю поклонны отъ его Ишаковскаго родственника.

На обратномъ пути изъ Ишакъ или съ другою богомолья Чуваши завѣщаютъ всегда въ придорожныя часовни и киремети; такъ, напр., живущіе въ Яльчиковскомъ и Бучкѣвскомъ приходѣхъ, по рѣчкѣ Кинеркѣ, на пути изъ Ишакъ завѣщаютъ въ село Багильдино (Ийгырь вар овраги близнецы), близъ Свяжско-

(1) Преданія Чувашъ Бичуринскаго прихода и способы леченія у нихъ болѣзней. М. О. Изв. по Казан. епар. 1876 г. № 21.

Цивильскаго Почтоваго тракта, и затѣмъ въ кирѣметѣ въ лѣсу, известномъ подъ названіемъ Кунар⁽¹⁾; между деревнями—Цирин-Тузя, Багильдинскаго прихода, и Акташ, — Кошкинскаго. Чтимая Чувашами Багильдинская святиня (икона св. Николая), по разсказамъ, находилась ранѣе въ лѣсу Кунар, гдѣ прежде стояла деревянная часовня (столбикъ), сгорѣвшая отъ зажженной свѣчи; это мѣсто Чувашами богомольцами и по сѣщается въ настоящее время. Осенью 1867 года въ лѣсу Кунар случилось такое событіе. Чувашинъ деревни Акчуринской, Вичуринскаго прихода, на обратномъ пути съ богомолья изъ Цивильска, совершалъ заключительный чукъ у дуба, а однопоревенецъ его, ходившій въ это время по лѣсу съ ружьемъ за зайцами, заподозривъ въ одѣтомъ въ сѣрый кафтанъ богомольцѣ сѣраго волка, сдѣлалъ по нему выстрѣлъ и ранилъ. Раненный, опасаясь, какъ бы его не привлекли къ отвѣтственности за то, что онъ молился дубу—кирѣметѣ, даже никому самъ не заявлялъ о случившемся съ нимъ, а дѣло возникло лишь по заявленію сельскихъ властей. На обратномъ пути съ богомолья Чуваша наблюдаютъ новыя примѣты. Въ августѣ мѣсяцѣ (1874 г.), пишетъ А. Егоровъ, ѣхалъ я по своимъ дѣламъ въ Цивильскъ. Не далеко отъ города, мнѣ встрѣтился Чувашинъ. Лишь только я обѣхалъ его, какъ онъ началъ сбрасывать съ телѣги солонку, приговаривая: посьнэ бодыр! — будь на его голову! Вскорѣ попался и еще Чувашинъ, и я, не зная, что означало сбрасываніе съ телѣги вещей, слѣзъ съ телѣги и, остановивъ встрѣчнаго, спросилъ его объ этомъ. Онъ сказалъ: *каго мѣсяца вѣдъ киль-килемэ кая дыр, саяында сыре хирь ползан чирь летѣть, ябла ла брахсан, — лекмэсть.* Если вы молитесь вѣдите, и вамъ на встрѣчу кто попадется, то можетъ приключиться болѣзнь, а

(1) Мѣстность съ наибольшимъ лѣсомъ, или кустарникомъ называется Кунаръ.

Эль перь сынна илик. — Если бросить какую либо туль полдым-да, ача виль-... — не приключится. за кайре.

Я встрѣтилъ одного чело- вѣка однажды; и у меня ребенокъ умерь.

Отправляясь на поклоненіе христіанской святинѣ, въ село Ишаки, напр. Чуваши отнюдь не имѣютъ въ виду отслужить, подобно Русскимъ, Черемисамъ и нѣкоторыхъ мѣстностей (*), молебень, а поставятъ только свѣчку и высказать Богу свою просьбу нерѣдко въ формѣ угрозы (**); въ этихъ же видахъ Чуваши изрѣдка заглядываютъ и въ приходскіе храмы, при чемъ свѣчи не премѣнно ставятъ самолично, чтобы, при этомъ, самому предъ Богомъ высказать свои просьбы. — При этомъ нужно замѣтить, что Чуваши, ужь если заутра на болгомолье, то имѣютъ въ виду поставить сразу свѣчей 10, 15, 20 (**). Ишаковскій храмъ посѣщаютъ даже и некрещеные Чуваши, и Черемисы. По выходѣ изъ храма Чуваши въ селѣ Ишакахъ, ставятъ свѣчи, и кладутъ деньги и куски хлѣба: у кирпичной часовни на оградѣ; у рѣзнаго Распятія (*), у наружной стѣны храма, на двери при входѣ подъ колокольню, у деревянной часовни на ключѣ, гдѣ, по преданію, былъ найденъ чудотворный образъ св. Николая (**), и т. дни т. д. По словамъ приходскаго священника, рѣзное Распятіе разъ было спрятано! но вслѣдствіе безпрерывныхъ спросовъ, куда оно дѣвалось, вновь выставлено; на дверь подъ колокольней Чуваши продолжаютъ ставить свѣчи и класть деньги только — потому; что въ этомъ мѣстѣ подъ старой колокольней стояла икона; вслѣдствіе еже-

(*) Будущее село Именца. Казан. Губ. Вѣд. 1874 г. № 73. Опш. (**) См. Словарь Н. Ив. Золотницкаго, стр. 162—173. (**) Рус. Вѣд. 1869 г. № 444. (**) Такое же изображеніе находится въ Маріинскомъ Посадѣ и называется истиннымъ Іисусомъ. См. Словарь Н. И. Золотницкаго, стр. 152. (**) Рукописное описаніе этого обрѣтенья было взято одной барыней для прочтенія, какъ предполагаютъ г-жой Фуксъ, и не возвращено!

дневнаго, громаднаго стеченія Чуващъ, — богомольцевъ даже изъ Самарской и Оренбургской губерній, въ иные дни, нище, Чуваши, однихъ кусочковъ хлѣба, усилъвають насбиравать, дѣлде мѣшки, и затѣмъ насушиваютъ пудами сухарей для продажи.

Кромѣ села Ишакъ, въ Чебоксарскомъ уездѣ Чувашни посѣщаютъ для богомолья часовни:

1) Оползино — на правомъ берегу Волги, между выселками Чекурѣми и Крѣшамн, на землѣ Цивильскаго Тихвинскаго монастыря съ иконой Тихвинской Божіей Матери; у Чувашъ и Черемисъ она извѣстна подъ названіемъ Шырлан (т. е. крутой обрывъ берега). Часовню эту усердно посѣщаютъ Чувашни и Черемисы, какъ живущіе въ Чебоксарскомъ, такъ и сосѣднихъ Цивильскомъ и Царевококшайскомъ уездахъ. Зимой, какъ только пойдутъ по Волгѣ обозы, подлѣ дороги на лѣдѣ ставится передвижная часовня изъ листоваго желѣза съ той же иконой и кружкой. Для наблюденія за приношеніями богомольцевъ живутъ понедѣльно на берегу въ деревянной крестьянской избѣ двѣ монахини и нанятой работникъ. Осенью монахини кромѣ того собираютъ съ богомольцевъ въ мѣстахъ ихъ жительства хлѣбъ.

2) Ильинскую — въ одной верстѣ отъ села Бѣловолжскаго на западъ, въ такъ называемыхъ стрѣлкахъ, близъ дороги въ село Бѣловолжское и въ Чувашскую деревню Тохташи (Пагыш). Посѣщаютъ часовню одни Чувашни и Русскіе. Въ часовнѣ замѣчательнъ огромный деревянный восьми-конечный крестъ, съ надписью сзади вязью подъ титлами: „Лѣта 7068. (1695 г.) году при державѣ благочестиваго государя царя великаго князя Петра Алексѣевича всея Россіи при Преосвященномъ Тихонѣ, Митрополитѣ Казанскомъ, а поставилъ сей животворящей крестъ сего года по обѣщанію своему прикащикъ Даниилъ Гавриловъ въ вѣчное поминовеніе родителей своихъ мѣсяца мая 4“. Въ Ильинъ день изъ Бѣловолжской церкви въ часовню бываетъ крестный ходъ.

3) При Троицкомъ Монастырѣ и Введенскомъ соборѣ въ Чебоксарахъ; изъ нихъ въ первой читается Чувашами рѣзное изъ дерева изображеніе Николая Чудотворца, въ ростъ человѣка, извѣстное у Русскихъ подъ названіемъ Никола, пилѣны ноги. Такія изображенія, въ предупрежденіе кощунства, воспрещается употреблять. 123 стр. уст. о пред. и пресѣч. прест. (т. XIV), изд. 1857 г., но описываемое! въ Чебоксарахъ стоитъ открыто и даже въ извѣстные дни носится, въ числѣ иконъ по подгороднымъ деревьямъ. Изображеніе это читается и жителями Чебоксаръ. Въ дѣтствѣ, отъ квартирныхъ хозяевъ—мѣщанъ, мнѣ не разъ доводилось слышать рассказы, будто изображеніе это высѣчено изъ камня и приплыло въ Чебоксары неизвѣстно откуда по Волгѣ противъ теченія воды. По словамъ Чебоксарскаго корреспондента Голоса (1), къ этому изображенію Чуваша приходятъ судиться (2).

Въ деревнѣ Масловой о Николаѣ Чудотворцѣ Чувашши говорятъ, что онъ во время распутицы (весной или въ концѣ осени), чтобы дорога черезъ Волгу укрѣпилась, Волгу колотитъ колотушкой; идѣ еще не крѣпко, ледяныя кольца заколачиваетъ; и еще:

Никола Тора кизэ сить,   Когда наступитъ празденъ,   Адыл ларзан, обосникъ   Николы—Бога (Свякильзэнь, тыр хаге полетителя Николая),   Волга ха.   встанетъ, а пойдутъ обозы, — тогда цѣна на хлѣбъ установится.

4) Фоминъ ключъ (3)—деревянная часовня въ куштарникѣ близь деревни Пятиной, верстахъ въ 3 отъ Чебоксаръ. Въ истокъ ключа, надъ которымъ и устроена часовня, Чуваша бросаютъ деньги и яйца.

1) Голосъ, 1872 г. № 143. 2) Фуксъ, Зайиски о Чувашахъ... Стр. 42. 3) Фуксъ, Зайиски о Чувашахъ... Стр. 42.

-69) Наконецъ! въ деревнѣ Масловой Чувашей ходять молиться въ чужіе дома чужимъ иконамъ; такъ, напр. скажетъ йомзя больному, что у него, положимъ, глаза или души заболѣли отъ того, что его Андрей Торры тытны— Андрѣевъ Богъ заломалъ (схватилъ, поймалъ)— я не скрою, что здѣсь стоитъ имя А. Егорова, — и больной дѣйствительно отправляется къ хозяину иконы (Тора) — Извинившись первоначально предъ послѣд-

-70) Эзыр! мана кильне! Извините, что я при- жёнъ ансийенэр, мана шепель, меня вашь богъ сирэнъ Тора тытны, йом- забралъ, йомзя велѣлъ по- зя каларе кильдума! молиться!

-71) и, получивъ позволеніе, больной начинаетъ свою мо- литву:

Е бисьмелле! (Иот То- Во имя Бога! Чужой ра събрахъ анбрахъ, ка- о, богъ, помилуй, не оставь, зяр! Сан, мана тытма ись пожалуйста прости! Тебѣ съок, ман, хамын тора, меня ломать дѣла нѣтъ бор: лиэс мана андыт! (не твое дѣло); у меня Събрахъ, ажа казыр! свой богъ есть: ты меня не ломай! Помилуй, про- сти!

-72) VII. **Хильлеги нське**—Зимній пирь.

Окончивъ благодарственные моленья въ честь ду- ховъ, способствовавшихъ урожаю хлѣбовъ, Чуваша на- чинають затѣмъ угощать самихъ себя, для чего устраи- ваются у нихъ такъ называемыя нське—попойка. Для при- меря, по словамъ А. Егорова, кромѣ кушаній заго- товляется ведедь до 60-ти пива (1) и вина, кто сколь-

(1) Если нужно сварить густое пиво, то изъ одного пуда солода выгоняется густаго—12 ведедь, а жидкаго 16-ть. Это послѣднее извѣстно у Чувашъ подъ названіемъ каляшъ сра, послѣднее пиво, или жидкое и

ко, можетъ, въ самый день попойки, для закуски на столѣ ставятся: обыкновенный хлѣбъ, ячменные или пшеничныя, калабашки и япка (супъ) въ деревнѣ Масловой съ „кобылятиной“, (кониной). Эти яства у Чувашъ не снимаются со стола во все время пира (1). На попойки, какъ и на религиозные праздники, созываются родственники и сосѣди, при чемъ первые всегда привѣзжаютъ съ гостинцами: мужчины — съ боченкомъ пива, а женщины съ пирогами, картофельными ватрушками, лепешками, кислой капустой, огурцами и т.д. (2). Какъ только родственники сойдутся и съѣдуются, дѣти рассылаются по деревнѣ созывать сосѣдей и пріятелей. Посланные, придя въ домъ, говорятъ:

Сра исьмэ быр!

Иди пиво пить!

На это имъ отвѣчаютъ:

Тавахъ бра сумага!

Спасибо на добромъ

словѣ!

Зовущіе, возразивъ:

„Тав мар — пырза изэр“!

Не спасибо, а идите —

уходятъ звать другихъ.

пейте!

Пиво варятъ въ бочкахъ, а пиво пьютъ въ чашкахъ, называемыхъ „ивашка“, въ Ядринскомъ уѣздѣ пиво варится на дворахъ въ чашахъ, а въ Чебоксарскомъ — въ избахъ въ корчагахъ.

(1) По поводу этого обычая А. Егоровымъ рассказанъ слѣдующій случай. Въ январѣ 1876 года приходскій причтъ, привѣхавъ въ деревню Семенчю славить, засталъ въ одномъ домѣ моленье пивомъ; въ числѣ гостей былъ извѣстнѣйшій тамъ молла соккыр, Эргилъ (слѣпой Архипъ). Увидавъ столъ полный яствами, священникъ просилъ очистить столъ, но выполнить его желаніе никто не рѣшался, изъ боязни нарушить обычай. Священникъ настаивалъ. Тогда Архипъ яе вытерпѣлъ и заявилъ: Батюшка, какое тебѣ до насъ дѣло! Когда мы къ тебѣ приходимъ въ церковь, то не мѣшаемъ тебѣ; зачѣмъ же ты хочешь мѣшать намъ. Священникъ, обратясь къ нему, спросилъ: ты кто такой? Я Чувашинъ, — отвѣтилъ Архипъ. Случай этотъ значительно возвысилъ Архипа въ глазахъ Чувашъ. Такъ какъ священникъ въ дальнѣйшія пререканія съ нимъ не уступилъ, то свидѣтелъ этого столкновенія пришелъ къ тому заключенію, что еслибъ не было законнаго дозволенія совершать моленіе, извѣстное подъ именемъ сра чуклемэ, то священникъ давно бы слѣпаго Архипа сослалъ въ Сибирь. — Умъ (2). Чувашское житье-бытье. Рус. Вѣд. 1874 г. № 55. стр. 111 и 112.

«Когда соберутся сосѣди, хозяинъ приносить ведро пива, — до этаго пирь не начинается, — и ставитъ его на столъ. Въ приходѣ села Малой Шатмы гости привѣтствуютъ хозяина, несущаго пиво, такими словами:

«Ирге перегетлэ болдыр! Да будетъ столъ обиль-
дыр! Ирге перегетлэ болдыр! Ирге перегетлэ болдыр!»

«Хози поян болдыр! Хозяинъ да будетъ бо-
лѣе поян болдыр! Хози поян болдыр! Хози поян болдыр!»

«Мари йивыр болдыр! Хозяйка да будетъ бе-
режнэ болдыр! Мари йивыр болдыр! Мари йивыр болдыр!»

«Хози поян болдыр! Хозяинъ да будетъ бо-
лѣе поян болдыр! Хози поян болдыр! Хози поян болдыр!»

Наливъ три ковша пива, хозяинъ беретъ одинъ себѣ, другой подаетъ гостю — родственнику изъ числа болѣе достопочтенныхъ, третій сосѣду; принявшіе, вставъ на ноги, подходятъ къ двери и, обратившись къ послѣдней лицемъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ читаютъ (въ Масловой) молитву, держа ковши съ пивомъ въ правой рукѣ, а подъ лѣвой мышкой шапку:

Е бисьмелле! Перь То-
ра анбрах, сьирлах! Пичь-
кэ посьларымыр, тав ту-
ватпыр, сана посьсябат-
пыр: сьирлах пире! Эбир,
сана азынза, исьмэ сыра
туны хуназанэ, ял йыш
валли. Перь Тора анбрах!
Аминь. Чук сьирлах! Са-
на шербетъ, пире юсси.

«Ирге перегетлэ болдыр! Да будетъ столъ обиль-
дыр! Ирге перегетлэ болдыр! Ирге перегетлэ болдыр!»

По прочтении молитвы, чтецы ея садятся по мѣ-
стамъ и выпиваютъ по три ковша пива подъ-рядъ, послѣ
чего уже хозяинъ начинаетъ подносить пиво остальнымъ,
Иъ подвыпившихъ гостей кто разговариваетъ, а
кто плачетъ, кто скачетъ, кто пѣсни поетъ съ присвис-

Во имя Бога! Боже
единый не оставь, поми-
луй! Вочку почали, позд-
равленіе дѣлаемъ, тебѣ
покланяемся, помилуй
насъ! Мы, чтобы тебя
поминая, пить, для гостей
и для деревенскихъ пиво
сварили. Боже единый
не оставь! Аминь. Чукъ
(духъ жертвы) помилуй!
Тебѣ шербетъ (сладкое), —
намъ — горькое.

«Ирге перегетлэ болдыр! Да будетъ столъ обиль-
дыр! Ирге перегетлэ болдыр! Ирге перегетлэ болдыр!»

тываніемъ; пригопываніемъ, хлопаніемъ въ ладоши
подъ риому:

Хайт, хайт, темезэнь,

Хайтъ, хайтъ, не скад
завщи,

Хайги тымар тапран-
масъ,

Этотъ корень... не
встанеть.

Вадылмастып—вильмэ,
степ,

Не состарѣюсь, не умру,

Ўзурмэстып, — ўкмэс-
теп!

Не опьянѣю—не упаду!

Попойки продолжаются сряду дня по три въ одномъ
и томъ-же домѣ. На прощаньи гости благожелательствуютъ хо-
зяину: рече...

Сыв'а полыр'а пырза'ко-
рыр, пирь-дэнь вара'лаих
изэр! ...

Будьте здоровы (про-
щайте), насъ посѣтите,
послѣ насъ (т. е. по ухо-
дѣ нашемъ) пейте хоро-
шенько!

Иные при этомъ затягиваютъ пѣсню:

Олыхрым сүлэ тув' сивэ; гора Поднялся я на высо-
кую гору.

Андым Яруслав шыв'а в'а'н Спустился я внаглую
Яруслав ошыве;— шер дитот'а Яруславская гора вода

бэть-апыве, да ая аюзи он сладкая вода. ошыва
Ульнэ а выртса то шыв'а в'а'н Лепши с' внизъ'а лицомъ,
исерьемъ. я воду пилъ.

Эбирь шыв'а исьсэ а ту Пока мы воду пьемъ,
раначэнь, ати шыв'а ати шыв'а

Йобах'а тигазаў ут'а по Сосуны жеребята (двухъ
лэбъ. ч'в'а) будутъ лошадыми.

Эбирь ч'ра с'ивзэнэ а Еще прежде, ч'в'а за-
йоратчэнь, а служимъ ч'в'а либо доб-
рымъ людымъ;

И Ал'ры ачазэм да ар по-
лесь.

Кильдем, кидем сяк
килэ.

Тохса каймазыр 'узурь
полдым.

Ай хай, тваным! Тав
сана!

Пить йорададын энп
сана!

Рунные дѣти будутъ
большими.

Пришелъ, взошелъ я
въэтотъ домъ.

Не вышелъ — пьянъ
сталъ.

Ай, хай, родной, спа-
сибо тебѣ.

Я очень люблю тебя! —
живи!

За эту пѣсню хозяинъ подноситъ гостю ковшъ
лива. Гость, выпивъ дливо, собственноручно наливаєтъ
ковшъ и, подавъ хозяину, кланяется ему въ ноги. Хо-
зяинъ въ это время развязываетъ свою кошну и, вы-
нувъ изъ нее копѣйку, подаеъ ее гостю, говоря:

Перь бузѣ пинь сом
полдыр. Сывенбол, поян
полдыра кор! Иккенъ
вырта, виссенъ турыр!

Твоя одна копѣйка да
превратится въ тысячу
рублей. Будь здоровъ;
будь богатъ, дай (Богъ)
тебѣ видѣть добро! Ло-
жившись вдвоемъ, вста-
вайте втроемъ!

Гость прощается и ѣдетъ домой, продолжая доро-
гой распѣвать пѣсни. Последнія, какъ мнѣ не разъ
доводилось слышать, распѣваются иногда на два голо-
са мужемъ съ женой, крайне мелодично. Возвращаю-
щиеся съ попойки приветствуютъ каждого знакомаго,
встрѣчнаго и семейныхъ, но входъ въ избу, словами:
Тав сана! на что имъ обыкновенно отвѣчаютъ: тавах (!)

(1) Сравн. Ознакомленіе съ фонетикою в формамъ Чувашскаго языка
посредствомъ разбора и перевода оригинальныхъ Чувашскихъ статей. Вос-
питанника Казанскаго Частнаго Миссіонерскаго Приюта, Александра Ив.
Добролюбова. Подъ редакціей Н. И. Золотницкаго. Казань. 1879 г.
Стр. 46—47.

(2) Тав—сана см. Словарь Н. Ив. Золотницкаго стр. 213—216.
Иногда при отвѣтѣ добавляется: тавахъ—ыра сумахне, или: тавахъ—ыра
сумага, т. е. спасибо на добромъ словѣ.

Умолчаніе, считается невѣжествомъ. Въ невѣжествѣ этомъ всего чаще изобличаются молодья застѣнчивыя снохи: — жены, которыя за то, со стороны пьяныхъ свекровь и мужей подвергаются иногда побоямъ (1).

Хирь-сыры.

Хирь-сыры — дѣвичье пиво, дѣвичій пирь. Въ Ядринскомъ уѣздѣ хирь сыры устраивается въ понедѣльникъ послѣ Масляницы ночью (2); въ Тетюшскомъ и Цивильскомъ, уѣздахъ дѣвичьи пиры начинаются въ декабрь, до Рождества и продолжаются въ разныхъ селеніяхъ до самой Масляницы (3); въ Козмодемьянскомъ — на Масляницѣ (4). Устраиваютъ хирь сыры въ Ядринскомъ уѣздѣ всѣ дѣвушки и парни, достигшіе брачнаго совершеннолѣтія. для чего они собираются въ одну избу, куда приносятъ съ собой пива, которое въ сборной избѣ предварительно подслащиваютъ медомъ. Прежде, чѣмъ начивать пирь, молятся (чуклессе) (какому духу?):

Сырлах! Ялда хирих Помилуй! Въ деревнѣ
хирь полдардар! Алла ар- да родится сорокъ дѣву-
зин полдыр! шекъ! Пятьдесятъ му-
щинъ да будетъ!

(1) Сравни Чувашскіе разговоры и сказки, составленные Спиридономъ Михайловымъ. Казань. 1853 г. Стр. 14—19.

(2) Свѣдѣнія о справленіи хирь сыры въ Ядринскомъ уѣздѣ — нами заимствованы изъ рукописи на чувашскомъ языкѣ ученика Аляковскаго двухъ классаго училища Константина Стенанова, доставленной намъ Гр. Филионовымъ.

(3) См. XIII приложение чувашско-русскаго Словара, П. И. Золотницкаго. Казань. 1875 г. Стр. 227—235.

(4) Чувашскіе разговоры и сказки, составленные Спиридономъ Михайловымъ. Казань. 1853 г. Стр. 15.

Послѣ молитвы тотчасъ же начинаются угощеніе пивомъ; когда пирующіе, подвыпивъ, спьяняются, заводятъ пляску и расходятся по домамъ на разсвѣтъ (гол съудылны чохне).

Олах⁽¹⁾.

По отъездѣ отпевъ и матерей куда-либо на попойку: въ домахъ ихъ, если есть взрослыя дѣвушки, въ зимнее время устраивается такъ называемый у Чувашъ, олах—посидѣнки, на которыя собираются однодеревенскія дѣвушки и парни. Дѣвушки обыкновенно являются на олахъ съ своими канчалами (прялками), а парни — съ музыкальными инструментами. Кромѣ игры и плясокъ на олахъ-ахъ поются пѣсни, сказываются сказки, загадки и прибаутки, по большей части эротическаго свойства; здѣсь же чаще всего возникаютъ между парнями и дѣвушками тѣ отношенія, послѣдствіемъ коихъ бываютъ вѣбращные роды и дѣтубійства. Любопытно, что дѣвушки, выступивъ на средину избы для пляски, предварительно молятся на иконы, а послѣ пляски дѣлаютъ низкій поклонъ музыканту. Мотивами для музыкантовъ нерѣдко служатъ русскія святочные пѣсни, — напр. всѣмъ извѣстный „Чижикиъ—Чижикиъ“, и татарскіе напѣвы. Замѣчательно, что Чувашъ, не отличаясь пѣвучестью, обладаютъ богатыми музыкальными способностями: дѣти лѣтъ 12—14 съ искусствомъ вторятъ на балалайкѣ гусямъ, а на послѣднихъ—скрипкѣ⁽²⁾.—Въ нѣкоторыхъ деревняхъ 2 стана Чебоксарскаго уѣзда олахъ, начинаясь съ осени и въ продолженіи всей

(1) Олахъ собственно значить уединеніе; подъ этимъ именемъ у Чувашъ извѣстны сборища молодежи въ тихомолку, во время отсутствія родителей.

(2) Въ послѣднее время Чувашъ (взрослые парни съ мальчиками лѣтъ 15-ти) стали появляться съ гусями и скрипкой на улицахъ г. Казани.

зимы, собираются въ тѣ дни, когда у кого либо были топлены бани (а бани у Чувашъ топятся не по субботамъ, какъ у Русскихъ, а въ каждый день недѣли; смотря по надобности). Въ этихъ случаяхъ дѣвушки, кромѣ канчалы, несутъ съ собою въ баню лучину, а парни—лыки—плести лапти. Словомъ олах называется у Чувашъ и обыкновенное сборище дѣвушекъ—сосѣдокъ другъ къ другу, что чаще всего бываетъ во время отъѣзда старшихъ мужчинъ на какую-либо работу (1).

(1) Срав. Чувашскіе разговоры и сказки, составленные Спиридономъ Михайловымъ, переводчикомъ чувашскаго языка. Казань. 1853 г. Стр. 12—13. Этотъ трудъ С. Михайлова (Оттискъ изъ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1853 г.). Академикъ А. Куникъ ставитъ въ своемъ розысканіи: «О родствѣ Хагано-Болгаръ съ Чувашиами по славяно-болгарскому Пшемнку» (Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ. — Приложение къ XXXII-му тому Записокъ И. Академіи Наукъ., Сиб. 1878 г. Стр. 160) во главѣ работъ при изученіи быта Чувашъ, при чемъ ошибочно считаетъ его, какъ и другіе, по неточному заглавію, сподна проинведемъ природнаго Чувашина. Въ дѣйствительности Сп. М. Михайловъ принадлежатъ только первая половина имѣющейся у меня подъ рукою его квяжки, озаглавленная: «Краткое этнографическое описаніе Чувашъ» (40 страницъ) и подписанная: «Козмодемьянскаго Земскаго Суда переводчикъ Чувашскаго языка Спиридонъ Михайловъ»; вторая же, на 63 страницахъ, безъ подписи автора, содержащая: «Чувашскіе разговоры, сказки, загадки и прибаутки» составлена проживавшимъ въ г. Козмодемьянскѣ русскимъ заштатнымъ священникомъ села Ишакъ Василиемъ Петровичемъ Громовымъ, какъ онъ мнѣ лично передавалъ объ этомъ. (См. мою ст. Дополнительныя свѣдѣнія о Спиридонѣ Михайловичѣ Михайловѣ. Каз. Губ. Вѣд. 1869 г.). Въ свое время В. П. Громовымъ былъ составленъ чувашско-русскій словарь и представленъ въ рукописи, если не ошибаюсь, въ Академію Наукъ. Списки съ этого словаря до послѣдняго времени были распространены между духовенствомъ въ чувашскихъ селахъ, — родственниками В. П. Громова; однимъ изъ этихъ списковъ пользовался покойный авторъ Корневаго Чувашско-русскаго словаря, Н. И. Золотницкій, ошибочно названный г. Куникомъ въ упомянутомъ розысканіи природнымъ чувашинномъ; Н. И. Золотницкій былъ сынъ русскаго священника, села Кошекъ, Чебоксарскаго уѣзда. Въ библіотекѣ Казанскаго Миссіонерскаго Пріюта, хранится переплетенный рукописный сборникъ 60-ти катихизическихъ бесѣдъ В. П. Громова на чувашскомъ языкѣ, произнесенныхъ имъ въ церкви села Ишакъ въ 1850, 51 и 52-хъ годахъ. Въ

Въ посмертныхъ бумагахъ Н. И. Золотницкаго найдены мной слѣдующія пѣсни, распѣваемые на Олахъ:

Айдыр вуія! Каяары?

Вуіи кўвинэ калари!

Вуіи кўви—перь сом-
лых,

Пирин вуіи—сўрь сом-
лых.

1. Пойдемъ-те на, игру!
Идете-ли?

Давайте споемъ игро-
вую пѣсню!

Игровая пѣсня — на
одинъ рубль,

Наша игра — на сто
рублей.

Виду этого замѣчу, что желаніе автора цитированной нами статьи: Реальное состояніе Чувашъ въ Цивильскомъ уѣздѣ, г. Лива, чтобы въ селѣ Ишакъхъ говорились Чувашамъ поученія на чувашскомъ языкѣ, выполнялось въ селѣ Ишакъхъ еще въ 50-хъ годахъ. Къ сожалѣнію, о существованіи сборника бесѣдъ В. П. Громова, содержащаго, судя по оглавленію некоторыхъ бесѣдъ, не мало этнографическаго матеріала, мы узнали поздно. По званію члена сотрудника И. Рус. Географ. Общества, В. П. Громовъ за многолѣтнія метеорологическія наблюденія въ Козмодемьянскѣ былъ удостоенъ Обществомъ серебрянной медали. Относительно чувашскаго текста въ книжкѣ С. М. Михайлова замѣчу, что 1), кромѣ неточнаго воспроизведенія гласныхъ звуковъ, во многихъ мѣстахъ текстъ искаженъ типографскими опечатками, а чюльвій русскій переводъ его, съ пропусками цѣлыхъ фразъ, лишаетъ возможности возстановить оный; 2) некоторые чувашскія фразы въ «Разговорахъ» сочинены по русски, напр. на стр. 5: «хамырынъ кўсяль ни ковыста, ни хыарь полманъ (у самихъ (оропущено: нынѣшній годъ) ни каўсты, ни огурцовъ не было)»; 16... азыне и сюзине иза (рукавцы и ножикъ взяли);... но хуза ситьмъ полманъ, деть (но догнать не могли, говорятъ); 20... и холая оныдан сюлмакшынь (и городъ отъ него избавить) и т. д. Точно такіе же не чувашскіе обороты рѣчи замѣчены нами и въ упомянутыхъ бесѣдахъ В. П. Громова.

На стр. 28 и 24—25 С. М. Михайловъ и В. П. Громовъ между прочимъ производятъ слово вирь яль отъ вирь дуть на дудакъ; наговаривать; колдовать, и въ подтвержденіе такого объясненія ссылаются на увѣреніе старожиловъ, будто: 1) «верховыя Чувашы (вирь яль) славились

2.

1 Эй, брашъ сьокъ, брашъ сьок,
 11 Аксасын да, болас сьок!
 Пиринь ялда язар сьок,
 Шыразань да тобас сьок!

1 Эй, хлѣба(1) нѣтъ, хлѣба нѣтъ,
 . Хоть посѣшь, — не, бу-
 деть!
 . Въ нашей деревнѣ рас-
 путницу нѣтъ,
 Хоть ищи, — не най-
 деть!

3.

1 Ту айкки пугалах!
 Шумастьыр-ы, апазем?
 11 Ингезэнэ минь кир-
 линэ.
 11 Бильместыр-и, апазем?

1 Край горы трогайся!
 Тронитесь-ли сестрицы?
 11 Что нужно сестрицамъ,
 11 Знаете-ли сестрицы?

въ старину волшебствомъ (?) (?) низовые Чуваши (апатры) боятся верховыхъ, какъ опасныхъ чародѣевъ (?); сами же они, напротивъ, считаются мирными людьми. По мнѣнію Е. А. Малова:

- (1) (1) Вурь яль, правильнѣе производить отъ татарскаго **وراء** (вара) — позади, за, нѣтъ, — вурьяль будетъ означать: задняя деревня.

- (1) (2) Ана-ры, отъ татар **انه** (ана) — тогъ, вотъ тамъ = та деревня; сравн. **انا چاتي** (ана чакъ) — та сторона). Такимъ образомъ, быть можетъ, въ древнія времена одни Чуваши называли другихъ апатры, разумѣя подъ этимъ названіемъ не себя, а тѣхъ = вонъ тѣ, та деревня, не определяя мѣста (въ отношеніи рѣки) — низовые или верховые, или въ отношеніи горъ и плоскостей.

3) Тарь оставленное С. М. Михайловымъ, безъ объясненія, по не-
 знаю его значенія (стр. 27) — или персидское **تار** (тарь) — свѣжій, влаж-
 ный или видъ **تار** пальма — растеть какъ финикъ и издаетъ изъ себя
 сокъ, употребляемый, какъ хмельный напитокъ, называемый **تار** тарь, у
 вашское тарь употребляется въ сказкахъ.

(1) Переводъ, кажется, не вѣренъ. Слово брашъ едва ли здѣсь значить хлѣбъ. Намъ думается, это — страсть, любовь. Есть татарскій гла-
 голъ **ایراشمق** (ирашмакъ) возбуждаться страстью. Отсюда **ایراش** (ирашь)
 страсть. Не лучше-ли принять въ этомъ последнемъ значеніи это слово?

4.

- Хора... вурманда дйор
бор. дэть,
Йор аинчэ пор бор,
дэть.
Анколяныр, йигетсэм,
Хирих сьолги хирь бор:
дэть!

Въ черномъ лѣу снѣгъ
есть, говорятъ,
Подъ снѣгомъ лёдъ
есть, говорятъ.
Не тужите; молодцы,
Сорокалѣтняя дѣвушка
есть, говорятъ!

5.

Кадык пужык тимири
рэнъ (2)
Шакка, шакка порда
турымыр (2).
Отмыл сьолги карчы-
га (2)
Сава, сава хирь туры-
мыр (2)
Тарын варын лпозинь
чэ (1),
Хорама тымар аинчэ (1),

Изъ большого куска
жельза
Стукъ — стукъ топоръ
сдѣлали.
Шестидесяти - лѣтнюю
старуху
Любезничая, любезни-
чая дѣвужкой сдѣлали.
Въ вершинѣ глубокаго
оврага,
Подъ вязовымъ кор-
немъ,

Хирь вурлаза вытры-
мыр (2)
Оба касьман вурмана (2)
Эбирь касьса кильдэ-
мэр (2)
Сьурь хирь орлы киль-
дэмэр (2)
Хирле битьлэ хирь кор-
ма (2)
Мамык-ран миндер ту-
рымыр (2)
Питьнэ хымач тытры-
мыр,

Дѣвужку укравши, спа-
ли.
Въ непроходимый мед-
вѣдемъ лѣсъ
Мы прошедши прибыли.
Черезъ сто полей при-
были
Красивую лицемъ дѣ-
вужку смотрѣтъ.
Изъ пуху подушку сдѣ-
лали,
Наволочку лентой за-
шили,

Хирле битьлэ хирь
ларгма (2).

Хире язар больше де (2).

Осраза сын, — ял колать,

Вилерзэсын, — шар бо-
лать.

Хозя хирьне хозяйлатса
эпъ кирем-и?

Анкир, йигеть, арте
хаяр корзан ятле!

Сан азюна пызык па-
дак тыттарам-и!

Хозан сьольнэ хам
ктартса хам ярам-и?

Хозя хирьне хозяйлатса
эпъ кирем-и?

Анкир, йигеть, анне
хаяр корзан ятле.

Сан анвунэ кадък чап-
ка тыттарам-и!

Сьирла сьольнэ хам
ктартса хам ярам-и!

Хозя хирьне хозяйлатса
эпъ кирем-и!

Красивую лицемь дѣ-
вушку посадить (1).

Дѣвушка оказалась рас-
путной.

Сберечь (ее), — деревь-
ня (будетъ) смѣяться.

Убить (ее), — бѣда бу-
детъ (2).

6.

Къ купеческой дочкѣ
хозяйничая! дай взойдуя!

Не входи, молодецъ,
сердитый отецъ увидить,
бранить будетъ.

Отцу твоему большой
палкой пригрожу я!

Казанскую дорогу самъ
показавши, спроважу
(его)!

Не входи, молодецъ,
сердитая мать увидить,
бранить будетъ.

Твоей матери разбитую
чашку вручу я!

Самъ дорогу показавши,
я пошлю (ее) за ягодами
самъ!

(1) У Чувашъ, какъ и у Татаръ, гостямъ подъ сидѣнье стелются или продолговатыя подголовныя подушки, или войлока

(2) Пѣсня эта найдена въ бумагахъ Н. И. Золотницкаго въ двухъ экземплярахъ. Одинъ изъ нихъ неполный. Намъ выбранъ экземпляръ, записанный для Н. И. Золотницкаго учителемъ - чувашинномъ Васильемъ Васильевымъ.

Ангир, йигеть, пичче
хаяр корзан ятле.

Сан пиччүнэ кадык пор-
да тыттарам-и!

Вурман сьолнэ хам
ктартса хам ярам-и!

Хозя хирьнэ хозяйатса
эпъ кирем-и?

Ангир, йигеть, йинге
хаяр корзан ятле.

Сан йингүнэ шылык
чирес тыттарам-и!

Нұхрәп сьольнэ хам
ктартса хам ярам-и!

Хозя хирьнэ хозяйатса
эпъ кирэм-и!

Ангирь, йигеть, аппа
хаяр корзан ятле.

Сан аппуна сьидик тот-
тыр тыттарам-и!

Чих видинэ хам лэсьсэ
хам хобам-и!

Не входи, молодець,
братъ (старшій) сердитый
увидить, бранить будетъ.

Твоему брату тупой то-
поръ вручу я!

Лѣсную дорогу самъ по-
казавши, я пошлю его!

. . . . .

Не входи, молодець,
невѣстка сердитая уви-
дять, бранить будетъ;

Твоей невѣсткѣ дыря-
вый чирясъ вручу я!

Дорогу въ погребъ самъ
показавши, пошлю (ее)!

. . . . .

Не входи, молодець,
сестра (старшая) сердитая
увидить, бранить будетъ.

Твоей сестрѣ худую
тряпку вручу я!

Въ куриный хлѣвъ самъ
проводивши, запрю (ее)!⁽¹⁾

Село Бѣловолжское.
25 апрѣля, 1877 г.

(1) Къ сожалѣнью конецъ этой пѣсни оторванъ.

О Ч Е Р К Ъ

РЕЛИГИОЗНЫХЪ ВѢРОВАНІЙ ЧУВАШЬ.⁽¹⁾

Въ чувашскихъ вѣрованіяхъ, влѣдствіе столкновенія съ мухаммеланствомъ, а затѣмъ и христіанствомъ, произошла крайняя путаница. Въ настоящее время очень мало можно найти вѣрованій и обычаевъ, къ которымъ бы такъ или иначе не примѣшалось чего-нибудь изъ вѣрованій татарскихъ и русскихъ „отреченныхъ“. И тому, кто бы вздумалъ реставрировать чувашскую вѣру, трудно избѣгать ошибокъ, неправильныхъ обобщеній. Трудность эта отчасти увеличивается отъ того, что многое уже позабылось самими чувашскими знахарями, и отчасти отъ того, что молодое поколѣніе, особенно грамотное, какъ справедливо замѣчаетъ Н. И. Золотницкій, „относясь къ языческимъ заблужденіямъ своихъ единоплеменниковъ съ понятнымъ пренебреженіемъ, всегда склонно собственными соображеніями восполнять пробѣлы мифологическихъ фактовъ и самонадѣянно выдавать свои объясненія за непреложную истину“.⁽²⁾

⁽¹⁾ Настоящая статья священника села Кошекъ Чебоксарскаго уѣзда В. Я. Смѣлова, подъ заглавіемъ: „Нѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ“, была напечатана въ 20 № Извѣстій по Казанской Епархіи за 1880 г. Въ виду особеннаго ея интереса, съ согласія автора, она перепечатывается въ нашихъ «Матеріалахъ» съ поправками и дополненіями, сдѣланными самими авторомъ.

⁽²⁾ Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ. Казань: 1877 г.; стр. 6. Приведенные изъ этой брошюры слова Н. И. Золотницкаго крайне не лишне имѣть въ виду при чтеніи составленной Законоуч-

Желая сколько-нибудь послужить дѣлу реставрированія чувашской вѣры, я рѣшился предать печати нѣсколько вѣрованій и легендъ, доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, еще не напечатанныхъ. При передачѣ этихъ вѣрованій я не буду вдаваться ни въ какія соображенія о происхожденіи и связи ихъ съ общимъ культомъ чувашской вѣры; ограничусь одними указаніями на мѣстность, въ которой слышанъ былъ разсказъ, или въ которой держится извѣстное вѣрованіе, или извѣстный обычай. Это указаніе мѣстности считаю необходимымъ для лицъ, желающихъ реставрировать чувашскую вѣру; оно поможетъ имъ ориентироваться въ матеріалѣ и безошибочно отнести одно къ Чувашамъ, другое къ совместной съ Чувашами народности. Имѣетъ ли относительное влияние на развитіе Чувашей (*) —

теперь Казанской учительской семинаріи, свещ. Никифоромъ Каменимъ по рукописямъ его учениковъ; безъ указанія селеній, изъ которыхъ они были; — книжки: Современныя остатки языческихъ обрядовъ и религиозныхъ вѣрованій у Чувашей. Казань. 1879. В. 1. 100 стр. (1). Въ доказательство влияния совместной народности на вѣрованія Чувашей можно привести много фактовъ. Ограничусь нѣсколькими. Такъ въ статьѣ свещ. Никифора Каменискаго: Современныя остатки языческихъ обрядовъ и религиозныхъ вѣрованій у Чувашей, помѣщенной въ Известіяхъ по Казанской Епархіи за 1869. годъ (изданы въ томъ же году) (отдѣльной книжкой), легенда о зломъ домовомъ — Ахѣ русскаго происхожденія. Различіе между русскими и чувашскими текстами легенды только въ томъ, что у Русскихъ вмѣсто Аха фигурируетъ нудда, а вмѣсто Ивана — Григорій. Здѣсь кстати замѣчу, что у Русскихъ въ сказкахъ счастливыцы всегда называются Ивановъ, а горемыки — Григорьями. Есть и пословица: «Горе, когда мужъ Григорій, лучше хотѣ дуракъ да Иванъ». Но созвучію ли имени Григорій съ горемъ составила такая пословица, или почему другому. — рѣшить не берусь. У Чувашей же, сколько мнѣ извѣстно, счастливыцы носятъ имя Василія, а горемыки — Ивана. Убо же Каменискаго говорится, что надъ могилкой покойника Чуваша ставягъ срубъ. Но это дѣлается только у Чувашей, поклонныхъ къ магнетанству или въ уѣздахъ Твюшскомъ и Буинскомъ, и очевидно заимствовано у магнетанъ. Въ другихъ мѣстахъ надъ головой умершаго вбивается, одинъ тодько колы; во время поминанія умершаго около того кола льется пиво и вино, бросаются кусочки яиць и хлѣба. Въ Цивильскомъ уездѣ некрещенные Чуваша, а въ Кошадевскомъ приходѣ, и многіе изъ крещенныхъ не ѣдятъ свинины. Въ Цивильскомъ и Чебоксарскомъ уѣздахъ прино-

ние: Повѣрованію Чувашъ на землѣ 77 Народовъ, 77 языковъ и 77 вѣрѣ. Каждому народу вѣра дана верховнымъ Богомъ. Какъ верховный Богъ раздавалъ вѣры другимъ народамъ, — разказовъ не слыхаль, Русь (славянская) —

Въ Ядринскомъ уездѣ Хурба-на не зѣяютъ (стр. 94, 93, 116). Въ Кошкинскомъ приходѣ (Чебоксарскаго уѣзда), въ деревняхъ, ведущихъ знакомство съ Луговымъ Черемисами, приучкають новаго хѣба упоминають Поша-амыш и Ой урташи Первое для непонятно (стр. 86), а второе составлено изъ чувашскаго ой — поле и черемисскаго урташ — оберегатель, что вѣстѣ — хранитель поля. Въ Можаровскомъ приходѣ (Цивильскаго уѣзда), въ деревнѣ Быхтирѣвой — Карымковѣ, склонной къ расколу, мнѣ привелось слышать слѣдующій разказъ объ аллилуя. Аллилуя, говорилъ расказчикъ, была женщина. Когда Иуды ловили Христа, то онъ убжалъ въ домъ Аллилуи. Аллилуя въ это время сидѣла съ своимъ ребенкомъ в тавли печку. Христось велѣлъ Аллилуи ребенка бросить въ печь, а его самого взять на руки. Аллилуя такъ и сдѣлала. Прибѣжали Иуды, спрашивають, не видала-ли Христа? Аллилуя указала на своего ребенка въ печи и сказала: вотъ Христось. Иуды посмотрѣли, повѣривши и ушли. По уходѣ Иудовъ, Христось велѣлъ Аллилуи выпнуть ребенка изъ печи и воскресилъ его. Вотъ за это-то въ церкви и поминаютъ Аллилую весьма часто. Въ деревнѣ Водаяль, Цивильскаго уѣзда, Ново-Чурашевскаго прихода отъ некрещенаго Чувашина слышалъ слѣдующій разказъ о томъ: отъ чего зѣмой деревья, кромѣ ели и сосны, безъ листьевъ? Это, по словамъ разказчика, произошло отъ того, что Христось, скрываясь отъ богатыхъ людей, хотѣвшихъ его убить за любовь къ бѣднымъ, прибѣжалъ въ лѣсъ и просилъ деревья спрятать его; вотъ деревья, кромѣ ели и сосны, спрятать Христа отказались. Вотъ за это-то лиственные деревья и лишены на зиму покрововъ. Некрещеные Чувашъ о Христѣ говорятъ, что Онъ, живя на землѣ, работалъ безплатно на людей бѣдныхъ и жилъ у каждаго бѣднаго до его смерти. Богатые, видя, что бѣдники по милости Христа бѣднѣютъ, и ускользають, отъ ихъ кабалы, рѣшились убить Христа и убили. Въ Кошелевскомъ приходѣ, состоящемъ изъ Чувашъ и Русскихъ, Чувашами исполняется не мало игръ, заимствованныхъ у Русскихъ. Такъ, на примѣръ въ хоровахъ поють и играютъ: Эбаръ ирвэз акрымыр, акрымыр! Ужъ мы просо съяли, съяли.....

Въ селѣ Ядринѣ, Ядринскаго уѣзда, въ 50-хъ годахъ Чувашской молодежи была переложена по чувашски русская пѣсня и пѣлась съ припѣваниемъ: *Ванъ дошия эюмъ эюмъ атьымски дошия эюмъ* (вотъ вы, что вы и что вы эюмъ эюмъ) и т. д. Пѣсня эта, о Поставля дѣвки лень..... *дѣву отъащотъ*

бѣимъ же: Татарамъ и Чувашамъ: вѣра была дава
такъ. — Разъ Русскій, Татаринъ и Чувашинъ ночевали
вмѣстѣ въ одной избѣ; и вотъ рано утромъ услышали
голосъ, совнѣ говорящій: идите, берите книгу и вѣру!
Татаринъ, тотчасъ же надѣвъ калоши (пошмакзанэ),
выскочилъ изъ избы первый, за что и получилъ книгу
и три жены. За Татаринѣмъ, надѣвъ сапоги, вышелъ
Русскій, и такъ же получилъ книгу и вѣру, но, какъ вы-
шедшій вторымъ, получилъ одну жену. Чувашинъ-же,
обуваясь въ онучи и лапти, замѣшкался. Богъ, подо-
ждавъ немного, бросилъ книгу и ушелъ. Вышелъ Чу-
вашинъ, а книгу-то давнымъ-давно ѣдятъ корова и
овца, и остался Чувашинъ безъ книги и закона, въ
воли киремети и мірскихъ (тѣнчи) боговъ. У коровы
же и овцы внутри выросла книга съѣръ хот (сто лис-
товъ⁽¹⁾). Впрочемъ, Чуваша отъ этого, какъ имъ ка-
жется, не въ проигрышѣ. По смерти, говорятъ они,
за неимѣніемъ у нихъ закона, верховный Богъ судить
ихъ не ставеть; не вочему, скажетъ.

Міромъ земнымъ, по вѣрованію Чувашъ, управля-
ютъ мірскою богъ (тѣнчи тора) и другіе меньшіе боги,
завѣлывающіе извѣстною частію въ мірѣ. Верховный
Богъ, раздавъ людямъ вѣры, удалился отъ дѣлъ. Раз-
вѣ когда—когда верховный Богъ пройдетъ по землѣ,
или прямо съ неба поглядитъ на житье людей. Извѣст-
ный метеоръ, въ видѣ раскрытія неба на мигъ (Квак
Хопни), по вѣрованію Чувашъ, и есть тотъ моментъ,
когда Богъ смотритъ на землю. Увидѣвшій этотъ ме-
теоръ чего-бы ни попросилъ въ это время у Бога—
получить. Такъ, говорятъ, одинъ Чувашинъ просилъ у
Бога, беремъ телячьихъ лямокъ (пру пывзэм перь
сѣклэм), и у него развелось громадное стадо рогатаго
скота (Срав. стр. 63). Верховный Богъ не всегда зна-

(1) Русскіе тоже называютъ желудокъ книгой, псалтирю. Разсказъ
о раздачѣ вѣры слышалъ въ Цивильскомъ уѣздѣ и въ сѣверной части
Тетюшскаго уѣзда.

еть, что дѣлается на землѣ; такъ, если лѣшему удастся доконать человѣка въ четыре дня, то Богъ объ этомъ и не узнаетъ. За такое невниманіе верховнаго Бога и Чуваши ему платятъ той же монетой. Верховному Богу жертвы приносятся только во время бездождія и другихъ общественныхъ бѣдствій.

Изъ низшихъ боговъ, въ настоящее время, сравнительно съ другими богами, большимъ уваженіемъ пользуются слѣдующіе боги.

1) Повсемѣстно:

а) Ар сьоры—лѣшій. Лѣшій живетъ въ лѣсу и въ полевыхъ оврагахъ; онъ принимаетъ на себя образъ человѣка и животныхъ; больше всего его видятъ въ красной рубахѣ. Если кто захвораетъ на пути, или вскорѣ по возвращеніи съ дороги, то это лѣшій заломаль. Въ умилостивленіе лѣшаго бросаютъ лепешки, дѣлаютъ изъ тѣста куклы, изображающія мушину или женщину, смотря по тому, кто боленъ. Чуваши, посадивъ куклы эти, въ лапотъ, съ кашей бросаютъ на то мѣсто, гдѣ, по догадкамъ больнаго, приключилось нездоровье. До принесенія жертвы лѣшему негодится напутствовать больнаго, какъ-бы ни былъ онъ плохъ. Иначе больной умретъ (Срав. стр. 194).

б) Иирихъ. Иирихъ—большею частію какое-нибудь дерево, рѣдко старый анбаръ. Иирихъ посылаетъ наружныя болѣзни, особенно чирьи⁽¹⁾. Въ жертву приносятся куски холста, серебряная монета, а для избавленія отъ чирьевъ — кружечки изъ олова. Кружечки эти предварительно накладываются на чирей (Срав. стр. 81: 82).

в) Вонкынъ. Вонкыну приписываются всѣ болѣзни скота и повальный моръ, на скотъ въ особенности. Въ случаѣ единичной болѣзни скота Вонкыну бросаются

---

(1) Нѣкоторые говорятъ, что чирья бываютъ отъ того, что человѣкъ помочился на золу. Русскіе опухоль паховыхъ желѣзъ (бобоны) приписываютъ тому, что человѣкъ переступилъ чрезъ пестъ.

сырныя яйца, а во время повальной болѣзни варятся пиво и каша, но непременно такъ называемымъ „живымъ огнемъ“, добываемымъ чрезъ треніе кусковъ дерева другъ объ другъ. Часть каши и пива ставится на столбахъ полевыхъ воротъ, остальное же съѣдается и выпивается участниками въ жертвоприношеніи (1). Во время варенія каши женщины и дѣвицы, надѣвъ чистое бѣлье, „городятъ вокругъ деревни желѣзную городьбу“ — опахиваютъ деревни (2). Тѣхъ безобразій, какія совершаются Русскими при подобномъ же обычаѣ у Чувашъ вѣтъ (см. стр. 136). Они и опахиваютъ то или рано утромъ, или къ вечеру, до заката солнца. Нѣкоторыми приносится жертва Вокыну и при первомъ выгонѣ скота въ стадо. При этомъ скотина прогоняется еще чрезъ кочергу и помело затѣмъ, чтобы скотина не бѣгала изъ стада и сама возвращалась домой. (Сравн. стр. 134, 135, 144, 145 и 146).

(2) По мѣстамъ:

Тур-килли. Тур-килли по русски — домъ судьи. Это обыкновенно бываетъ анбаръ или конюшня, куда кладутся серебряныя деньги, или прямо въ щели бревень, или въ кузовъ или въ кошелекъ. Деньги обыкновенно кладутся ночью и въ то время, когда неслышно никакого звука. Иначе пользы нѣ будетъ. Въ нѣкоторыхъ

(1) Впрочемъ я недавно узналъ, что въ деревняхъ, склоняныхъ болѣе къ христіанству, во время падежа скота жертвы приносятся великому Богу, мірскому богу и матери боговъ (Тор Амышна). Въ этихъ деревняхъ приносить жертву Вокыну считается грѣхомъ. Кровь жертвенныхъ животныхъ выливается на огорь для того, чтобы запахъ крови достигъ до боговъ. Во время совершенія жертвы отираются въ село Ишаки служить молебень, на возвратномъ пути не забываютъ и своей церкви. Желѣзная городьба (тоже городится) и

(2) Въ Тетюшскомъ уездѣ кромѣ этого еще прогоняютъ скотину подъ землей; для этого гдѣ-нибудь на берегу оврага вырывается подземный ходъ и сквозь его прогоняется скотина. При выходѣ изъ подземелья по обѣимъ сторонамъ него разводится огонь, разведенный „живымъ огнемъ“. Срав. краткое извѣстіе объ идолопоклонническомъ заблужденіи Чувашъ, обитающихъ въ Каз., Сымбир. и Оребургской губерніяхъ. Казан. Вѣстникъ. 1827 г. Ч. XX. Кн. V, стр. 46—54.

мѣстахъ Тетюшскаго и Цивильскаго уѣздовъ, по истеченіи года, жертвенныя деньги собираются хозяиномъ строенія и, смотря по суммѣ, на нихъ покупается какое нибудь животное, солодь, хмѣль, варятся пиво и каша и все это поѣдается и выпивается цѣлымъ околдомъ, среди котораго находится тур-килли. Въ домѣ, гдѣ находится тур-килли, въ случаѣ женитьбы сына, женятъ и тур-килли: дѣлаютъ женскую куклу, супсэ (липовую кадку, замѣняющую сундукъ) съ бѣльемъ и кусочками холста, а въ случаѣ отдачи дочери въ замужество куклу отправляютъ вмѣстѣ съ дочерью особымъ свадебнымъ поѣздомъ. Такъ разъ въ Тогаевскомъ приходѣ, Чебоксарскаго уѣзда, изъ села Тогаева отправили куклу въ деревню Собачкино сосѣдняго Кушниковскаго прихода. Почитающіе тур-килли приносятъ ему жертву и у себя въ дому ('); жертва состоитъ изъ

(') Чувашинъ не каждый молится всѣмъ богамъ, а только тѣмъ, которымъ приучили отцы и дѣды. Такъ, напр. если у кого отецъ и дѣды ходили только въ Ишаки, но не были въ селѣ Багильдинѣ и городѣ Цивильскѣ, то и сынъ или внукъ пойдетъ только въ Ишаки и столько разъ и съ такими деньгами (случается, что вмѣсто денегъ даютъ иухратки), сколько и съ какими ходили дѣдъ и отецъ. Далѣе, если отецъ, вмѣсто того, чтобы идти въ Ишаки, обѣщанныя деньги клалъ въ часовнѣ или бросалъ въ извѣстное мѣсто въ волѣ, то тоже самое дѣлаютъ и сынъ и внукъ. А то дѣлаютъ и такъ: обѣщавъ помолиться въ Ишакѣхъ или другомъ уважаемомъ мѣстѣ, деньги назначенныя на это, бросаютъ тайно къ сосѣдямъ или къ своимъ недругамъ. Но вѣрвнню Чувашъ съ этими деньгами, непременно переходитъ и самая болѣзнь или извѣстное несчастье; а хозяинъ дома, въ который брошены деньги, не избавится отъ болѣзни или несчастья до тѣхъ поръ, пока не найдетъ эти деньги и не отнесетъ ихъ туда, куда онѣ были обѣщаны бросившимъ ихъ. Въ Цивильскомъ уѣздѣ къ этимъ деньгамъ нашедшій прибавляетъ отъ себя тоже количество и именно той же монетой, какой найдены и снова бросаетъ въ другой домъ, или несетъ въ то мѣсто, куда, по догадкамъ йомзи, онѣ были обѣщаны первымъ бросившимъ. Случается, что эти деньги обходятъ всю деревню, нарастая въ количествѣ, и достигаютъ рублей 10 ти. Нашедшій послѣднимъ, если находитъ для себя выгоднымъ, приложивъ еще 10-ть руб., броситъ къ сосѣдямъ или въ другую деревню, — бросаетъ, а не то самъ отправляется съ этими деньгами на богомолье; въ послѣднемъ случаѣ сумму удваивать не нужно. Это какъ-бы замѣняетъ потеря времени и подво-

гуся, или утки, въ бульонѣ, которыхъ варится каша. Жертвоприношеніе совершается со всѣми предосторожностями относительно типины. (Сравн. стр. 78, 79, 81, 82).

Другихъ боговъ Чуваши чествуютъ только при моленьи новаго хлѣба и моленьи о дождѣ, но и то уже не всѣхъ. Въ настоящее время самый дотошный совершитель чуковъ упоминаетъ имена только 35 боговъ, а въ прежнее, старое время упоминали 77 боговъ (1). Ну, отъ того-то и въ народѣ всего стало меньше, со вздохомъ говорятъ старики.

О происхожденіи боговъ обстоятельныхъ разсказовъ слышать не приводилось. Сколько ни спрашивалъ объ этомъ стариковъ, всѣ отзывались незнаніемъ. Одинъ старикъ въ Кошкинскомъ приходѣ говорилъ мнѣ со

да. Впрочемъ, явнѣ Чуваши говорятъ, что ишакьяскій богъ строже наблюдаетъ свой интересъ—чаще хватаетъ (а подбрасываніе денегъ, яе всегда достигаетъ своей цѣли) незнай отъ того, что устарѣлъ, незнай отъ того, что разбогатѣлъ.... Какой богъ хватилъ—опредѣляютъ йомзп.

(1) Съ водвореніемъ среди Чувашъ христіанства, Чуваши и св. иконы, и домашнія и церковныя, стали считать за боговъ. Домашней иконой Чувашинъ дорожить, и, придерживающійся язычества, ни за что не рѣшится обмѣнять икону, хотя бы она вовсе поидяла. Незнай каковъ будетъ новый богъ, можетъ быть злой, говорятъ они. Года три назадъ въ Кошкинскомъ приходѣ былъ вотъ какой случай.—Приходить ко мнѣ Чувашинъ и проситъ позволенія поставить икону на колокольню. На мой вопросъ—что икона постарѣла? Чувашинъ отвѣтъ, что нѣтъ. Такъ зачѣмъ же, спросилъ я? Ко мнѣ пришла сноха вдова, говорить ояъ, и принесла съ собою свою икону, и вотъ теперь боги живутъ между собою не въ ладу, захватили мою жену, глаза у ней заболѣли, но который изъ нихъ захватилъ мою жену—не знаю. Незнай свой осердился на чужаго, язвнай сношнннъ хаярдахъ—позлате, вѣдь солдатскій ояъ (мужъ снохи былъ солдатъ и жилъ по христіански). Ставилъ свѣчи обоимъ, — не помогаетъ. И, яе смотря на сдѣланныя мною разьясенія о св. иконахъ, ояъ заставилъ сноху продать икону, иначе, говорилъ ояъ, я тебя и держать у себя яе буду. Предъ иконами жертвъ не приносятъ, ставятъ только свѣчи, впрочемъ предъ иконами въ часовняхъ, а также предъ церквами бросаютъ кусочки хлѣба и льютъ вино. Когда ставятъ свѣчи, то непременно упоминаютъ свое имя, отчество и деревню. Иной разъ напоминаютъ и о томъ, какія свѣчи они постоянно ставятъ.

словъ своего дѣда, что шестиногая пчела — богъ про-
изошла изъ пупка великаго бога ⁽¹⁾, а остальные боги
отъ дочери великаго Бога, бывшей въ замужествѣ. Но
за кѣмъ была дочь великаго Бога въ замужествѣ,
также на комъ боги переженились и откуда взялись у
нихъ прислужники—отвѣта не далъ ⁽²⁾. Равнымъ обра-
зомъ и о происхожденіи міра и человѣка полныхъ раз-
сказовъ слышать не приводилось. Только о сотвореніи
птицъ мнѣ привелось слышать слѣдующій рассказъ.
Илья — богъ былъ сиднемъ до 30 лѣтъ. Разъ отецъ
его съ помочанами ушелъ корчевать лѣсъ; Илья, какъ
сидень, остался дома. Предъ обѣдомъ приходитъ въ
избу великій Богъ съ „Херле сыремъ“ и проситъ на-
питься. Илья сказалъ, что у отца есть пиво, да неко-
му принести. Богъ велѣлъ принести ему самому. Илья,
какъ молодой ребенокъ, пошелъ и принесъ ведро пи-
ва. Богъ велѣлъ Ильѣ выпить самому, и Илья выпилъ
ведро безъ отдыха. Богъ велѣлъ принести еще ведро
и выпить. Илья опять выпилъ! все ведро; принесъ
третье ведро и выпилъ только половину. Богъ спро-
силъ Илью: чуешь-ли онъ въ себѣ силу? Илья сказалъ:
какъ бы у земли была скобка, то онъ приподнялъ-бы
ее. Ну, довольно съ тебя сказалъ Богъ и ушелъ. Когда
приспѣло время обѣда, Илья взялъ подъ мышку 40-
ведерную бочку съ пивомъ, котель каши, хлѣба и по-
шелъ къ помочанамъ. Отецъ, мать и помочане всѣ ди-
ву дались. Послѣ обѣда, когда всѣ рабочіе легли от-
дыхать, Илья сталъ корчевать лѣсъ: возьметъ дубъ за
вершину, выдернетъ и броситъ въ рѣчку; пока помо-
чане спали, Илья побросалъ въ рѣчку столько дубьевъ,
что вода въ рѣкѣ вышла изъ береговъ и стала зали-
вать помочанъ. Послѣ этого Илья пошелъ отыскивать

⁽¹⁾ У Русскихъ тоже толкуютъ, что пчелы вышли изъ пупка истиннаго Христа во время Его страданій на крестѣ.

⁽²⁾ Одна старуха говорила мнѣ, жалуясь на свою бѣдность, что родимый мой богъ видно плохой; онъ никого не побѣждаетъ, и я никого не побѣждаю.

себѣ лошадь, но долго не находилъ: лишь положить руку на лошадь, а лошадь и спотыкнется! Узналъ Илья, что у одного Чувашина есть хороший жеребенокъ; пошелъ осмотрѣть жеребенка; хорошъ; но въ цѣнѣ не сошлись. На другой день Илья послалъ отъ себя дать Чувашину просимую имъ цѣну; но жеребенокъ за ночь выросъ съ самую большую лошадь; и хозяинъ запросилъ новую цѣну. «Черезъ недѣлю въ цѣнѣ сошлись; и Илья, сдѣлавъ себѣ желѣзную—шапку въ 40 пудовъ и палку въ 10 пудовъ, поѣхалъ по всему свѣту. Вотъ на пути онъ увидалъ слѣпаго старичка; разговорился съ нимъ про силу. И говоритъ старичекъ: а ну-ка, дай мнѣ свою руку. Илья вмѣсто руки далъ ему свою палку; Старикъ пожалъ палку, и шапка затрещала и сплюснулась. А ну-ка, дай я тебя обниму, говоритъ старикъ. Илья подошелъ и преподнесъ старикъ свою шапку; старикъ обнял шапку—не поддается; ну, ничего, говоритъ, кость у тебя здоровая, будешь паттыр (богатырь). После этого Илья поѣхалъ дальше и наѣхалъ на гнѣздо соловья. Соловей тототъ былъ большой—прѣбольшой; гнѣздо у него было на семи вѣтлѣхъ и свистъ его слышенъ былъ за семь верстъ. Илья бросилъ въ соловья палку и отшибъ ему крыло; бросилъ шапку и придавилъ; затѣмъ разсѣкъ его на части, и изъ каждой части мяса выросли птицы; изъ большихъ частей—большія птицы, изъ малыхъ—малыя, а изъ кусочковъ сала выросли: шингорсь, сара кайык и другія желтыя птицы⁽¹⁾. После этого Илья недолго жилъ на землѣ, уѣхалъ на небо, и теперь гоняетъ и

⁽¹⁾ Сар' кайык, сар' кайыкларь отъ сар' Желтянка, желтянка!

Пирин Муи-гона пырза: изъ кайыкларь Придти унеси нашу Пасху! ии Улум съола пирин Оргазы пырза! ии На будущій годъ приди въ вашъ изъ киль! ии Оргасъ (село Кошки) ии (опять) принеси!

бьетъ пайтана. Но какъ и когда Илья уфхаль на небо; объ этомъ узнать не мѡгъ: позабыли, говорятъ. И въ старину въ разъ этого свѣтца (иногда и въ иныя времена) видѣли въ этой бѣлѣягѣ гнѣвъ (или гнѣвъ или гнѣвъ) — виду. Всѣ несчастія, повѣрованію Чувапъ: происходятъ отъ того, что люди: плохо уважаютъ боговъ, мало даютъ имъ жертвъ; обманываютъ ихъ, давая имъ вмѣсто животныхъ пряники и съ изображеніемъ животныхъ (оргамъ), вмѣсто серебра — нухратки. Случается: говорятъ, что несчастія посылаются богами въ слѣдствіе клеветы, лѣбдничества людей. Въ посланіи бѣдъ боги, какъ кажется, не всегда придерживаются справедливости; часто караютъ совсѣмъ невиннаго — иной разъ безъ всякой цѣли; а иной разъ отъ того только, что не нападутъ сразу на настоящаго виновника. Вотъ объ этомъ два разказа. Разъ великій Богъ ходилъ по землѣ съ богомъ Николой (по другому разказу съ Херле Сырѣмъ) и заплутался. Увидавъ дымокъ, разстилавшійся надъ оврагомъ, Богъ великій предположилъ, что въ оврагѣ есть какое-нибудь жилище, и послалъ туда бога Николау справиться по дорогѣ. Никола пошелъ и увидѣлъ въ оврагѣ баню; изъ бани слышались голоса; тамъ была роженица съ бабкой. Никола, считая баню за избу, гвздумалъ прямо войти въ баню; но лишь только отворилъ дверь, какъ бабка налетѣла на него съ крикомъ и въникомъ: „Куда, куда Русскій идешь!“ закричала бабка и ударила Николу въникомъ. Богъ Никола возвратился къ великому Богу въ сердцахъ и упротилъ великаго Бога за оскорбленіе и нанесенное ему бабкой, не давая счастья новорожденному. И въ слѣдствіе этой-то просьбы, у новорожденнаго тотчасъ померли родители, скотъ, а за тѣмъ сгорѣлъ домъ; со всѣмъ добромъ, а хлѣбъ въ полѣ выбило градомъ. И новорожденный изъ богатаго мальчика сталъ бѣднякомъ и началъ кормиться милостыней. Подросши, онъ сталъ наниматься въ работники; но и здѣсь, не смотря на его прилежаніе, не было ему счастья. Въ домъ, въ который онъ нанимался, тотчасъ же съ него приходило

шло несчастіе за несчастіемъ, и хозяева его прогоняли. Припечалился молодець. Разъ ему явился старичекъ (по словамъ однихъ старичекъ этотъ Херле Сьирь, а по словамъ другихъ — самъ великій Богъ) и велѣлъ ему наняться въ пастухи къ одному богатому Чувашину; за пастьбу брать не деньгами, а приплодомъ— и въ первый годъ выговорить черныхъ ягнятъ и телятъ, а во второй—бѣлыхъ. Молодець такъ и сдѣлалъ. И въ первый же годъ его пастьбы у Чувашина, его хозяина, весь приплодъ былъ черный, хотя до этой поры у него черной скотины вовсе не было. Во второй годъ приплодъ былъ весь бѣлый. Хозяинъ, продержавъ два года, прогналъ его отъ себя; приплодъ отдалъ. Давъ подрости скоту, молодець погналъ его на продажу. Разъ, когда онъ со скотомъ отдыхалъ у рѣчки, случилось великому Богу съ богомъ Николой снова быть на землѣ и заплутаться. Никола, увидавъ стадо, пошелъ къ нему спросить о дорогѣ; полюбовался и подивился на скотину, и, прійдя къ великому Богу, спросилъ его—чей это скотъ; такого хорошаго скота я доселѣ ни разу не видалъ, говорилъ Никола. Великій Богъ сказалъ, что скотъ того самого ребенка, при рожденіи котораго его, Николу, бабка обидѣла. Нѣтъ, Господи! сказалъ Никола, я просилъ тебя не давать ему счастья, отними же у него скотину. Богъ согласился и послалъ моръ на скотъ; и къ вечеру изъ всего стада не осталось ни шерстинки. Взвзылъ молодець. Въ утѣшеніе ему опять явился старичекъ и велѣлъ идти въ извѣстную деревню, выпросить у жителей заброшенный кусокъ земли и посѣять на немъ рожь. Молодець послушался и сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему старичекъ. Рожь уродилась на славу. Но..... предъ самой жатвой увидѣлъ рожь Никола, и, узнавъ, чья она, снова упросилъ Бога лишить молодца счастья. Богъ исполнилъ просьбу Николы, послалъ градъ и отъ всей ржи осталась самая малость. Пуще прежняго взвзылъ молодець. Въ утѣшеніе ему опять явился старичекъ и говоритъ: сожни оставшуюся рожь; обмоходи,

сдѣлай солоду, крупы, свари пиво и кашу, сдѣлай „чук-лемъ“ (моленье новаго хлѣба), позови сельчанъ и всѣхъ прохожихъ и подчуй всѣхъ. Молодець такъ и сдѣлалъ. И вотъ въ самый разгаръ попойки невдалекѣ шли великій Богъ съ Николой и сбились съ дороги. Никола пришелъ на попойку спросить о дорогѣ. Молодець принялъ его со всѣмъ радушіемъ и угостилъ, какъ слѣдуетъ. Никола, довольный угощеніемъ, упросилъ Бога дать молодцу всѣ свои милости. Но кто этотъ молодець, спросилъ Никола? А тотъ самый, говоритъ Богъ, при рожденіи котораго тебя оскорбили. Ну, нечего дѣлать, все-таки дай ему всѣ милости, ужъ черезъ чуръ хорошъ человекъ-то, сказалъ Никола. И съ этой поры молодець разжился такъ, что равнаго ему по богатству не было никого (1).

Въ Кошелеевскомъ приходѣ, Цивильскаго уѣзда, въ деревнѣ Мундырь (Шептахова), на границѣ уѣзда, есть киреметь. Въ старину киреметь эта была весьма зла; бывало, если проѣзжій не скажетъ ей привѣтствія, то заломаетъ его. Теперь же устарѣла, не все видитъ и слышитъ, теперь можно и жертвой обмануть; не догадается. И не будь у ней зятя въ Буинскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, — житье Чувашамъ было-бы съ пола-горя. Зять, пріѣзжая въ гости на тройкѣ рыжихъ лошадей (2), спрашиваетъ ее о житьѣ, велитъ показывать получаемыя жертвы. Жертвы оказываются болшею частью обманными, о чемъ зять и докладываетъ. Киреметь въ сердцахъ кидается то на того, то на дру-

---

(1) Рассказъ слышалъ въ Цивильскомъ и Тетюшскомъ уѣздахъ. У Чувашъ и теперь есть обычай угощать всякаго, и вовсе незнакомаго. Не предлагать хлѣба, а во время попойки — пива считается великимъ грѣхомъ.

(2) Сорнинская киреметь, Ядринскаго уѣзда, говорятъ, ѣздитъ на бѣлыхъ коняхъ; колокольчики, бубенцы и телѣга золотая. — См. объ этомъ въ ст. Замѣтка о Пугачевскомъ бунтѣ — В. К. Магнитскаго, Казанск. Губерн. Вѣд. 1866 г. № 17.

гаго. И, говорятъ, бѣда попасть въ это время на умѣ киремети, — разорить жертвами.

Чуваши весь миръ считаютъ обиталищемъ таинственныхъ силъ, болѣе имъ враждебныхъ, чѣмъ благодетельныхъ, они вездѣ и повсемъ видятъ для себя бѣду, а потому постоянно ходятъ подѣ страхомъ и во всеоружіи разныхъ, по ихъ мнѣнію, специфическихъ средствъ. Средства эти подѣчасъ бываютъ весьма дикіи. — Такъ, если роженица долго не разрѣшается отъ бремени, то присутствующія при этомъ старухи садятся на печь, свѣсивъ ноги на сторону устья печи. Одна изъ нихъ беретъ лапотную колодку и кочедыкъ, а другая веретено и канчалу (палка, утвержденная въ донцѣ, замѣняющая русскій прядильный гребень) и начинаютъ этими орудіями стучать и приговаривая: если ты мальчишъ, то выходи скорѣе лапти плести, а если дѣвочка, то — прясть. И стучать и кричать или до рожденія младенца, или до тѣхъ поръ; пока подвѣшенная подѣ мышки роженица придетъ въ безпамятство; ну, тогда гонять за попомъ. Если младенецъ родится плохъ, съ едва замѣтными признаками жизни, то, разложивъ на полу огонь, жгутъ мѣстечко, не отрѣзывая пуповины.

Если у кого-нибудь не живутъ дѣти, то переименуютъ имена. Дѣло это происходитъ, или порядкомъ, описаннымъ Н. И. Золотницкимъ (Корневой Чувашско-Русскій Словарь. Стр. 173), или гораздо проще. Кумъ, или кума, уговорившись съ родителями на счетъ имени младенца, отправляются крестить. — Послѣ крещенія, при входѣ въ домъ съ новокрещеннымъ, отецъ и мать спрашиваютъ кумовьевъ, какъ имя? Кумъ, или кума (у Чувашъ бываютъ по одному воспріемнику) называютъ имя, уговоренное, а не данное при крещеніи. Любимыми и какъ-бы магическими именами при этомъ считаются: Хорась, Пизукъ, Олай и т. д. послѣднимъ именемъ называютъ и пестрыхъ собакъ. Подѣ этими именами новорожденные живутъ въ семьѣ, слывуть

на деревнѣ, а имя, данное при крещеніи, остается въ однихъ официальныхъ актахъ.

Въ случаѣ кражи, и если подозрѣніе падаетъ на кого-нибудь изъ сосѣдей, для отысканія вора прибѣгаютъ къ слѣдующему средству. — Берутъ отъ семи киреметей воды, и на этой водѣ готовятъ ржаной кислый хлѣбъ, созываютъ сосѣдей, а иногда и цѣлый околодокъ деревни, и заставляютъ каждого ѣсть этотъ хлѣбъ. По вѣрованію Чувашъ, воръ хлѣбъ этотъ ѣсть не рѣшится, а если и съѣстъ, то его заламаетъ такъ, что онъ отъ смерти не отдѣлается ничѣмъ. Впрочемъ; объ этомъ средствѣ мнѣ привелось слышать только разъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, а употребляютъ-ли его въ другихъ мѣстахъ—не знаю.

Умершихъ запахиваютъ (одѣваютъ) лѣвой полбой (по верхъ правой). Въ Тетюшскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ при выносѣ покойника изъ избы всѣ, кромѣ носильщиковъ, выходятъ изъ избы и останавливаются на дворѣ. По выносѣ покойника изъ избы, одна изъ женщинъ осыпаетъ его мукой, а другая, вбѣжавъ въ избу, вынимаетъ изъ очага до—красна накаленный камень, кладетъ его на то мѣсто, гдѣ приходились ноги покойника, а потомъ, выйдя на дворъ, бросаетъ въ воротахъ въ слѣдъ уносимому покойнику и въ лице умершихъ родственниковъ, пришедшихъ съ кладбища для встрѣчи своего сородича. Если не бросить камень, то говорятъ, который-нибудь изъ умершихъ родственниковъ заберется въ домъ, и снова кто-нибудь умретъ.

Возвратясь съ кладбища Чуваша поминаютъ умершаго; неотъемлемая принадлежность поминальнаго стола вареная курица. Во время поминокъ кто-нибудь изъ родственниковъ относитъ на мазарки (мѣсто, куда бросаютъ щепы отъ гроба, бѣлье, въ которомъ умеръ умершій), чирясъ (кадочку) съ пивомъ, часть куринаго мяса, каши, блиновъ. Это дѣлается потому, что умершій вмѣстѣ съ родственниками приходитъ съ кладбища уго-

щаться. Если этого не сдѣлать, то какъ умершему, такъ и живымъ семейнымъ шибко достанется отъ умершихъ за напрасный путь. Такъ мнѣ недавно въ приходѣ рассказывали слѣдующее. У одного Чувашина померла жена; возвратясь съ кладбища, онъ, какъ живущій по христіански, жену по чувашски не поминалъ, и на мазарки ничего не выносилъ. И что же; говорятъ, припли умершіе родственники на мазарки, и, не найдя ничего, принялись бить умершую и Вѣрукъ (Вѣра—имя умершей) макра, макра кайны—ушла, заливаясь слезами.

Въ продолженіи шести недѣль, каждый вечеръ четверга или пятницы, поминаютъ умершаго. Поминки эти дѣлаются такъ: въ домъ умершаго собираются родственники и знакомые, каждый ставитъ свѣчу или предъ иконами, или къ стѣнѣ около избной двери, потомъ отламываетъ кусочекъ каждаго кушанья, бросаетъ въ чашку, а въ чирясъ отливаетъ пива и вина, и при этомъ говоритъ (въ Чебоксарскомъ уѣздѣ), упомянувши имя умершаго: омынчэ болдыр, т. е. предъ *N* да будетъ! въ Цивильскомъ и Тетюшскомъ уѣздахъ—*N* пилъту—благослови! (т. е. принявъ приношеніе, не оставь насъ своимъ благословеніемъ). Отложенные куски и пиво или отдаются собакамъ, или относятся на мазарки. Затѣмъ поминки совершаются въ семикъ на могилахъ, въ теченіи трехъ лѣтъ и на Пасхѣ и осенью—дома, до тѣхъ поръ, пока родъ существуетъ.

Умереть взрослому холостымъ, или дѣвицею, считается большимъ несчастіемъ. По вѣрованію Чувашъ, умершіе холостыми должны будутъ жениться на дочеряхъ Эсрелэ, а дѣвицы должны будутъ выйти за мужъ за самого Эсрелэ (Срав. стр. 141, 142).

По вѣрованію Чувашъ, жизнь людей со смертію не прекращается, умершіе и по смерти живутъ тѣмъ же обычаемъ и порядкомъ, какимъ жили и здѣсь. Богатый и по смерти богатъ, коштанъ (ходокъ по дѣламъ, кляузникъ) и по смерти коштанъ. Худая доля выпадаетъ только бѣднякамъ и ворами. Воры, по мнѣ-

нію Чувашъ, должны будутъ возвратить хозяевамъ все уворованное, до уплаты же будутъ находиться у нихъ въ услуженіи. Вѣдники и на томъ свѣтѣ будутъ нуждаться. Вслѣдствіе такого взгляда на загробную жизнь, Чувашинъ о ней мало и заботится; изъ нихъ есть такіе резонеры, которые говорятъ, что только здѣсь было бы житіе, а тамъ хоть санныя полозья изъ насъ дѣлай, въ полномъ убѣжденіи того, что оставшіеся родственники, поминая ихъ богато, снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ (Чуваши вѣрятъ, что все приносимое покойникамъ поступаетъ въ распоряженіе покойниковъ). Вся забота Чувашина въ здѣшней жизни не о приготовленіи къ жизни будущей, а о возвышеніи и упроченіи своего рода: тѣтѣмъ ансивиндыр—чтобы избной дымъ не похолодѣлъ (не прекратился). Для этой цѣли онъ и работаетъ и копить деньги, отказывая себѣ даже въ улучшенной пищѣ. Въ случаѣ, если доводится умирать бездѣтнымъ, Чувашинъ передастъ свое имущество или постороннимъ, или родственникамъ, но не всѣмъ въ равной части, а кому-нибудь изъ нихъ больше. Получившій большую долю, по смерти завѣщателя, переноситъ къ себѣ въ домъ его икону и тѣмъ самымъ какъ-бы замѣщаетъ умершаго и принимаетъ на себя обязанности умершаго къ избному богу и предкамъ.

Было-ли и есть какое-нибудь болѣе конкретное представленіе о загробной жизни у Чувашъ—язычниковъ—не знаю. Всѣ легенды о загробной жизни, извѣстныя у Чувашъ въ настоящее время, очевидно не чувашскаго издѣлія. Происхожденіемъ своимъ онѣ обязаны магометанству и христіанскимъ апокрифамъ, проникшимъ въ массу русскаго народа. Здѣсь не могу не привести разсказа Чувашина деревни Погашъ, Тогаевского прихода, Чебоксарскаго уѣзда, дающаго нѣкоторое понятіе о представленіи Чувашинами загробной жизни. Правда, это бредъ больнаго (1), но за неимѣніемъ

---

(1) Чувашинъ этотъ вслѣдствіе долгой болѣзни впасть въ обморокъ, и очнулся уже тогда, когда его выносили изъ избы для погребенія. Чу-

другихъ свѣдѣній, на него можно смотрѣть, какъ на присущее нѣкоторымъ Чувавамъ представленіе о загробной жизни.

На томъ свѣтѣ, какъ видно, говорилъ разкащикъ, меня не ожидали. На самой дорогѣ изъ здѣшняго міра стоять двѣ конторы. Взошелъ въ одну контору, сидятъ писаря да пишутъ; спрашиваю: куда мнѣ идти? Мнѣ говорятъ: поди въ другую контору, тамъ справься; мы здѣсь записываемъ только родившихся. Прихожу въ другую контору, тамъ писаря не пишутъ, а только зачеркиваютъ (хорадассе); это значить, какъ зачеркнуть чье имя, такъ тотъ и умретъ (¹). Спрашиваю: куда мнѣ идти? А мнѣ говорятъ: ты откуда? Я говорю: Покровской волости, Чебоксарской губерніи, деревни Погашъ Степанъ! Писаря посмотрѣли въ книгу и говорятъ: ты еще рано пришелъ, для тебя только еще мѣсто и лѣсъ приготовили; вотъ когда выстроятъ домъ, тогда и потребуютъ. Вотъ, посмотри для тебя работаютъ воры, кравшіе у тебя добро; добра у тебя много будетъ. Смотрю: на самомъ дѣлѣ, трое возятъ лѣсъ на моихъ лошадахъ, годовъ десять тому украденныхъ. Одного вора призналъ изъ села Ковалей; страшный былъ воръ. Лѣсу навожено уже много; въ одномъ мѣстѣ лежитъ куча табаку; это, говорятъ, табакъ, украденный у тебя на базарѣ и возвращенный умершими ворами. Смотрю дальше: стоитъ какъ бы круподерная мельница; подошелъ поближе и вижу, какъ на круподеркѣ, устроено колесо, усаженное ножами, вокругъ колеса стоятъ грѣшники, въ колесо запряжены лошади и Эерелэ ихъ подгоняетъ; колесо вертится и насквозь прорѣзываетъ грѣшниковъ. Крикъ какой—бѣда! не стерпѣлъ, ушелъ дальше. Вижу—виднѣтся деревня,

---

ваши погребеніемъ умершихъ крайне торопятся; и нѣтъ никакой возможности продержатъ покойника до трехъ сутокъ.

(¹) И по вѣрованію магометанъ на небѣ два ангела; одинъ изъ нихъ записываетъ рождающихся, а другой зачеркиваетъ умирающихъ.

и такъ въ ней хорошо, не ушелъ-бы; на улицѣ все березки и на дорогѣ березки. Ангелъ сказалъ: это свѣтлое мѣсто; эдакихъ мѣстъ много, вотъ и то мѣсто, на которомъ для тебя построятъ домъ, будетъ такое же. А теперь ступай. скорѣе ступай домой. а то тебя похоронять, сказалъ мнѣ ангелъ. Указавъ мнѣ дорогу, ангелъ ушелъ въ контору. Я пошелъ; и вотъ на встрѣчу мнѣ солдатъ изъ нашей деревни ведетъ тройку лошадей. А, говоритъ, дядя Степанъ, здорово! Пойдемъ, выпьемъ вина одну косушку. Нѣтъ, говорю, домой तो роплюсь. На часъ, говоритъ, отсюда недалеко. И такъ просилъ, просилъ меня..... но я не послушался, и хорошо сдѣлалъ; прихожу домой, а меня уже изъ избы выносятъ. Какъ-бы зашелъ выпить, такъ бы отпѣли и зарыли....

29 Мая, 1881 г.
Село Кошки.

Чувашскія слова, не вошедшія въ „Корневой Чувашско-Русскій Словарь“ Н. И. Золотницкаго, или объясненныя въ немъ иначе.

Амин (еврейское)—
вѣрный.

Анат—тогъ, оный, (ниж-
ній низовый).

Вирь—позади, за, внѣ,
задній (степь, верховый).

Вирьле (татарск. *Уль*)
—съ, вмѣстѣ съ...;
употребляется въ соеди-
неніи съ другимъ словомъ;
напр. хуна вирьле—общес-
тво гостей, собраніе го-
стей, компанія.

Вирьмече — праздникъ
для изгнанія изъ домовъ
болѣзней.

Вирэм—опухоль, ча-
хотка, вередь.

Вот — шатеръ, новая
кибитка.

Ивэри—коровье моло-
ко, полученное отъ пер-
выхъ удоевъ отелившейся
коровы для соверпенія
„чука“ (жертвоприноше-
нія).

Йива—шарикъ изъ тѣста (колобки), приготовленные для угощенія славельщиковъ во время „Соргоры“.

Йигеть—молодой человекъ, молодецъ, парень.

Йиран борозда, гряда въ огородѣ; леха. Йиранъ сюклесъ, кажется, поднимать, или открывать наготу. Слово йиранъ принимается въ значеніи татарскаго چيركن чирганъ, отъ чирикъ چيركъ грязь, нечистота.

Йирих—зелень (еврейское).

Йомсынны—навороженный.

Йосман — замѣшенная на крови тонкая лепешка для принесенія въ жертву „киремети“.

Йырыз—см. Рыз.

Казян—женскій половой органъ (въ Ядринскомъ уѣздѣ); спина (въ Чебоксарскомъ уѣздѣ).

Какка — испражненіе, нечистота, зло.

Камалзыр—бѣдный, несчастный, безродный, бездомный, безхозяйный.

Кодын — своенравный, упрямый, неуступчивый; сдача (въ Цивильскомъ

уѣздѣ); неустойчивый въ словѣ.

Кодынла.—

Креге — столъ, уставленный кушаньями.

Кышкар—вьюшка; лубочный, круглый бездонный коробъ для навивки пряжи. Наклеска у тѣлги.

Марда—рой пчель (татарское).

Меркемес — состраданіе, сожалѣніе, милосердіе; сподобившійся милосердія Божія,—умершій; праздникъ для изгнанія изъ домовъ болѣзней.

Меслэт—власть, воля.

Ниш—ужалѣніе, уязвленіе, жало; дѣтская хилость (болѣзнь).

Омыр—жизнь.

Падьян—бадя, большая деревянная чашка.

Пилик (еврейское—пелекъ) — участокъ; область, часть душеваго земельного надѣла.

Плем — ватрушка изъ кислаго тѣста, намазанная толченымъ коноплянымъ семенемъ, разведеннымъ водой или молокомъ.

Пыгыт—дальній, отдаленный.

Рзя—подаватель жизненныхъ потребностей.

Рыз—тайна.

Сехмет—трудъ, забота; боль, вредъ.

Сьурасьма — примиреніе, поминки. Сьюразьясъ мириться ; Сьюразю—миръ.

Сьурэнь рыжій (о лошади); изгоняющій.

Сьутмах—рай, небо.

Сынгеръ — укрѣпленіе, заваль, баррикада.

Сыхла гур. | Нѣкоторые
Сьырлага { думаютъ, что
бар, хур. { сьырлага хур
можно переводить такъ:
положи на помилованіе.
Здѣсь, очевидно, слово
хур берется какъ глаголь
хор, хур—класть, положи-
ть, а сьырлага принима-
ется за имя существительное
въ дательномъ падежѣ. Или же
принимаютъ слово хур въ
смыслѣ приносить, ввести
(кѣрь) и въ этомъ случаѣ
выраженіе сьырлага хур
переводятъ: введи въ по-
милованіе. Но справедливѣе
эти выраженія принять за
два глагола:

сьырлах—миловать и кор—смотреть. Хур, гур=кор, кур значитъ смотри, а сьырлага есть форма дѣепричастія, или герундіумъ. Эта дѣепричастная форма составляется изъ 2-го лица повелительнаго склоненія, единственнаго числа, чрезъ прибавленіе нарощенія а=сьырлах--сьырлаха или сьырлага. Посему выраженіе сьырлага кур будетъ означать: милуй воззри! Или: помилуй! Сьыхла гур (кор)—сохраняя смотри! Или: внимательнѣе стереги! Или: пожалуйста помилуй! Пожалуйста сохрани! Сравн. татар. *يازаскор* (язакюр) сдѣлай одолженіе, пожалуйста пиши! (1).

Тарь—пальма; растетъ какъ финикъ и издаетъ изъ себя сокъ, употребляемый какъ хмѣльный напитокъ, называемый тари; свѣжій, влажный.

Танды кѣпса — бѣлоголовики, дягили.

Тялчикъ — свадебный подарокъ молодымъ въ

(1) См. Грамматика Турецко - Татарскаго языка Мирзы Каземъ-Бека. Казань. 1839 г. стр. 291. § 343.—Практическое руководство къ изученію татарскаго языка Махмудова. Казань. стр. 173.

день брака отъ родителей жениха; подпора, подержка — *طابراچاقى*

Твам — мочь; могущественный; богатый, имѣющій большое состояніе.

Тэтти — сладость, добро, причастье.

Тперь — кровное родство, семья, родъ:

Тутрешка — $\frac{1}{2}$ часть загона (ана), въ Чистопольскомъ уѣздѣ.

Улача (татар. *ال* пестрый, *ال* полосатый, *الاجه* разноцвѣтный; бумажная матерія изъ крашеныхъ питокъ, съ преобладающимъ синимъ цвѣтомъ) — пестрядинная одежда.

Упра — великая (богивя).

Уяв — бодрствованіе.

Хаймалан — обогащать.

Хайман — карманъ (въ Ядринскомъ уѣздѣ).

Хачмак — розвилки для снятія съ обращенной невѣсты фаты (пургэнчек).

Хыймалу — ватрушка изъ тонкаго сочня прѣс-

наго тѣста, намазанная смѣсью изъ кислаго молока, пшеничной или полбеной муки и яицъ.

Чар — повелѣніе, указъ, приказъ.

Черге — чарка для питья водки.

Чинрау — яма, котлови-на, жилище душъ умершихъ.

Шадын — темная сила, злой духъ; бѣсъ.

Шай — шарикъ изъ воска или хлѣбной корки, привязываемый йомзями на нитку во время ворожбы; шай — счастье, удача.

Шингорс — названіе желтенькой птички, съ красной пояской, величиною съ воробья.

Ынжырт — названіе болѣзни; приключающейся отъ прохода мимо ссорящихся.

Ыраш — страсть, любовь.

Юлаш — выкупъ, освобожденіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	I—V.
I. Киреметь	1—11.
Йомзя (Знахарь, знахарка)	11—18.
Легейда (объ изобрѣтеніи земледѣлія)	18.
Ага дуй. (Праздникъ весенней пашии)	18—21.
Сабань . . . (у Чувашъ и у Татаръ)	21—23.
Обряды передъ посѣвомъ	23—24.
Ага пугты (Моленье по случаю оконча- чашія весенней пашии)	24—25.
Ой (уй) чуге (Моленье объ урожаѣ хлѣббовъ)	25—32.
Сьомыр чуге (Моленье о дождѣ)	32—34.
Сбинзэ (Постъ по случаю беременности)	34—37.
Синкса (земли у Чувашъ и у Черемисъ)	37—40.
Кража земли и воды	40—43.
Авий пугты (Моленье по окончашии работы)	43—45.
Князь йиш пугты (Моленье запасомъ новаго хлѣба)	45—49.
Хирт сорт пугты (Жертвоприношеніе; домовому)	49—52.
Кард йиш пугты (Моленье о благопо- лучіи домашняго скота)	52—54.
Шыв' ямире (Моленье о неоскуднѣніи воды)	54—56.
Сра чуклэни (Моленье всѣмъ духамъ, управляющимъ земнымъ міромъ)	56—92.
Хорт чуге (Моленье о благополучіи пчель)	92—95.
Ивэ мрры чук (Моленье о благополучіи отелившейся коровы)	95—96.

Соргоры (Дѣтскій благодарственный праздникъ за урожай хлѣбовъ)	97—99.
Шойтан эрни (Чертова недѣля = Святки).	100—101.
Сьув' арни (Масляница)	101—103.
Калым кон (Перед-пасхальный чувашскій праздникъ)	103—108.
Нигис путты (Моленье по случаю закладки фундамента для дома)	108—110.
III. Хор чук (Жертвоприношеніе гуся)	110—113.
Виль тавраш (Моленье объ отвращеніи „порчи“)	113—119.
Сьын хыдым (Моленье объ отвращеніи моровой язвы)	119—120.
Прпчак (Присяга, Заклинанія)	120—123.
Тибь шарь (Сухая бѣда)	123—126.
Вирьмече, пли { Празднества по случаю изгнанія изъ до- }	126—128.
Virэм . . . . . { мовь болѣзней. . . . . }	128—133.
Сьурэнь	
Вопкын чуклэнн (Моленье о прекращеніи скотскаго падежа)	134—135.
Хирь аги (Опахиваніе деревень для огражденія отъ моровой язвы)	135—137.
Болѣзни и ихъ лѣченіе	137.
Лѣченіе осны	138.
— золотухи	138—139.
— боли въ поясицѣ	139.
— ушибовъ	139.
Ача нышэ (Дѣтское худосочіе)	140—142.
Бяжырт (лѣченіе тошноты и рвоты)	142—143.
Наговоры: Сьол хаяре чильги (Отъ несчастія въ дорогѣ)	143—144.
Вопкын чильги (отъ боли въ животѣ)	144—146.
Ійэ, вубур, шадын чильги (Отъ ломоты).	146—148.
Сьумуллых чильги (Отъ „глаза“)	148—149.
Соран чильги (Отъ порѣзовъ рукъ, ногъ и т. д.)	149—150.
Сьуэнь чильги (Отъ ужаленія змѣй)	151—152.
Хирь вурынны чильги (Отъ внезапно приключившейся болѣзни)	152.

Лажана сынна толлаган чпльги (Для замѣшательства нападающаго или убѣгающаго врага)	153.
Уштаган сумах (Приворотный)	154.
Сьведэген сумах (Отворотный)	155—156.
Средства удаленія мертвецевъ (духовъ)	
отъ больныхъ	156—158.
Похороны	158—168.
Поминки частныя семейныя.	168—178.
— общіе годовыя	178—179.
✓а) Авдан сыры (Осенніе поминки)	179—182.
б) Сьорда гоне (Вешніе поминки)	182—185.
в) Семик (Лѣтніе поминки)	185—187.
✓ Сьурасьма (Поминки умершихъ до примиренія съ ними)	187—188.
✓ Камалзыр виле (Поминки безродныхъ).	188—189.
Загробная жизнь умершихъ.	189—193.
IV. Родины.	193—194.
Чокъўрдэс (Выпрашиваніе души мертворожденному младенцу)	195.
Покупка новорожденныхъ дѣтей.	196—198.
Истребленіе тройней	198—199.
Накидываніе горшковъ (для возстановленія способности къ дѣторожденію)	199.
V. Женитьба	200—217.
Шарагат (Разводъ)	217—218.
VI. Христіанскія святыни, чтимыя Чувашами	218—230.
VII. Хильлеги иске (Зимній пиръ) (попойка).	230—235.
Хирь сыры (Дѣвичій пиръ)	235—236.
Олах (Посидѣнки)	236—242.
Очеркъ религіозныхъ вѣрованій Чувашъ. Священника В. Я. Смѣлова	243—261.
Нѣсколько чувашскихъ словъ	261—265.

О П Е Ч А Т К И:

Стран.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
20.	ачизеэ	ачизенэ
31.	къ силу	къ селу
49.	вылихчирь-лихба	вылих—чирьлихба
79.	О Тўр кикли	О Тўр килли
	итейнаго	итейнаго
100.	въ догунку	въ догонку,
106.	везнепавидьли	вознепавидьли
108.	топерь	теперь
(110.)	Турап малыхъ	турапмалыхъ
114.	на поверхности	внутри
116.	сьрлах	сьырлах
144.	противъ Волкына.	противъ Волкына.
	-лауР	
929.		
929.	(сидоню) (адри йинька)	
929.		
11.		
	-Р	